



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

BX

597

N54

B98

A 459233



N 6 km

U. 6 km



Патріархъ Никонъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

Буков, А. А.

ПАТРИАРХЪ

НИКОНЪ.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. А. Быкова.

Съ портретомъ Никона, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ.

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», В. ПОДЪЯЧ., 39.

1891

Съ осени 1890 года издается задуманная Ф. Павленковымъ
біографическая бібліотека подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ составъ этой бібліотеки войдутъ біографіи слѣдую-
щихъ лицъ:

ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Байронъ, Бальзакъ, Ф. Беконъ, Бетховенъ, Бисмаркъ,
Р. Вагнеръ, Вашингтонъ, Л. Винчи, Вольтеръ, Галилей,
Гарибальди, Гарриксъ, Гейне, Гете, Гладстонъ, Говардъ,
Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дантъ,
Дарвинъ, Декартъ, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя,
Кантъ, Кальвинъ, Кеплеръ, Колумбъ, Контъ, Конфуцій,
Коперникъ, Кромвель, Кузь, Кювье, Лавуазье, Лессенсъ,
Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лойола, Локкъ,
Лютеръ, Магометъ, Макіавелли, Мальтусъ, Меттернихъ,
Микель-Анджело, Мольеръ, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ,
Морзе, Моцартъ, Наполеонъ I, Ньютонъ, Оуэнъ, Паскаль,
Пастеръ, Песталоцци, Прудонъ, Рабле, Рафаэль, Ротшильдъ,
Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, А. Смитъ, Спиноза,
Стенли, Стефенсонъ, Теккереи, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ,
Францискъ Ассизскій, Фултонъ, Шекспиръ, Шиллеръ,
Эдисонъ, Эразмъ и другіе.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

Аввакумъ, Аксаковы, Аракатеевъ, Боткинъ, Бѣлинскій,
Верещагинъ, Глинка, Гоголь, Грановскій, Грибоѣдовъ, До-
стоевскій, Зининъ, Каразинъ (основатель харьковскаго уни-
верситета), Карамзинъ, Катковъ, Кольцовъ, Крамской, Кры-
ловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Некрасовъ,
Никонъ, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пироговъ,
Посошковъ, Пржевальскій, Пушкинъ, Радищевъ, Салтыковъ,
Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ, Л. Толстой, Тургеневъ,
Гл. Успенскій, Шевченко, Щепкинъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается
особая книжка, заключающая въ себѣ около 100 страницъ и
снабженная портретомъ.

Цѣна каждой книжки—25 коп. Все изданіе
будетъ закончено втеченіи двухъ лѣтъ, т. е. до на-
ступленія 1893 года.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Октября 1890 года.

120.3.54.550

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Стр.

	Отъ автора	4
Глава	I. Въ мордовской семьѣ	5
»	II. Священникъ и монахъ	11
»	III. Новгородскій митрополитъ	22
»	IV. Русская церковь до Никона	34
»	V. Начало русскаго раскола	41
»	VI. Патріархъ и великій государь	54
»	VII. Разрывъ и отреченіе	65
»	VIII. Судъ нечестивыхъ	80
»	IX. Судъ вселенскихъ патріарховъ	92
»	X. Старецъ Никонъ	101

ОТЪ АВТОРА.

Пособіями при составленіи этого біографическаго очерка служили слѣдующія сочиненія:

1) «*Пачертаніе житія и дѣяній Никона, патріарха московскаго и всея Россіи*. Соч. архимандрита Новоспасскаго монастыря Аполлоса. Изданіе четвертое». Москва. 1845.

2) «*Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное*. Издано подъ редакціею Н. С. Тихонравова Д. Е. Кожанчиковымъ». С.-Петербургъ. 1862.

3) «*Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи*. Историческій очеркъ В. В. Андреева». С.-Петербургъ. 1870.

4) «*Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона*. Составилъ по официальнымъ документамъ Н. Гиббенетъ. Два тома». С.-Петербургъ. 1882—1884.

5) «*Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей*. Сост. Н. Костомаровъ. Томъ второй: XVII столѣтіе. Третье изданіе». С.-Петербургъ. 1886.

6) «*Новые матеріалы и труды о патріархѣ Никонѣ*. Составилъ проф. В. Иконниковъ». Кіевъ. («Университетскія Извѣстія» за іюнь). 1888.

Литература о патріархѣ Никонѣ чрезвычайно богата; о немъ писали не только въ Россіи, но и за границею. Къ сожалѣнію, заграничные писатели основываются исключительно на посольскихъ свѣдѣніяхъ, почерпаемыхъ изъ разговоровъ съ боярами и придворными, завѣдомо враждебными Никону. Рускіе же писатели или безусловно осуждаютъ «строптиватаго» патріарха или пишутъ житіе чуть не святого. Предлагаемый очеркъ есть скромная попытка представить патріарха Никона такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ; неполнота первой половины очерка объясняется тѣмъ, что всѣ, писавшіе по этому предмету, интересовались только патріархомъ Никономъ, и никто не интересовался священникомъ изъ крестьянъ Никитой Мининымъ.

Александръ Быковъ.

І. Въ мордовской семьѣ.

Многочисленное и когда-то сильное чудское племя морва заселяетъ среднее Поволжье съ очень отдаленныхъ ремень. Сношенія ихъ съ русскими завязалось еще до І вѣка, когда новгородскіе ушкуйники пробирались по олгѣ на востокъ, но до XII вѣка вліяніе русскихъ колонизаторовъ было ничтожное, пока не появились ростовскіе и сузальскіе князья. Правда, что обрусеніе мордвы совершается райне медленно и типы этого племени мало отличаются въ аше время отъ тѣхъ, которые жили въ эпоху смутнаго времени. Въ общемъ всѣ мордвины средняго роста, коренасты, лечисты, свѣтловолосы, причемъ оттѣнки переходятъ отъ блонюраго до темно-каштановаго; глаза преимущественно сѣые, стальные, нерѣдко сѣро-голубые. Попадаются среди ихъ иногда большаго роста, обладающіе физическою силою и такіе типы надо считать наиболѣе чистыми съ точки рѣнія происхожденія. Необходимо замѣтить, что еще въ поовинѣ прошлаго столѣтія значительная часть мордвы сохраняла всецѣло свои языческія вѣрованія, и даже теперь наодятся вѣрующіе въ «бога боговъ» и «мать землю».

Въ началѣ XVII вѣка нынѣшняя Нижегородская губернія азывалась Низовою землею и была заселена мордвою съ небольшою примѣсью русскихъ. Часть мордвы исповѣдывала ристіанство, имѣла въ многолюдныхъ селахъ церкви, отличалась трудолюбіемъ и извѣстною степенью зажиточности; кроѣ общаго всѣмъ земледѣлства, нѣкоторыя деревни занимаись и занимаются до сихъ поръ овцеводствомъ. Среди селей въ ту эпоху извѣстны были Княгининъ, Вельдеманово, ригорово, Колычево и другія; ближайшими городами — Василь-

сурскъ и Нижній-Новгородъ, а уважаемую всѣми православными святынею — Макаріевъ-Желтоводскій монастырь, второй по древности въ Низовой землѣ, основанный св. Макаріемъ унженскимъ (ск. 25 іюля 1444 г.). Не смотря на политическія волненія, потрясавшія въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ всю Россію, мордвины жили спокойно, пахали землю и вовсе не интересовались тѣмъ, что дѣлалось внѣ ихъ округа.

Въ послѣдніе дни кратковременнаго царствованія Ѳеодора II Годунова, у молодого вельдемановскаго крестьянина Мины родился сынъ Никита. Это произошло 24 мая 1605 г. Приблизительно около этого же времени, въ сосѣднихъ русскихъ селахъ Григоровѣ и Колычевѣ, также родились два мальчика, жизнь которыхъ странно переплелась съ жизнью новорожденнаго Никиты: въ первомъ у священника Петра, родомъ также мордвина, попадья Марья подарила ему сына Аввакума, впоследствии знаменитаго расколоучителя, а у колычевскаго священника Ивана родился сынъ Павелъ, позднѣе епископъ коломенскій и тоже расколоучитель. Какъ можно догадываться, Никита былъ первенцемъ у болѣзненной молодой матери, по имени Маріамна, которая вскорѣ послѣ родовъ умерла. Малютка остался на рукахъ Мины, который не долго оставался вдовцомъ и женился вторично. Кто была родомъ мачиха Никиты и какъ ее звали, неизвѣстно, сохранилось только указаніе, что своимъ характеромъ она вполне оправдала обычную славу на Руси мачихъ; приведя въ домъ Мины своихъ дѣтей отъ перваго брака, она принялась безцеремонно преслѣдовать маленькаго Никиту, пользуясь выгодами своего положенія безконтрольной хозяйки въ избѣ. Правда, первые годы своей жизни малютка провелъ въ избѣ какой-то Аксиньи, взявшей на себя попеченіе о ребенкѣ по сердоболію. На пятомъ или на шестомъ году мальчикъ вернулся къ отцу и тогда началось его грустное житье-бытье.

«Берёга» въ крестьянскомъ быту выражается исключительно заботою накормить и напоить, поэтому мачиха старалась своихъ собственныхъ дѣтей покормить какъ можно лучше, тогда какъ бѣдному Никитѣ чаще всего доставался черствый хлѣбъ, приправляемый бранью и колотушками. Мальчикъ вынужденъ былъ, буквально, вести «борьбу за существованіе» при самыхъ

невыгодныхъ условійхъ; какъ-то съ голодухи онъ полѣзъ въ подполье, чтобы раздобыться чѣмъ нибудь съѣстнымъ; возвратившаяся откуда-то мачиха накрыла его въ моментъ совершенія «преступленія» и, въ сильномъ негодованіи на пасынка, такъхватила его по спинѣ, что тотъ упалъ по ступенькамъ обратно въ подполье и долго пролежалъ безъ сознанія. Правда, Мина отколотилъ жену, узнавъ объ этой исторіи, но бѣдному Никитѣ было не легче отъ этого, тѣмъ болѣе, что мачиха безъ стѣсненій вымещала на мальчикѣ всю брань и всѣ побои, получаемые отъ мужа. Вообще, положеніе ребенка было не изъ завидныхъ и единственно только бабушка его, мать Мины, обращалась съ нимъ ласково и дружелюбно, но, лишенная власти и значенія въ семьѣ, она не могла вполнѣ охранить внука-сиротку. Постоянно одѣтый въ лохмотья, въ сравненіи со сводными братьями, Никита чуть не замерзалъ въ зимніе дни и нерѣдко прятался въ печь, чтобы согрѣться. Какъ-то случилось, что онъ забрался въ печь рано утромъ, пока мачиха не начала топить; послѣдняя, умышленно или неумышленно, наложила дровъ, сколько слѣдовало, и затопила печку. Вздремнувшій было Никита проснулся и началъ отчаянно кричать, задыхаясь отъ дыму и жара; прибѣжавшая со двора бабка вытащила въ отсутствіи невѣстки дрова и такимъ образомъ спасла мальчика отъ смерти.

Благодаря относительному равнодушію отца и ненависти мачихи, которая безжалостно «учила» пасынка, маленькій Никита росъ въ семьѣ тихимъ, неразговорчивымъ ребенкомъ, безотвѣтнымъ передъ побоями, а тѣмъ болѣе передъ попреками. Никеша съ большимъ удовольствіемъ уходилъ изъ дома и любилъ на свободѣ предаваться размышленіямъ. О чемъ могъ мечтать крестьянскій мальчикъ, лежа на травѣ въ полѣ или въ лѣсу, сказать, конечно, трудно, но можно угадывать. Что мачиха занимала не послѣднее мѣсто въ его думахъ: какъ онъ вырастетъ и «заставитъ» ее быть доброю и справедливою, какъ онъ самъ будетъ во всемъ соблюдать правду и «заставитъ» другихъ быть такими же. Въ этихъ уединенныхъ прогулкахъ, «дармоѣдъ» сошелся, какъ указываетъ преданіе, съ дѣвочкою, бывшею на нѣсколько лѣтъ моложе его; можно угадывать,

что это была сестра Павла, будущаго епископа коломенскаго, дочка колычевскаго священника. Благодаря этому знакомству, Никеша попалъ въ домъ отца Ивана, представлявшаго прямую противоположность григоровскому священнику Петру: одинъ былъ тихъ, начитанъ и даже образованъ, любилъ бесѣдовать о божественномъ и заниматься садоводствомъ, другой же все свободное время посвящалъ пьянству. Въ домѣ колычевскаго священника у Никеша смутно пробудилось желаніе учиться и знать по возможности все; у добраго, сострадательнаго священника онъ отдыхалъ душою отъ злобной воркотни и побоевъ мачихи, бесѣдуя съ отцемъ Иваномъ и играя съ Павлушкой и Настею. Встрѣтясь гдѣ-то съ Миною, священникъ уговорилъ его позволить мальчику учиться и разсудительный мордвинъ согласился воспользоваться услугами батюшки. Съ этихъ поръ въ жизни Никиты произошла благопріятная перемѣна, такъ какъ онъ почти переселился въ Колычево и потому избавился отъ преслѣдованій мачихи; произошло это въ годъ воцаренія Михаила Ѳеодоровича Романова. Года три продолжалась такая жизнь. Никита выучился читать и писать, книжная премудрость увлекала его все дальше и дальше и онъ осыпалъ своего наставника разспросами до такой степени, что тотъ становился въ тупикъ.

Въ то время, когда любознательный и пытливый мальчикъ старался извѣдать и усвоить всю мудрость божественнаго писанія, составлявшаго основу тогдашняго образованія, Миня рѣшилъ, что для крестьянина его Никеша достаточно знаетъ, что пора ему посерьезнѣе помогать отцу въ хозяйствѣ. Ученые поэтому прекратилось, мальчикъ остался дома и снова началась война съ упрямою и ограниченою мачихою. Но жизнь въ Колычевѣ не прошла безслѣдно, она развила въ ребенкѣ самостоятельность и энергію; прежде онъ отдѣлывался слезами и выносливостью, не позволяя себѣ протестовать противъ обращенія мачихи, теперь онъ сталъ огрызаться и изыскивать способы избавиться отъ непрощенныхъ колотушекъ. Самый простой способъ былъ тотъ, чтобы уйти изъ дома. Никита такъ и сдѣлалъ. Обдумавъ на досугѣ, съ возможною для его лѣтъ разсудительностью, всѣ шансы побѣга и припомнивъ рассказы

отца Ивана, Никита взялъ тайкомъ у отца немного денегъ и покинулъ Вельдемановна двѣнадцатомъ году жизни. Миновавъ Колычево, Никита смѣло пошелъ на сѣверъ и на берегу Волги достигъ Макарьевъ-Желтоводскаго монастыря, гдѣ братія приняла его охотно, считая мальчика бездомнымъ и безпріютнымъ сиротою.

Пришелецъ понравился особенно священнику Арсенію, который взялся руководить его образованіемъ. Этотъ Арсеній, поздне іеромонахъ спасскаго Козмодемьянскаго монастыря Антоній, былъ образованный монахъ и, какъ можно догадываться, боярскаго рода; сынъ его Иларіонъ достигъ званія архимандрита нижегородскаго Печерскаго монастыря, а въ маѣ 1657 г. былъ поставленъ рязанскимъ архіепископомъ. Никита принялся съ Арсеніемъ усердно изучать священныя книги, въ часы досуга упиваясь его разсказами о прелестяхъ монастырской жизни, далекой отъ житейскихъ дразгъ и посвященной исключительно служенію Богу. Тихо и спокойно проходила жизнь молодого отшельника и только одинъ случай взволновалъ его и произвелъ сильное впечатлѣніе. Съ нѣсколькими служками монастырскими отправился Никита гулять по окрестностямъ монастыря; невѣжественные служки задумали навѣстить живущаго на берегу Волги знаменитаго колдуна, родомъ мусульманскаго татарина или, вѣрнѣе, язычника-мордвина. Представительный обитатель темнаго лѣса обратилъ вниманіе на интеллигентное лицо Никиты, всмотрѣлся въ него и неожиданно поставилъ его въ тупикъ своимъ рѣзкимъ вопросомъ.

— Какого ты рода?

— Я простолюдинъ, — отвѣтилъ правдиво мальчикъ.

— Ты будешь великимъ государемъ надъ царствомъ російскимъ! — увѣренно и вдохновенно произнесъ колдунъ, пронизывая его взглядомъ.

И мальчикъ долго оставался задумчивымъ, размышляя надъ пророчествомъ, но не прекращая своихъ занятій съ Арсеніемъ. Пятый годъ его пребыванія въ обители подходилъ къ концу, когда неожиданно явился въ монастырь на богомолье вельдемановскій крестьянинъ, другъ и пріятель Минны. Онъ разыскалъ Никиту, передалъ ему поклонъ отъ отца и приглашеніе вер-

нуться домой, гдѣ бабушка его лежала при смерти. Доброе чувство шевельнулось въ Никитѣ, когда онъ вспомнилъ добрую и ласковую старушку, и онъ рѣшился исполнить желаніе отца, тѣмъ болѣе, что односельчанинъ передалъ ему, между прочимъ, о смерти нелюбимой мачихи. Съ увѣренностью можно сказать, что дѣло не обошлось безъ совѣтовъ Арсенія и 17-лѣтній Никита возвратился въ Вельдеманово, гдѣ принялъ послѣднее благословеніе отъ бабушки. Какъ принялъ его отецъ, неизвѣстно, но можно думать, что дружелюбно и даже съ уваженіемъ какъ начетчика, тѣмъ болѣе, что, какъ кажется, отъ второй жены у него не было дѣтей, а пасынки перемерли. Не смотря на свои не старые годы, Мина, вскорѣ послѣ возвращенія сына, сталъ хворать и затѣмъ умеръ, не достигнувъ сорока лѣтъ. Никита остался наслѣдникомъ всего крестьянскаго хозяйства отца, который рассчитывалъ, что сынъ не откажется отъ сохи и не броситъ земли-кормилицы.

Уступая увѣщаніямъ покойнаго отца и совѣтамъ сосѣдей, молодой хозяинъ женился, чтобы имѣть въ домѣ хозяйку. Преданіе указываетъ, что его женою сдѣлалась бывшая подруга его дѣтскихъ игръ, колычевская Настасья Ивановна. Вѣсѣмъ съ дряхлѣющимъ отцомъ Иваномъ и яркія воспоминанія о созерцательной жизни въ монастырѣ только усилили въ Никитѣ Мининѣ отвращеніе отъ крестьянской жизни, полной прозаическихъ хлопотъ и заботъ. Онъ сталъ подумывать о томъ, какъ бы покинуть отцовскую избу совсѣмъ, и рѣшился сдѣлаться священникомъ. Тестъ согласился уступить ему свой приходъ, чтобы самому жить на покой; тогда Никита поѣхалъ въ Нижній-Новгородъ хлопотать у только что назначеннаго архіепископа суздальскаго Іосифа. Благодаря рекомендаціи отца Ивана и его сравнительно большой начитанности хлопоты увѣчались довольно быстро успѣхомъ и на двадцатомъ году жизни Никита Мининъ былъ поставленъ въ священники и назначенъ въ село Колычево на мѣсто отца Ивана въ 1625 г.

II. Священникъ и монахъ.

Отецъ Никита зажилъ тихою и спокойною жизнью приходскаго священника въ селѣ Колычевѣ. Безукоризненное исполненіе имъ своихъ обязанностей снискали ему всеобщее уваженіе, а строгая, полумонашеская жизнь еще болѣе возвысила его въ глазахъ прихожанъ, всегда отличающихъ тѣхъ батюшекъ, у которыхъ слово поученія въ церкви не расходится съ частною жизнью поучающаго. А прямолинейность отца Никиты заслуживала, дѣйствительно, полного вниманія: разъ придя къ заключенію въ чемъ бы то ни было, онъ не считалъ возможнымъ кривить душою и уклоняться съ намѣченнаго пути; слава о его неподкупности и безпристрастїи разнеслась далеко и о немъ говорили съ почтеніемъ не только въ Колычевѣ и окрестныхъ деревняхъ, но и въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда Минину нерѣдко приходилось ѣздить по разнымъ дѣламъ. Въ то время какъ его ровесникъ, а можетъ быть и товарищъ игръ, Аввакумъ, сынъ григоровскаго священника, получившій съ Никитою одновременно приходъ, подвергался цѣлому ряду насилій и побоевъ за свой аскетизмъ и пуризмъ, Никита, не смотря на всю рѣзкость въ рѣчахъ и поступкахъ, никогда не подвергался личнымъ оскорбленіямъ, что въ эту эпоху было не рѣдкостью со стороны сильныхъ карманомъ и властныхъ людей. Крутой и властный въ религіозныхъ дѣлахъ, Мининъ подкупалъ мягкостью и добротою въ личныхъ сношеніяхъ и нижегородцы горячо расхваливали колычевскаго батюшку всѣмъ, кто прїѣзжалъ въ городъ по дѣламъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвели эти похвалы на группу московскихъ купцовъ, нерѣдко являвшуюся въ Нижній по торговымъ дѣламъ. Крайне недовольные своимъ приходскимъ священникомъ по разнымъ причинамъ, они задумали переманить къ себѣ въ Москву Никиту. Не мало плѣняло ихъ также то обстоятельство, что Никита очень часто говорилъ въ церкви поученія, которыя крайне нравились москвичамъ. Познакомясь лично, купцы стали убѣждать Минина перейти къ нимъ и наконецъ добились его согласія.

По выполненіи нѣкоторыхъ формальностей, Никита покинулъ съ семьей свой приходъ и переселился въ Москву, гдѣ его радостно встрѣтили знакомые купцы. Сколько лѣтъ провелъ онъ на новомъ мѣстѣ, сказать трудно, но перемѣна мѣста службы своеобразно повліяла на отца Никиту; онъ сталъ задумываться, скучать и тяготиться своими обязанностями по приходу. Еще болѣе усилилась его нервность послѣ смерти третьяго и послѣдняго ребенка, котораго онъ имѣлъ отъ Настасьи Ивановны. Впечатлительный священникъ, въ которомъ вѣроятно воскресли пріятныя воспоминанія о монастырской жизни, сопоставляя ее съ московскою сутолокою, счелъ смерть дѣтей за указаніе свыше, что ему необходимо покинуть суетный міръ и отдаться молитвѣ и размышленіямъ за оградой монастыря. Съ этою цѣлью онъ такъ повліялъ на любящую и кроткую жену, что та наконецъ согласилась отказаться отъ совмѣстной брачной жизни и принять постриженіе. Тогда онъ самъ отвезъ ее въ Алексѣевскій монастырь, далъ за нее приличный вкладъ и оставилъ новопостриженной монахинѣ Анфисѣ небольшую сумму на личные расходы. Покончивъ такъ рѣшительно съ любимой женою, Никита изъ всего имущества взялъ только свою библіотеку, состоящую изъ духовныхъ книгъ, и, отказавшись отъ должности, отправился на далекій сѣверъ въ соловецкій монастырь свв. Зосимы и Савватія.

Основаніе Соловецкому, нынѣ ставропигіальному монастырю, раскинувшемуся на дикихъ островахъ Бѣлаго моря, положилъ св. Савватій (ск. 23 сентября 1435 г.) родомъ новгородецъ. Новгородская республика не любила гражданъ, выдающихся по уму, и вынуждала ихъ покидать родину; благодаря этому, съ сѣдой старины были ушкуйники, покорившіе Великому Новгороду обширныя земли отъ Ильмена за Каменный Поясъ, т. е. за Уральскія горы. Когда, силою обстоятельствъ, ушкуйничество прекратилось, даровитые новгородцы стали уходить на службу въ Москву и Вильно, сдѣлавшись родоначальниками знаменитыхъ фамилій, напримѣръ Романовыхъ, Шереметевыхъ, Неплюевыхъ, Колычевыхъ, Мусиныхъ-Пушкиныхъ, Апраксиныхъ, Салтыковыхъ, Морозовыхъ, Шенныхъ, Тучковыхъ, Шестовыхъ, Строгановыхъ и другихъ. Чувствовалъ

шіе больше склонности къ созерцательной жизни уходили въ дремучіе лѣса и основывали монастыри, изъ которыхъ многіе пользуются знаменитостію до настоящаго времени; ихъ устроители причислены къ лику святыхъ. Изъ числа этихъ ревнителей строгаго православія былъ и Савватій; не удовлетворяясь дремучими лѣсами и непроходимыми болотами, онъ ушелъ на дальній сѣверъ къ океану и въ лодкахъ перебрался на одинъ изъ Соловецкихъ островковъ. Ему нашелся подражатель, св. Зосима (ск. 17 апрѣля 1478 г.), и затѣмъ слава о строгой жизни островитянъ-отшельниковъ разошлась по всей Россіи. Соловецкій уставъ состоялъ изъ нѣсколькихъ уставовъ, измѣненныхъ сообразно потребностямъ того или другого скита; самыя суровыя правила были въ Анзерскомъ скитѣ, расположенномъ на островѣ Анзерѣ, въ 20 верстахъ отъ собственно Соловецкой обители. Братія, которой въ первой половинѣ XVII вѣка было въ скитѣ 12 человѣкъ, жила, вмѣсто келій, въ отдѣльныхъ избахъ, разбросанныхъ по всему островку и выстроенныхъ собственными руками; въ субботу вечеромъ всѣ сходились въ церковь и богослуженіе совершалось цѣлую ночь, причемъ передъ сидящими монахами читалась вся псалтырь, а съ наступленіемъ дня совершалась литургія. Затѣмъ всѣ расходились по своимъ избамъ на цѣлую недѣлю, обрекая себя на молчаніе, молитву и тяжелую физическую работу. Монаховъ, подвижающихся въ такомъ суровомъ отшельничествѣ, уважали повсемѣстно и поморскіе рыболовы считали своею обязанностію снабжать братію рыбою, въ видѣ подаванія. Богатые люди также не пропускали случая пожертвовать что нибудь анзерскимъ пустыникамъ, а изъ Москвы ежегодно шла царская «руга», то есть царское жалованье живущимъ въ скитѣ, по три четверти хлѣба на человѣка, иногда же и деньгами. Здѣсь подвизался боярскій сынъ Ѳеодоръ Степановичъ Колычевъ, принявшій схиму съ именемъ Филиппа и достигшій званія московскаго митрополита (съ 20 іюля 1566 г. по 8 ноября 1568 г.) при Иванѣ Грозномъ, который велѣлъ его задушить 9 января 1570 г.

Въ этотъ-то печальный и непривѣтный пріютъ направился священникъ Мининъ, покончивъ свои дѣла въ Москвѣ. Онъ явился къ настоятелю скита Элеазару и принялъ постриженіе

съ именемъ Никона, безусловно подчинившись строгому уставу: все время проводилъ онъ въ упорномъ трудѣ и молитвѣ, такъ что братія не могла имъ нахвалиться, свободное же время посвящалъ чтенію духовныхъ книгъ своей библіотеки, часть которой подарилъ скиту. Постриженіе Никона произошло въ 1635 г. и до 1641 г. жизнь новаго схимника шла ровно и спокойно, безъ всякихъ измѣненій. Въ 1641 г. старецъ Элеазаръ, благоволившій также къ Никону, рѣшился взять его съ собою для сбора подаяній на постройку новой церкви; была у него при этомъ какая нибудь цѣль или нѣтъ, сказать трудно за неимѣніемъ свѣдѣній, хотя можно предполагать, что лукавый старецъ поступилъ такъ не безъ умысла. Сборщики прибыли въ Москву и очень успѣшно выполнили свою обязанность: такъ что успѣли собрать до пятисотъ рублей тогдашней стоимости: затѣмъ Элеазаръ и Никонъ возвратились въ скитъ. Съ этихъ поръ между ними началась рознь и крупныя непріятности. Корыстолюбивый Элеазаръ хотѣлъ хранить деньги въ ризницѣ, ключи отъ которой были въ рукахъ преданнаго ему ризничаго, а прямолинейный Никонъ, которому вѣроятно настоятель показывалъ себя въ настоящемъ свѣтѣ во время поѣздки, настоятельно добивался, чтобы деньги, собранныя на церковь, хранились въ особомъ сохранномъ мѣстѣ, «дабы ихъ не отняли лихіе люди». Намекъ былъ очень прозраченъ, такъ какъ про воровъ и разбойниковъ въ обители Савватія и Зосимы ничего не было слышно, но сторону Никона приняли нѣкоторые монахи и Элеазаръ былъ лишенъ возможности распоряжаться строительнымъ капиталомъ безконтрольно. Ссоры и перебранки дошли до того, что враги не могли равнодушно смотрѣть другъ на друга, а настоятель, пользуясь своимъ положеніемъ, сталъ тѣснить Никона и громкогласно заявлялъ братіи, что Никонъ являлся ему въ сонномъ видѣніи и черный змѣй обвинялъ его шею, какъ бы собираясь его задушить. Для бывшаго священника воскресла жизнь въ Вельдемановѣ во времена мстительной мачихи, его преслѣдовали и старались извести, тѣмъ болѣе что Элеазаръ безъ стѣсненій говорилъ, что беретъ на себя грѣхъ убійства «строптиваго»; такая расправа въ «мужицкомъ» монастырѣ, пополнявшемся исключительно почти изъ «нового

родскихъ мужиковъ», была не рѣдкостью на уединенномъ островкѣ и Никонъ сталъ серьезно опасаться за свою жизнь, но уступить было не въ его правилахъ.

Какъ когда-то въ Вельдемановѣ, такъ и въ Анзерѣ Никонъ задумалъ бѣжать отъ преслѣдованій. Какой-то поморскій богомолецъ, склонный самъ къ монашеской жизни и часто посѣщавшій скитъ, вызвался помогать бѣгству; принявъ участие въ этомъ еще одинъ монахъ, единственный сторонникъ Никона, и то тайный. Втроемъ они оснастили лодку, доставленную богомольцемъ украдкою въ закрытую бухточку, собрали провизіи на нѣсколько дней, уложили книги, составлявшія единственное богатство Никона, и темною осеннею ночью монахъ благословилъ двухъ отважныхъ бѣглецовъ, покидающихъ навсегда Анзерскій скитъ. Надо знать Бѣлое море, его скалы и бури, его неизслѣдованную прихотливость, чтобы понять всю безумную смѣлость попытки бѣжать неуказаннымъ путемъ съ островка. Пловцы отправились на югъ, по Онежской губѣ, и выбрали длиннѣйшій путь; на Лопарскій или Лѣтвій берегъ было бы имъ ближе, но они рисковали попасть въ безлюдную мѣстность, тѣмъ болѣе что Лопарскій берегъ, противъ устьевъ Кемы, Выга, Сумы, Ухты и Нименги усыянъ подводными скалами и голыми островками. Съ молитвою покинулъ Никонъ съ богомольцемъ обитель, гдѣ онъ провелъ почти семь лѣтъ, и безъ компаса, по изрѣдка мелькающимъ звѣздамъ, отправился въ путь; слишкомъ трое сутокъ носило ихъ на лодкѣ, наконецъ разразилась буря и лодку, съ полузамерзшими гребцами, выкинуло на обнаженный берегъ какого-то островка, верстахъ въ пятнадцати отъ впаденія рѣки Онеги въ губу. Придя въ себя, Никонъ, въ благодарность за свое спасеніе, водрузилъ на возвышенномъ мѣстѣ деревянный крестъ, а затѣмъ сталъ изыскивать съ товарищемъ средства продолжать путь; оказалось, что лодка можетъ еще служить, но изъ библиотечки уцѣлѣли только двѣ книги. Съ этими пожитками странники перебрались съ островка Кія на твердую землю и тутъ разстались почему-то. Одинокó продолжалъ Никонъ свой путь и вскорѣ прибылъ въ нынѣшній Каргопольскій уѣздъ Олонецкой губерніи, на берегъ озера Коже, среди котораго, на островкахъ,

возвышался Кожеозерскій монастырь или пустынь, упраздненная по штатамъ 1764 г. Игуменъ потребовалъ отъ странника вкладъ, безъ котораго никто не принимался, и Никонъ отдал свои послѣднія двѣ книги.

Привыкнувъ въ Анзерскомъ скитѣ къ одиночеству и молчанію, Никонъ выпросилъ у игумена позволеніе жить отдѣльно отъ братіи и занялъ маленькій островокъ, оставшійся заброшеннымъ у монаховъ; онъ поселился на немъ и свободное отъ богослуженія время посвящалъ рыбной ловлѣ, которой онъ предавался охотно еще на Бѣломъ морѣ. Молчаливость, благочестіе и примѣрный образъ жизни поставили Никона высоко въ мнѣніи братіи; надо предполагать, что они ознакомились съ его прошлымъ и удивлялись этому желѣзному характеру, который бросилъ все, привлекательное для человѣка, лишь бы безпрепятственно отдаться служенію Богу. Около года спустя кожеозерскій игуменъ умеръ и братія собралась для избранія новаго; выборъ палъ на пустынножителя Никона, который внушалъ больше всѣхъ довѣріе своими качествами. Послѣ нѣкотораго раздумья, Никонъ согласился и былъ поставленъ въ игумены Кожеозерскаго монастыря въ 1643 г. Новгородскій митрополитъ Афеоній утвердилъ выборъ братіи и монастырь видимо измѣнился къ лучшему; суровая дисциплина, болѣе согласовавшаяся съ характеромъ Никона, повліяла замѣтно на поведеніе и образъ жизни монаховъ. Около трехъ лѣтъ правил Никонъ монастыремъ безмятежно, но въ 1646 г. онъ рѣшилъ отправиться лично за сборомъ подаянія въ Москву; тамъ, по обыкновенію своего времени, онъ долженъ былъ явиться на поклонъ къ царю и тутъ-то познакомился съ вторымъ Романовымъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Царь Алексѣй, третій ребенокъ царя Михаила Феодоровича и Авдотьи Лукьяновны Стрѣшневой, второй супруги царя, родился 10 марта 1629 г., а 12 іюня 1645 г. вступилъ на престолъ, слѣдовательно, во время знакомства съ Никономъ ему пошелъ восемнадцатый годъ. Это былъ юноша привлекательной наружности, бѣленькій, румяный, съ узкимъ лбомъ и крѣпкого тѣлосложенія; крайне добродушный, онъ былъ веселъ и правъ, любилъ давать клички своимъ приближеннымъ и час

упалъ столѣнниковъ въ коломенскомъ прудѣ. Но, при всемъ томъ, Алексѣй Михайловичъ былъ чрезвычайно благочестивъ, любилъ читать священныя книги, ссылаться на нихъ въ разсужденіи и руководиться ими. Никто не могъ превзойти его въ соблюденіи постовъ: во время великаго поста онъ выстаивалъ въ церкви часовъ по пяти и отбивалъ поклоны по тысячѣ; въ онедѣльникъ, среду и пятницу строгость доходила до того, то онъ ѣлъ одинъ ржаной хлѣбъ. Даже въ прочіе дни года, когда церковный уставъ разрѣшалъ мясо или рыбу, царь отличался трезвостью и умѣренностью, хотя къ его столу подавалось до семидесяти блюдъ, которыя онъ разсылалъ въ видѣ «царскаго жалованья» другимъ. Каждый день Алексѣй Михайловичъ посѣщалъ церковь, такъ какъ считалъ большимъ грѣхомъ пропустить обѣдню; однако, нерѣдко среди богослуженія изговаривалъ съ приближенными боярами о мірскихъ дѣлахъ. Алексѣй Михайловичъ принадлежалъ къ тѣмъ благодушнымъ натурамъ чисто словянскаго пошиба, которыя прежде всего хотѣли, чтобы у нихъ на душѣ и вокругъ нихъ было свѣтло и изнепамятно; къ затаенной злобѣ, къ продолжительной ненависти онъ былъ не способенъ, хотя въ минуту вспыльчивости могъ оттаскать за бороду, какъ онъ сдѣлалъ позднѣе со своимъ стемъ, Ильею Даниловичемъ Милославскимъ. Была у него еще на своеобразная черта: онъ былъ крайне пристрастенъ къ церковной и придворной обрядности. Разнообразный чинъ царскихъ выходовъ, богомолий, пріемовъ посольствъ, царскихъ діенцій, парадныхъ обѣдовъ, все это, издавна установленное въ Москвѣ, получило болѣе живой характеръ, благодаря вниманію и участію царя. Никогда еще обряды не совершались такою точностью и торжественностью, какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, который охотно и съ любовью вникалъ во всѣ подробности церемоніала, занимаясь ими наравнѣ съ государственными дѣлами.

Съ этимъ-то юношею-царемъ пришлось познакомиться игумену Никону лѣтомъ 1646 г., въ селѣ Коломенскомъ. Безслѣд-
такая встрѣча пройти не могла: съ одной стороны суровый кетъ-мордвинъ, весь ушедшій въ дѣла вѣры и благочестія, другой — не извѣдавшій жизненной горечи молодой царь;

общаго у нихъ было усердіе къ церковной чистотѣ и благоуправленію, а также цѣломудріе. Много видѣвшій и много испытавшій въ теченіи 40-лѣтней жизни игуменъ могъ рассказать царю многое, чего тотъ не зналъ; вслѣдствіе этого Алексѣй Михайловичъ пожелалъ продолжить эти бесѣды и просилъ игумена не торопиться отъѣздомъ. Никонъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Коломенское, отличающееся своею живописностью, гдѣ Алексѣй Михайловичъ любилъ проводить лѣто, занимаясь хозяйственными распоряженіями, какъ добрый помѣщикъ, или же соколиною охотою, къ которой имѣлъ особую страсть. Продолжительные разговоры, въ которыхъ царь почерпалъ для себя много полезнаго и интереснаго, такъ повліяли на чуткаго и воспріимчиваго юношу, что онъ предложилъ игумену совсѣмъ остаться въ Москвѣ. Умный отъ природы, Никонъ сообразилъ, что вблизи доступнаго и ласковаго царя онъ можетъ принести несравненно больше пользы, чѣмъ въ своемъ отдаленномъ Кожеозерскомъ монастырѣ. Онъ видѣлъ хорошо, какъ мало истиннаго благочестія въ большинствѣ монастырей, какъ небрежно относится черное духовенство къ своимъ обязанностямъ, какъ обманываютъ вѣнценоснаго юношу, пользуясь его неопытностью и довѣріемъ къ своему воспитателю, боярину Борису Ивановичу Морозову; онъ все это видѣлъ, желалъ этому помочь, а потому безъ долгихъ колебаній согласился на предложеніе царя. Тогда Алексѣй Михайловичъ, пользуясь смертью архимандрита Новоспасскаго монастыря, обратился къ патріарху Іосифу и настоятелю, чтобы тотъ посвятилъ на вакантное мѣсто кожеозерскаго игумена. Въ ту эпоху мѣсто новоспасскаго архимандрита считалось особенно важнымъ, такъ какъ въ монастырѣ была родовая усыпальница Романовыхъ, со времени вступленія ихъ на престолъ. Набожный царь часто пріѣзжалъ въ обитель помолиться за упокой своихъ предковъ, давалъ монастырю щедрую «ругу» и архимандритъ могъ, скорѣе другихъ, сдѣлаться приближеннымъ лицомъ у государя.

Новоспасскій монастырь былъ основанъ московскимъ великимъ княземъ Иваномъ Даниловичемъ Калитою въ 1330 г. за годъ до смерти его супруги Соломонины, когда она приняла постриженіе съ именемъ Елены. Монастырю было отведено мѣ-

это въ Кремлѣ и Калита (ск. 31 марта 1341 г.) часто молился въ немъ. Полтораста лѣтъ простоялъ монастырь на своемъ мѣстѣ, но пожаръ уничтожилъ его постройки и великій князь Иванъ III Васильевичъ (ск. 27 октября 1505 г.) перемѣстилъ его на Крутицы, гдѣ и состоялось освященіе новой церкви въ 1490 г. Значеніе монастыря усилилось съ восшествіемъ на престолъ Михаила Ѳедоровича и особенно съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ его явился архимандритъ Никонъ. Чѣмъ болѣе бесѣдовалъ царь съ новымъ архимандритомъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ къ нему расположеніе; Алексѣй Михайловичъ былъ изъ такихъ сердечныхъ людей, которые не могутъ жить безъ дружбы, легко привязываются къ людямъ, которые имъ нравятся по своему характеру, и почти требуютъ ихъ помощи и руководства. До сихъ поръ ближайшимъ лицомъ къ царю былъ бояринъ Морозовъ, съ которымъ юноша не могъ дружить, какъ со своимъ воспитателемъ, перешедшимъ на пятый десятокъ лѣтъ. Никонъ больше соотвѣтствовалъ потребности молодого царя. Алексѣй Михайловичъ приказалъ Никону ѣздить къ нему во дворецъ каждую пятницу; имъ было о чемъ потолковать и бесѣды архимандрита западали въ душу государя. Пользуясь положеніемъ своимъ и близостью къ царю, Никонъ сталъ являться съ просьбами за обиженныхъ и угнетенныхъ, а такихъ было не мало, благодаря тому же Морозову, который практично пользовался своимъ высокимъ положеніемъ правителя государства, не забывалъ себя и не мѣшалъ наживаться подчиненнымъ ему лицамъ. Просьбы Никона пришлись по душѣ мягкому и сострадательному царю, который поэтому еще больше полюбилъ своего богомольца и пристрастился къ нему. Кончилось тѣмъ, что Алексѣй Михайловичъ самъ возложилъ на Никона порученіе принимать просьбы отъ всѣхъ тѣхъ, которые искали царскаго милосердія и правосудія на неправду судей. Благодаря этому, архимандрита Никона безпрестанно стали осаждать такіе просители, и не только въ Новоспасскомъ монастырѣ, но даже и по дорогѣ, когда онъ выѣзжалъ во дворецъ. Прямодушный и нелицепріятный Никонъ быстро викиалъ въ суть прошенія, знакомилъ съ нею царя и всякая правая просьба скоро исполнялась. Вскорѣ новоспасскій архимандритъ приобрѣлъ славу

*

добраго защитника и ходатая за бѣдныхъ, которые громогласно стали выражать ему свою благодарность и любовь.

Какъ близкій человѣкъ къ царю, Никонъ пріобрѣлъ значеніе и сдѣлался не маловажною особою при дворѣ, гдѣ главную роль играли интриги женщинъ, запертыхъ въ терема, и духовенства. Какъ смотрѣли на быстрое возвышеніе мордовскаго крестьянина бояринъ Морозовъ и патріархъ Іосифъ, трудно сказать по неимѣнію данныхъ, но, во всякомъ случаѣ, ихъ взаимныхъ отношеній нельзя назвать дружескими. Благодаря Никону многія плутни подчиненныхъ Морозову лицъ всплывали наружу и, конечно, интересами этихъ лицъ, а то и ими самими, приходилось подчасъ жертвовать, чтобы поддержать свой авторитетъ. Іосифъ, корыстолюбивый и малограмотный архимандритъ московскаго Симонова монастыря, такимъ остался и въ санѣ патріарха московскаго съ 27 марта 1642 г. Онъ зналъ хорошо, какъ подтянулъ Никонъ Кожеозерскій и Новоспасскій монастыри, зналъ, какъ онъ былъ требователенъ къ священникамъ и, конечно, не могъ сочувствовать этимъ преобразованіямъ, являвшимся нѣмымъ укоромъ его собственной лѣни и распущенности. Что касается царскаго терема, то тамъ пока были равнодушны къ любимцу архимандриту, такъ какъ онъ ничѣмъ не затрогивалъ ихъ интересовъ; женщинамъ больше нравился духовникъ царя, священникъ Стефанъ Вонифатьевъ, и юрьевъ-повольскій протопопъ Аввакумъ Петровичъ, землякъ Никона; первый развлекалъ царевенъ «страшными» разсказами на библейской подкладкѣ, а второй, съ истомленнымъ впалымъ лицомъ и фосфорически сверкающими глазами, напоминалъ своею внѣшностью мученика первыхъ вѣковъ христіанства и производилъ сильное впечатлѣніе своими витѣватыми и кудрявыми бесѣдами о религіозныхъ предметахъ. Никонъ ничего подобнаго не дѣлалъ, онъ не любилъ болтать съ «бабами» и изъ всего терема только царевна Татьяна Михайловна, младшая сестра царя, одиннадцатилѣтняя дѣвочка, любила слушать бесѣды брата-царя съ архимандритомъ Никономъ. Во всякомъ случаѣ дружбѣ царя съ Никономъ ничто и никто не мѣшалъ, она росла и крѣпла и вскорѣ Алексѣй Михайловичъ выказалъ новый знакъ расположенія и вниманія къ «собинному другу».

Новгородскій митрополитъ Афѳоній, по преклонности своихъ лѣтъ, уволился 7 января 1649 г. на покой и поселился въ Варлааміево-Хутынскомъ монастырѣ. Вскорѣ онъ скончался, завѣщавъ, противъ обыкновенія, совершить свое погребеніе не преемнику, а непременно псковскому архіепископу Левкію. Чѣмъ объяснить такое нововведеніе, сказать трудно, но позднѣе враги Никона сочинили, будто покойный предчувствовалъ, что именно будетъ съ его преемникомъ и не хотѣлъ, чтобы его прахъ былъ оскверненъ прикосновеніемъ рукъ «антихристовой собаки». Какъ бы тамъ ни было, извѣстіе объ отреченіи митрополита, перваго въ русской іерархіи послѣ патріарха, пришло въ Москву и Іосифъ, посовѣтовавшись со своими приближенными, представилъ Алексѣю Михайловичу списокъ кандидатовъ на свободный престолъ митрополичій. Царь списка не принималъ и выразилъ желаніе видѣть митрополитомъ своего друга Никона. Патріархъ сталъ колебаться, не желая содѣйствовать возвышенію опаснаго человѣка, тогда царь, нерѣшительный въ другихъ случаяхъ, круто повернулъ дѣло и обратился съ просьбою о рукоположеніи новоспасскаго архимандрита къ іерусалимскому патріарху Паисію, гостившему въ Москвѣ для сбора подаеній. Дипломатичный грекъ Паисій, привыкшій на Востокѣ къ деспотизму мусульманскихъ монарховъ и зная, что за труды ему будетъ подарокъ отъ царя, охотно взялся совершить обрядъ, который и состоялся 11 марта 1649 г. Въ разговорахъ, которые были у Паисія съ Никономъ, первый сразу разгадалъ цѣльную, богатую натуру мордвина, получившаго лишь то образованіе, какое могъ ему дать желтоводскій монахъ Арсеній, но не больше, и не владѣвшій вовсе греческимъ языкомъ; патріархъ понялъ, почему царь благоволитъ къ этому великану, только что рукоположенному въ митрополиты, и въ знакъ своего личнаго расположенія. выдалъ ему грамоту за своею патріаршею печатью; въ этой грамотѣ онъ восхвалялъ достоинства Никона и, въ знакъ отличія, предоставлялъ ему право носить мантию съ красными «источниками», т. е. пришивками. При этомъ же, однако, Никонъ былъ сильно смущенъ, когда Паисій ясно и опредѣленно высказался противъ двуперстнаго сложенія креста, какъ

тогда дѣлала вся Россія, и съ давнихъ временъ, едва ли не съ княженія Андрея Боголюбскаго (сконч. 29 іюня 1174 г.). Никонъ немедленно доложилъ объ этомъ Алексѣю Михайловичу и тотъ такъ серьезно встревожился важнымъ нарушеніемъ обряда, что тотчасъ же распорядился отправить на Востокъ келаря Троице-Сергіевской лавры, Арсенія Суханова, для провѣрки и справокъ объ истинѣ. Съ этими сомнѣніями митрополитъ Никонъ уѣхалъ изъ Москвы въ Великій Новгородъ, посѣтивъ при этомъ митрополита Афеонія въ монастырѣ

III. Новгородскій митрополитъ.

Новгородъ, потерявшій свою республиканскую свободу 20 января 1479 г. при великомъ князѣ Иванѣ III и сильно потрясенный въ своемъ торговомъ благостояніи, сто лѣтъ спустя при царѣ Иванѣ IV, продолжалъ сохранять духъ свободолюбія и неповиновенія московскимъ властямъ, когда пріѣхалъ въ него вновь назначенный митрополитъ, облеченный полнымъ довѣріемъ царя. Алексѣй Михайловичъ былъ вполне довѣрчивъ къ тѣмъ, кого особенно любилъ; помимо всѣхъ существующихъ офиціальныхъ властей, онъ возложилъ на «собиннаго друга» наблюденіе не только надъ церковными дѣлами, что тотъ былъ обязанъ дѣлать какъ митрополитъ, но и надъ мірскимъ управленіемъ; Никонъ долженъ былъ доносить ему обо всемъ, что дѣлалось въ Новгородѣ, и давать свои заключенія и совѣты. Добрый къ бѣднымъ и обиженнымъ, Никонъ продолжалъ заботиться о нихъ, какъ онъ дѣлалъ это въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ его пріѣзда, въ Новгородской землѣ начался сильный голодъ, что часто случалось съ новгородцами, и голодные толпами повалили въ городъ добывать прокормленіе. Тогда Никонъ отвелъ у себя на владычномъ дворѣ особую палату, такъ называемую «погребную», и приказалъ ежедневно кормить въ ней нищихъ; дѣло это было возложено, согласно обыкновению того времени, на какого-то Василя-Вавилу, ходившаго босикомъ круглый годъ. Кромѣ того, этотъ блаженный каждое утро ра

давалъ нищимъ по куску хлѣба, а каждое воскресенье отъ имени митрополита раздавалъ старымъ по двѣ деньги, взрослымъ по одной деньгѣ, а подросткамъ и дѣтямъ по полденьгѣ. Не ограничиваясь этимъ, Никонъ устроилъ нѣсколько богатѣльней для постоянного призрѣнія убогихъ и выпросилъ у Алексѣя Михайловича постоянныя суммы на ихъ содержаніе. Всѣ эти дѣла благочестія и нищелюбія только усиливали къ нему любовь и уваженіе царя, а также привлекали къ нему симпатіи простого народа; своими подвигами, довольно обычными для духовенства XVII вѣка, Никонъ никому не мѣшалъ изъ служилыхъ людей и бояръ, но тѣ стали косо смотрѣть на владыку за дѣятельность его совершенно въ другомъ направленіи. У него явились враги.

Дѣло въ томъ, что Никонъ былъ настолько прямолинейнымъ въ своей дѣятельности, что, сознавая себя подданнымъ и другомъ Алексѣя Михайловича, согласовался только съ желаніями послѣдняго, не считая нужнымъ обращать вниманіе на Морозова, на Іосифа и на бояръ-рюриковичей, усилившихъ свое значеніе при дворѣ со времени вступленія на престолъ Михаила Ѳеодоровича и разнуздавшихся послѣ смерти умнаго и энергичнаго патріарха Филарета. Никонъ былъ при дворѣ homo novus, безъ традицій надменнаго боярства, а потому въ наивномъ невѣдѣніи не считалъ нужнымъ примыкать къ кучкѣ себялюбцевъ, сознавая при этомъ вполне справедливо, что въ этой кучкѣ не мало нравственныхъ ничтожествъ. Основываясь на этомъ, митрополитъ, исполняя волю царя, посѣщалъ тюрьмы новгородскія, разспрашивалъ заключенныхъ, принималъ отъ нихъ жалобы, доносилъ по существу жалобъ Алексѣю Михайловичу, наконецъ вмѣшивался въ распоряженія намѣстника или воеводъ, давалъ по поводу ихъ тѣ или другіе совѣты и царь всегда слушалъ его. Въ своихъ письмахъ къ Никону, царь искренно величалъ его «великимъ солнцемъ сіяющимъ», «избраннымъ крѣпкостоятельнымъ пастыремъ», «наставникомъ душъ и тѣлесъ», «милостивымъ, кроткимъ и милосердымъ», «возлюбленнымъ своимъ и содружбникомъ», и такъ далѣе; бесѣдуя откровенно съ отсутствующимъ, царь повѣрялъ ему свое тайное мнѣніе о томъ или другомъ бояринѣ

или придворномъ. Конечно, окольными путями содержаніе переписки дѣлалось извѣстнымъ и вотъ, противъ «интригана-монаха» стали вооружаться всѣ эти Морозовы, Салтыковы, Стрѣшневъ, Трубецкіе, Одоевскіе и другіе, не говоря уже о подчиненныхъ имъ лицахъ, которымъ хуже всѣхъ приходилось отъ зоркаго и проницательнаго глаза «высочки-чернеца». Сохранилось указаніе, что многіе изъ московскихъ бояръ выражались, будто они согласны погнѣбать въ новой землѣ за Сибирью, чѣмъ быть съ новгородскимъ митрополитомъ; такихъ было, конечно, мало. Въ самомъ Новгородѣ серьезный, энергичный ставленникъ самого царя изъ Москвы не могъ быть симпатичнымъ для бунтливыхъ новгородцевъ, которымъ всегда зависимость отъ Москвы казалась не особенно удобною; а Никонъ не имѣлъ ничего общаго ни съ буйными обитателями «концовъ» городскихъ, ни съ прошлымъ города.

Духовенство новгородской митрополіи было очень недовольно назначеніемъ Никона, такъ какъ многіе уже раньше знали его строгость и взыскательность. Не смотря на набожность того времени, набожность чисто вѣшнюю, казовую, богослуженіе совершалось крайне безобразно и нелѣпо: совратить чинъ литургіи считалось грѣхомъ, пропустить что нибудь—тоже, а выстаивать по нѣсколько часовъ не хотѣлось никому, поэтому для скорости одновременно читали и пѣли разное, такъ что присутствующіе рѣдко когда что понимали. Въ Кожеозерскомъ и Новоспасскомъ монастыряхъ этого уже не было; прибывъ въ Новгородъ, Никонъ самъ совершалъ богослуженіе съ большею точностью, правильностью и торжественностью, и требовалъ того же и отъ подчиненнаго ему духовенства. Очень естественно, что такое распоряженіе митрополита не нравилось никому, потому что черезъ это приходилось тратить больше времени, а русскіе, даже и въ то время, считали необходимою бывать въ церкви, но не любили оставаться тамъ долго. Никона возмущала эта коммерческая сдѣлка съ совѣстью и онъ властно взялся за лѣннихъ и подчасъ едва грамотныхъ священниковъ, не обращая вниманія ни на родство, ни на связи, ни на лѣта. Заботясь о благолѣпіи храма, митрополитъ велѣлъ обучить пѣвчихъ кievскому напѣву, кото-

рый онъ слышалъ, вѣроятно, у боярина Ѳедора Михайловича Ртищева, а затѣмъ ввелъ въ богослуженіе пѣніе на греческомъ языкѣ, пополамъ со словянскимъ. Зимой 1649 г. Никонъ по обыкновенію пріѣхалъ изъ Новгорода въ Москву, сопровождаемый своими пѣвчими, и Алексѣй Михайловичъ пришелъ въ восторгъ, услыша преобразованное пѣніе, но нашлись, конечно лица, которыя съ рѣзкимъ порицаніемъ отнеслись къ нововведенію; во главѣ такихъ порицателей былъ самъ патріархъ. Соборъ 1651 г. одобрилъ нововведеніе митрополита.

Между тѣмъ, еще въ бытность Никона архимандритомъ, онъ былъ свидѣтелемъ мятежа москвичей, выведенныхъ изъ терпѣнія лихоимствомъ Морозова, Милославскаго, Плещеева, Траханиотова, Чистова и др. Мятежъ вспыхнулъ 25 мая 1648 года. Плещеевъ и Чистовъ были закованы палками, Траханиотова казнили и царь едва отстоялъ жизнь Морозова, упрямившая народъ со слезами на глазахъ: «Пусть народъ уважить мою первую просьбу и проститъ Морозову то, что онъ сдѣлалъ не добраго; мы, великій государь, обѣщаемъ, что отнынѣ Морозовъ будетъ оказывать вамъ любовь, вѣрность и доброе расположеніе и если народъ желаетъ, чтобы Морозовъ не былъ ближнимъ совѣтникомъ, то мы его оставимъ; лишь бы только намъ, великому государю, не выдавать его головою народу, потому что онъ намъ какъ второй отецъ: воспиталъ и возростилъ насъ. Мое сердце не вынесетъ этого». Уже 16 іюля 1648 года Алексѣй Михайловичъ собралъ особое засѣданіе изъ бояръ, окольничихъ, думныхъ и духовныхъ лицъ, чтобы привести въ порядокъ разшатанное законодательство, и съ этою цѣлью была избрана коммиссія изъ князей Никиты Ивановича Одоевскаго, Семена Васильевича Прозоровскаго и Ѳедора Ѳедоровича Волконскаго да изъ дьяковъ Ѳедора Грибоѣдова и Гаврилы Леонтьева, чтобы составить «Уложеніе»; соляная пошлина была уничтожена еще 16 января, въ день свадьбы царя съ Марьею Ильинишною Милославскою, а вслѣдъ за избраніемъ коммиссіи прекращена казенная продажа табаку, соблазнявшая благочестивыхъ ревнителей православія, и заготовленный табакъ былъ сожженъ по приказанію царя. Такимъ образомъ, мятежъ окончился вполнѣ удачно для возстав-

шихъ въ Москвѣ, а потому нашлись охотники повторить ея въ другихъ городахъ, въ которыхъ режимъ Морозова держался пока въ силѣ; дѣйствительно, мятежи повторились въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ, но скоро были усмирены. Серьезныя разыгрались страсти во Псковѣ и Новгородѣ, гдѣ многочисленное и богатое торговое сословіе было до крайности раздражено данными англійскимъ купцамъ привилегіями и обирательствомъ дьяковъ.

Началось во Псковѣ. 28 февраля 1650 г. ограбили шведскаго агента Нумменса и «гостя» Емельянова, затѣмъ выбрали свое управленіе изъ посадскихъ и отправили челобитчиковъ въ Москву; архіепископъ Макарій и воевода Собакинъ оказались безсильными усмирить народъ. Между тѣмъ, извѣстіе о псковскомъ возстаніи быстро достигло Новгорода, гдѣ народъ сильно ропталъ на появленіе царскихъ бирючей, которые объявляли на торговыхъ площадяхъ, чтобы новгородцы покупали хлѣбъ только въ небольшихъ количествахъ. Поднялся общій крикъ, что царь ничего не знаетъ, что всѣмъ управляютъ бояре, которые отпускаютъ за море казну и хлѣбъ въ ущербъ русской землѣ. Посадскій Елисей Лисица воспользовался 15 марта прїѣздомъ датскаго посланника Граба, велѣлъ ударить въ набатъ и мятежъ, по тогдашнему «гиль», начался тѣмъ, что толпы бросились грабить и бить посольство и мѣстныхъ богачей. Митрополитъ Никонъ и воевода князь Ѳеодоръ Андреевичъ Хилковъ пытались укротить мятежъ, но силы у нихъ было мало, а нѣкоторые изъ служилыхъ, боярскіе дѣти и стрѣльцы перешли на сторону мятежниковъ. Толпа освободила митрополичьяго приказнаго Ивана Жеглова, посаженнаго подъ арестъ Никономъ, и Жегловъ на другой же день создалъ народное правительство изъ девяти человекъ, кромѣ посадскихъ, въ числѣ которыхъ былъ стрѣлцкій пятидесятникъ и подъячій. Энергичный Жегловъ принудилъ большинство новгородцевъ составить приговоръ и цѣловать крестъ на томъ, чтобы «всѣмъ стать за одно, если государь пошлетъ на нихъ рать и велитъ казнить смертью, а денежной казны и хлѣба не пропускать за рубежъ». Служилые люди, не желавшіе присоединяться къ мятежникамъ, вынуждены были къ тому силою.

Озлобленіе митрополита Никона при такихъ обстоятельствахъ становится вполне понятнымъ: своевольный народъ не только не внялъ увѣщаніямъ его, архипастыря, но становился послушникомъ царской воли; не признавая полумѣръ и считая неприличнымъ идти на уступки, митрополитъ попытался образумить мятежниковъ духовнымъ оружіемъ и произнесъ проклятіе надъ всѣми непокорными. Эта мѣра не принесла пользы, потому что строгость и суровыя мѣры Никона давно вооружили противъ него новгородцевъ, видѣвшихъ, что онъ заступаетъ за злодѣевъ и грабителей. Когда онъ вышелъ уговаривать народъ, искавшій спрятавшагося князя Хилкова то зачинщики кинулись на него и, не обращая вниманія на святительское облаченіе, исколотили его до полусмерти; дворовые слугителя отнесли Никона въ келью почти полумертваго. «И нынѣ,—писалъ онъ царю:—лежу въ концѣ живота, харкаю кровью и животъ весь распухъ; чаю скорой смерти, насломъ соборовался». Въ этомъ же письмѣ Никонъ серьезно передаетъ подробности о видѣніи, явившемся ему послѣ побоевъ въ бреду: ему представился золотой царскій вѣнецъ, сперва надъ головою Спасителя на образѣ, а потомъ на своей собственной; какъ сынъ своего вѣка, вельдемановскій мордвинъ вѣрилъ въ сверхъестественное.

Московское правительство пришло, однако, въ недоумѣніе, когда узнало о мятежахъ въ двухъ важнѣйшихъ городахъ сѣвера; подъ вліяніемъ Алексѣя Михайловича, не расположеннаго къ очень крутымъ мѣрамъ, рѣшено было прибѣгнуть къ полумѣрамъ. Князь Иванъ Никитичъ Хованскій былъ отправленъ съ небольшимъ войскомъ, а въ отвѣтъ на челобитіе новгородцевъ слышалась властная, строгая нота. Челобитчики, отправленные Жегловымъ къ царю, привезли бумагу, въ которой сочиняли, что посланникъ Грабъ самъ напалъ со свитою на горожанъ, что митрополитъ жестоко мучитъ на правожѣ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, вымучивая у нихъ деньги, что онъ дѣлаетъ на міру великія неистовства и смуты; затѣмъ Жегловъ просилъ, чтобы государь не велѣлъ отпускать за границу денегъ и хлѣба, такъ какъ носится слухъ, будто шведы намѣрены, взявъ государеву казну, нанять на нее

войско и идти войною на Новгородъ и Псковъ. Въ своемъ отвѣтѣ самолюбивый, но добродушный Алексѣй Михайловичъ сначала строго укорялъ новгородцевъ за мятежъ и произведенныя насилія надъ иноземцами и своими, потомъ указываетъ на неумѣстность ихъ вмѣшательства въ дѣйствія правительства, заявляя, что онъ «съ Божьею помощію знаетъ, какъ править своимъ государствомъ», но затѣмъ снисходитъ до объясненій, зачѣмъ нужно было отпускать хлѣбъ, доказываетъ, что не возможно запретить, какъ они просили, продажу хлѣба за границу, потому что тогда и шведы не повезутъ къ русскимъ своихъ товаровъ, слѣдовательно государству произойдетъ оскуднѣніе. Наконецъ, желая сдѣлать пріятное новгородцамъ, царь объявляетъ, что, согласно ихъ жалобамъ на воеводу князя Хилкова, онъ смѣняетъ его, а вмѣсто него назначаетъ князя Юрія Петровича Буйносова-Ростовскаго. Такой отвѣтъ не удовлетворилъ мятежниковъ, хорошо видѣвшихъ слабость князя Хованскаго; они не пустили его даже въ городъ, такъ что князь, не желая вызывать раздраженія, остановился въ 10 верстахъ отъ Новгорода, у Хутынскаго Спасо-Варлааміевскаго монастыря. Здѣсь онъ получилъ наказъ отъ царя: не пропускать никого въ городъ и уговаривать мятежный народъ покориться царской волѣ.

Такому распоряженію новгородцы были обязаны отчасти митрополиту, котораго они обвиняли въ лихоимствѣ и самодурствѣ. Когда онъ сталъ поправляться отъ побоевъ, пришло письмо отъ Алексѣя Михайловича, въ которомъ послѣдній одобрялъ поведеніе своего «собиннаго друга», хвалилъ его за крѣпкое стояніе и страданіе во имя государственной идеи и выказывалъ свое благоговѣніе къ его подвигу. Между тѣмъ, оскорбленіе, нанесенное лично ему, поулеглось въ душѣ Никона и практически умный человѣкъ хладнокровно обдумалъ весь ходъ событій; онъ понялъ, что новгородцы были въ большинствѣ своихъ требованій правы, и поэтому, посылая отвѣтъ царю-другу, высказался прямо и откровенно, что съ мятежниками слѣдуетъ поступить кротко и выразить прямо царское прощеніе. Прошло нѣсколько дней послѣ прибытія князя Хованскаго, а уже въ самомъ Новгородѣ возникъ разладъ: число сторонниковъ Жеглова, стояв-

шаго за крайнія мѣры, видимо уменьшалось, а партія зажиточныхъ людей, стоявшихъ за центральное правительство, все росла и крѣпла. Среди отчаянныхъ крикуновъ, горлановъ-зачинщиковъ появились такіе, которые выжидали только удобной минуты, чтобы бросить начатое дѣло и подумать о спасеніи собственной головы. Наконецъ, какой-то Негодяевъ, сотоварищъ Жеглова по управленію, бѣжалъ ночью къ князю Хованскому и отъ него отправился въ Москву, гдѣ получилъ прощеніе и на свободѣ занялся доносами на новгородскаго митрополита, которымъ никто даже не повѣрилъ. Примѣръ Негодяева произвелъ впечатлѣніе на народъ и уже въ концѣ апрѣля царскій воевода вошелъ въ умирившійся городъ. Первымъ дѣломъ онъ велѣлъ казнить посадскаго Волка, зачинщика нападенія на датское посольство, что и было выполнено немедленно; затѣмъ все народное правительство, съ 218 посадскими коноводами, было арестовано до приказаній изъ Москвы. Сначала московскія власти рѣшили казнить зачинщиковъ возстанія, съ Жегловымъ во главѣ, но потомъ отмѣнили этотъ приговоръ, желая мягкостью повліять на псковичей; а во Псковѣ, благодаря земскому старостѣ Гаврилѣ Демидову, волненія прекратились только въ августѣ.

Миновалъ тяжелый 1650 г. и все вошло въ свою колею. Созванный въ октябрѣ 1649 г. земскій соборъ утвердилъ «Уложение», состоящее изъ 25 главъ, и новый сводъ законоположеній вступилъ въ дѣйствіе. Здѣсь были выписки изъ правилъ апостоловъ и святыхъ отцовъ, изъ гражданскихъ законовъ Кормчей книги, составленной въ Византіи, собраны были указы прежнихъ государей и боярскіе приговоры, наконецъ, составлены статьи закона по предметамъ, не предусмотрѣннымъ раньше. Получился сводъ уголовныхъ законовъ, вошли дѣла объ обидахъ, полицейскія распоряженія, правила судопроизводства, правила о вотчинахъ, помѣстьяхъ, холопахъ и крестьянахъ, устройство и права посадскихъ, права всѣхъ сословій вообще, опредѣляемыя размѣромъ безчестія. «Уложение», впервые на Руси, узаконило права государственной власти, обративъ въ постановленіе то, что существовало прежде только по обычаю и по произволу; съ этихъ поръ узаконяется страшное

государево «слово и дѣло», пугавшее русскихъ людей сто лѣтъ. Новгородскій митрополитъ не принималъ участія въ созданіи новаго законодательства и даже смотрѣлъ на него косо, пока молчалъ, такъ какъ «Уложеніе» не затрогивало его правъ и его личности. Пришла зима и онъ снова съѣздили въ Москву повидаться съ царемъ, который принялъ его очень дружески, уважая его непоколебимую вѣрность и самоотверженіе. Несмотря на глухую вражду бояръ и патріарха, положеніе митрополита оставалось непоколебимымъ, такъ какъ Алексѣй Михайловичъ исполнѣ вѣрилъ ему. Въ слѣдующій свой пріѣздъ Никонъ отправился, по желанію царя, съ патріархомъ Іосифомъ въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, близъ Звенигорода, чтобы присутствовать при открытіи мощей преп. Саввы, скончавшагося 3 декабря 1407 г. Торжество состоялось 19 января 1652 г. при стеченіи духовенства, въ присутствіи Алексѣя Михайловича и всего двора; по окончаніи церемоніи открытія мощей царь угостилъ всѣхъ собравшихся и съ «собинымъ» другомъ возвратился въ Москву. Пользуясь удобнымъ случаемъ, Никонъ, всегда заботившійся о величіи церкви, явился съ предложеніемъ перенести мощи митрополита Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву. Дѣло было серьезное, такъ какъ оно должно было внушить народу мысль о первенствѣ церкви и о правотѣ ея, а виѣстѣ съ тѣмъ, обличить неправду свѣтской власти, произвольно посягнувшей на права церковной. Въ видахъ развитія идеи самодержавія со времени Ивана IV Грознаго, вѣнчавшагося царскимъ вѣнцомъ 25 августа 1547 г., царю Алексѣю слѣдовало отклонить предложеніе Никона, но онъ исполнѣ довѣрялъ своему другу, который напомнилъ ему при этомъ эпизодъ изъ византійской исторіи, когда императрица Евдоксія-Элія изгнала Іоанна Златоуста и тотъ умеръ въ Команѣ въ 407 г.; тогда сынъ Евдоксіи, императоръ Θεодосій II, чтобы исходатайствовать у Бога прощеніе для грѣшной матери, перенесъ мощи великаго іерарха 27 января 438 г. въ патріаршую усыпальницу въ Византію. Раздѣляя мысли Никона, Алексѣй Михайловичъ рассказалъ въ свою очередь, что ему во снѣ являлся уже митрополитъ и велѣлъ перенести его мощи туда, гдѣ почиваютъ прочіе митрополиты. Съ этой стороны вопросъ былъ рѣшенъ.

Восхищенный царь, воображеніе котораго заранѣе плѣнялось торжественностью церемоній, которыя должны были сопровождать религиозное событіе, желалъ оформить задуманное и созвалъ духовный соборъ. 20 марта 1652 г. состоялось постановленіе собора, открывшагося подъ предсѣдательствомъ патріарха Іосифа; епископы, не находя въ желаніи царя ничего противозаконнаго и противоканоническаго, легко согласились на перенесеніе мощей митрополита Филиппа, а также на перенесеніе останковъ патріарха Іова изъ Старицы и патріарха Гермогена изъ Чудова монастыря въ Успенскій соборъ. Соборъ просилъ государя «исполнить сіе благое предпріятіе, яко же восхоцеть». За Филиппомъ былъ отправленъ въ началѣ апрѣля Никонъ, который прибылъ въ Соловецкій монастырь 3 іюня; десять лѣтъ не былъ онъ въ обители, куда поступилъ простымъ монахомъ, а теперь являлся въ качествѣ митрополита, съ важнымъ порученіемъ отъ царя и собора. Никонъ, поѣхалъ не прямо изъ Москвы, а сначала побывалъ въ Новгородѣ, но все время поддерживалъ дѣятельную переписку съ Алексѣемъ Михайловичемъ, который извѣщалъ его обо всемъ, что совершалось въ его отсутствіи. Въ Соловецкій монастырь Никонъ прибылъ съ грамотою отъ царя къ покойному митрополиту.

Это краснорѣчивое посланіе было торжественно прочитано у гроба задушеннаго Малиютою Скуратовымъ митрополита Филиппа, а затѣмъ мощи страдальца были подняты и вывезены изъ монастыря, сначала въ лодкѣ, при чемъ Никонъ посѣтилъ островокъ Кій, гдѣ продолжалъ возвышаться поставленный имъ простой крестъ; изъ устья Онеги «шествіе» достигло бѣлозерскаго Кирилова монастыря, а оттуда водою до Ярославля. Изъ послѣдняго города мощи были доставлены на лошадахъ въ Троице Сергіевскую лавру, гдѣ ихъ встрѣтили казанскій митрополитъ Корнилій и вологодскій архіепископъ Маркелъ съ архимандритами, игуменами и духовенствомъ. Шествіе достигло Москвы только 9 іюля, гдѣ было встрѣчено духовенствомъ, при колокольномъ звонѣ, и Алексѣемъ Михайловичемъ со всѣмъ дворомъ, а затѣмъ мощи были съ подобающимъ торжествомъ положены на приготовленное мѣсто въ Успенскомъ соборѣ.

Между тѣмъ, за время отсутствія митрополита Никона, въ Москвѣ совершилось важное событіе: 15 апрѣля скончался патріархъ Іосифъ, почти неожиданно для всѣхъ, въ четвергъ на страстной недѣлѣ, вскорѣ послѣ перенесенія праха патріарха Іова. Конечно, царь извѣстилъ объ этомъ своего «собиннаго друга» въ очень пространномъ письмѣ, въ которомъ подробно описывал послѣднія минуты умершаго патріарха, а въ заключеніе просилъ Никона молить Бога, вмѣстѣ съ отправившимся въ Соловки юродивымъ Васильемъ-Вавиломъ, который былъ раздателемъ милостыни во время новгородскаго голода, чтобы Богъ далъ новаго пастыря и отца. При этомъ Алексѣй Михайловичъ дѣлаетъ намекъ, что у него уже вмѣстѣ на примѣтѣ преемникъ патріарху Іосифу и заканчиваетъ письмо такими словами: «Ожидаемъ тебя, великаго святителя, къ выбору; того мужа три человека знаютъ: я, да казанскій митрополитъ, да мой духовный отецъ; сказываютъ: святой мужъ!» Трудно предполагать, чтобы Никонъ не догадывался, на кого мѣтитъ царь; наивнымъ вообще онъ никогда не былъ. Блюстителемъ патріаршаго престола, въ ожиданіи выборовъ, былъ назначенъ ростовскій митрополитъ Варлаамъ, который и встрѣчалъ мощи св. Филиппа. Когда церемоніи были окончены, состоялся духовный соборъ, на которомъ всѣ знали желаніе царя видѣть Никона патріархомъ. Оппозиція была, конечно, страшная, такъ какъ духовенство знало, что наживетъ себѣ грознаго хозяина, а боярство давно уже негодовало на чернеца, что онъ явно вмѣшивается въ свѣтскія дѣла, къ чему его поощрялъ самъ царь. «Царь выдаетъ насъ митрополиту, — ворчали недовольные бояре: — никогда намъ такого безчестья не бывало». Однако, никто пока не смѣлъ выражать громко своихъ мыслей, опасаясь гнѣва самодержавнаго царя. Только партія приверженцевъ царскаго духовника Стефана дѣятельно хлопотала сдѣлать его патріархомъ, но благоразумный протоіерей самъ отклонилъ эту честь, о чемъ землякъ Никона, протоіерей Аввакумъ Петровъ пишетъ такъ: «По семъ Никонъ, другъ нашъ, привезъ изъ Соловковъ Филиппа митрополита, и прежде его пріѣзду духовникъ Стефанъ, моля Бога и постясь седмицу съ братією, я съ ними тутъ же о патріархѣ, даже дастъ Богъ пастыря въ

спасенію душъ нашихъ, и съ митрополитомъ казанскимъ написавъ челобитную за руками, подали царю и царю о духовникѣ Стефанѣ, чтобы ему быть въ патріархахъ. Онъ же, не восхотѣвъ самъ, и указалъ на Никона митрополита. Царь его и послушалъ. Егда же пріѣхалъ, съ нами яко лись, челомъ да здорово: вѣдаетъ, что быть ему въ патріархахъ и чтобы откуля помѣшка какова не учинилась. Много о тѣхъ козняхъ говорить».

Выборщики держались установленныхъ правилъ и, согласно уставу, назначили двухъ кандидатовъ: Никона и его бывшаго учителя въ Макарьевскомъ монастырѣ, іеромонаха Антонія; жребій палъ на Антонія, но послѣдній, сознавая свои старческія немощи, не желалъ препятствовать бывшему ученику своему и добровольно отказался отъ высокой чести. Тогда волею неволею, скрѣпя сердце, выборщики стали просить новгородскаго митрополита. У 47-лѣтняго мордвина былъ, конечно, свой вполне сложившійся взглядъ на вещи и свое пониманіе о власти и значеніи патріаршаго сана; принимать такое мѣсто среди затаеннаго недовольства безъ оговорокъ было немислимо и потому Никонъ сталъ отказываться. Нѣсколько дней продолжались переговоры и въ дѣло вмѣшался Алексѣй Михайловичъ, тѣмъ болѣе, что и блюститель патріаршаго престола, ростовскій митрополитъ Варламъ, скоропостижно скончался въ день встрѣчи мощей, 9 іюля. Послѣ богослуженія въ Успенскомъ соборѣ 22 іюля, царь, окруженный боярами и многочисленнымъ народомъ, передъ мощами митрополита Филиппа, сталъ кланяться Никону въ ноги и со слезами началъ умолять о согласіи быть всероссійскимъ патріархомъ. Нѣсколько времени Никонъ все таки отказывался. «Простершись на землѣ и проливая слезы со всѣми окружающими», Алексѣй Михайловичъ снова сталъ умолять его не отказываться отъ избранія, тогда Никонъ громко спросилъ:

— Будутъ ли меня почитать, какъ архипастыря и отца верховнѣйшаго, и дадутъ ли мнѣ устроить церковь по моему намѣренію?

Царь, а за нимъ власти духовныя и свѣтскія поклялись исполнить его желаніе и тогда Никонъ далъ свое согласіе на

избраніе. 25 іюля состоялось торжественное вѣнчаніе его казанскимъ митрополитомъ Корниємъ на всероссійское патріаршество, въ присутствіи царя, бояръ и духовенства.

Подъ вліяніемъ даровитаго и энергичнаго патріарха Филарета, дѣда Алексѣя Михайловича, носившаго наравнѣ съ сыномъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ титулъ «великаго государя», въ русскомъ народѣ сложилось мнѣніе, что патріархъ есть «второй государь, перваго государя большій»; наконецъ самъ Алексѣй Михайловичъ не допускалъ даже сравненія между «царемъ земнымъ и великимъ свѣтильникомъ, прославленнымъ Богомъ». Всѣ эти воззрѣнія были хорошо извѣстны Никону, который, по своему складу убѣжденій, вполне соглашался, что духовный представитель Бога долженъ быть выше свѣтскаго представителя и съ этими взглядами онъ и принялъ высшій духовный санъ. Онъ видѣлъ неурядицы въ русской церкви, его честность не выносила тунеядцевъ и малограмотныхъ священниковъ, ему ненавистна была лѣнь, онъ замѣчалъ, что обряды церковные измѣнены по невѣжеству, — и все это ему хотѣлось измѣнить, исправить и улучшить. Вотъ причина его условій боярамъ и царю.

IV. Русская церковь до Никона.

Въ бытовой жизни русскаго народа замѣчается много такихъ проявленій, которыя показываютъ, что онъ не только принялъ церковныя и религіозно-обрядовыя учрежденія, заимствованныя изъ Византіи, но также добровольно увеличилъ кругъ и объемъ ихъ своими собственными религіозными установленіями. Фактъ этотъ, указывая на народную самостоятельность въ области религіи, въ то же время открываетъ еще то, что въ древнѣйшей культурѣ нашихъ предковъ хранилось много нравственныхъ задатковъ и обычаевъ, которыя болѣе или менѣе совпадали и легко мирились съ христіанскою обрядностью. Этимъ, вѣроятно, возможно отчасти объяснить то историческое явленіе, что христіанская вѣра вводилась

у сѣверныхъ словянъ безъ потрясеній и почти безъ противо-
дѣйствія. Кромѣ иконъ, принесенныхъ греками въ Кіевъ еще
до св. Ольги и никогда не возбуждавшихъ въ Россіи тѣхъ
споровъ иконодуловъ съ иконокластами, какими прославился
Константинополь, большимъ почитаніемъ пользуется у рус-
скаго народа крестное знаменіе. Съ нимъ русскій человѣкъ
начинаетъ день, выходитъ изъ дома, принимается за всякую
работу, начертываетъ его на строеніяхъ и вещахъ, имъ бла-
гословляетъ всякую пищу и питье; однимъ словомъ, русскій
человѣкъ творитъ крестное знаменіе при всѣхъ обстоятель-
ствахъ жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что знаменіе креста, прине-
сенное первыми проповѣдниками христіанства, слагалось изъ
трехъ перстовъ, какъ оно практиковалось на Востокѣ съ пер-
выхъ вѣковъ апостольскихъ. Когда и при комъ стали кре-
ститься двумя перстами, представляетъ пока не разрѣшен-
ный вопросъ, но переходъ отъ троеперстія къ двуперстію объ-
ясняется легко историческою обособленностью русскихъ отъ
грековъ и указанною выше народною самодѣятельностью. На-
шествіе монголовъ слѣдуетъ считать тою гранью, на которой
должна была вполнѣ совершиться замѣна. До появленія Батыя
русскіе князья вступали въ бракъ съ византійскими прин-
цессами: въ 988 г. св. Владиміръ женился на Аннѣ, дочери
императора Романа II, и при ней утвердилъ христіанство въ
Россіи; внукъ его, Всеволодъ I Ярославичъ, женился въ 1046 г.
на Аннѣ, дочери императора Константина XI; правнукъ его
Святополкъ II Изяславичъ женился въ 1079 г. на Варварѣ,
дочери императора Алексѣя I Комнина; наконецъ, Юрій I
Долгорукій женился на Ольгѣ, дочери императора Іоанна II
Комнина въ концѣ первой половины XII вѣка. Такъ какъ
нашими лѣтописцами были только духовныя лица, то, оче-
видно, что если бы византійскія принцессы замѣчали въ Рос-
сіи уклоненія отъ родныхъ обрядовъ, то объ этомъ было бы
занесено въ лѣтописи. Кромѣ того, полоцкая княжна св. Ев-
фросинія (сконч. 23 мая 1173 г.) и великій князь Всево-
лодъ III Юрьевичъ (сконч. 14 апрѣля 1212 г.) лично были
въ Византіи и въ Іерусалимѣ, но никто не замѣтилъ имъ
неправильнаго перстосложенія. Очевидно, оно утвердилось позд-

*

нѣе, когда Кіевъ потерялъ свое политическое значеніе и митрополитъ былъ только номинальнымъ главою сѣверной Руси.

Съ большою вѣроятностію можно допустить, что двуперстіе началось съ Андрея I Боголюбскаго, когда финскій элементъ принялъ ближайшее участіе въ политической и общественной жизни плотно надвинувшихся словянъ. Постепенно входя въ употребленіе внѣ контроля духовенства греческаго происхожденія, оно сдѣлалось наконецъ господствующимъ вытѣснило незамѣтно троеперстіе; этому помогло прекращеніе сношеній съ Византією и даже съ приднѣпровскою Русью вообще. Изолированность сѣверной Руси, какъ бы оторванная татарами отъ остальнаго христіанскаго міра. Очевидно, Александръ I Невскій употреблялъ уже двуперстіе, какъ и сынъ, московскій князь Данила, признанный святымъ. Казнаменіе креста двумя, а не тремя перстами, такъ и многое другое въ богослужебной обрядности измѣнилось отъ многихъ причинъ въ Россіи и измѣнилось до неузнаваемости, до смѣнаго, а между тѣмъ, подданные московскаго государства то ко себя и считали единственно истинно православнымъ родомъ въ цѣломъ свѣтѣ. Греки, принесшіе въ Россію христіанство, потеряли надъ народомъ свое прежнее значеніе обаянія, такъ что москвичи перестали уже и довѣрять греческимъ книгамъ, объясняя это тѣмъ, что греки, живя подъ властью невѣрныхъ, воспитывались и печатали свои книги на латинскомъ западѣ. Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія московскіе книжники считали свои старые рукописные тексты, переполненные ошибками, бессмыслицею и произвольными вставками, болѣе правильными, чѣмъ греческіе подлинники въ томъ видѣ, какъ они были напечатаны. Такого взгляда особенно утвердили въ народѣ «справщики книгъ при патріархахъ Іоасафѣ и Іосифѣ. Самъ Никонъ, въ молодые годы своего архимандритства, раздѣлялъ этотъ взглядъ и говорилъ, что «какъ малороссіяне, такъ и греки потеряли вѣру и крѣпость добрыхъ нравовъ; покой и честь ихъ простили, они своему чреву работаютъ и нѣтъ у нихъ постола». Только позднѣйшія бесѣды съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ поколебали его предубѣжденіе и заставили

призадуматься надъ необходимостью серьезной ревизіи русской церковной обрядности.

Между тѣмъ, еще при знаменитомъ Максимѣ Грекѣ (сконч. 1536 г.) нашлись образованные люди, которые обратили вниманіе на разнорѣчія, попадавшіяся въ различныхъ богослужебныхъ книгахъ, и грубыя искаженія смысла. Естественно затѣмъ возникла мысль, что всѣ эти описки и искаженія безобразятъ книги, а потому необходимо сдѣлать тщательное исправленіе и тогда уже узаконить однообразный и правильный текстъ. Эта закоренная потребность усиливалась постепенно съ распространеніемъ книгопечатанія, такъ какъ слѣднее давало возможность удобнѣе замѣчать и сравнивать всѣ разнорѣчія. Образованнымъ людямъ печатныя книги ушли больше довѣрія, чѣмъ писанныя, такъ какъ предлагалось, что приступавшіе къ печатанію старались изыскать средства для возможно правильной передачи текста. Такимъ образомъ, введеніе книгопечатанія въ Россіи сильно продвинуло и поставило на видъ вопросъ о необходимости исправленія богослужебныхъ книгъ; при всякомъ печатаніи разнорѣчіе списковъ вызывало необходимость обратиться къ «справщикамъ книгъ», которые должны были изъ многихъ различныхъ списковъ выбирать тотъ варіантъ текста, который, по ихъ убѣжденію, слѣдовало признавать правильнымъ. Важность такой работы сознавалась всѣмъ обществомъ и, конечно, наблюденіе и выборъ «справщиковъ» лежали на обязанности верховнаго пастыря церкви, такъ какъ онъ долженъ былъ отвѣчать за все. Исправительная дѣятельность вольно затихла съ наступленіемъ смутнаго времени, но восшествіе на патріаршій престолъ Филарета дало новый толкъ въ этомъ направленіи. Первымъ шагомъ его было сожженіе устава, напечатаннаго въ 1610 г. уставщикомъ Логномъ; такая крутая мѣра объяснялась тѣмъ, что въ уставѣ были напечатаны «не по апостольскому и отеческому преданію, а своимъ самовольствомъ». По повелѣнію Филарета былъ исправленъ и напечатанъ нѣсколько разъ Требникъ и Служебникъ, кромѣ того: Минеи, Октоихъ, Шестодневъ, Залтырь, Апостоль, Часословъ, Тріодь цвѣтная и постная,

Евангеліе на престольное и учительное. Въ предисловіи къ Минеемъ выражено сознаніе, что хотя богослужебныя книги издавна переведены были съ греческаго языка на словянскій, многіе переводчики и переписчики выбрасывали слова и передѣлывали выраженія по своему уразумѣнію. Чтобы достигнуть скорѣе большаго единства, патріархъ приказывалъ собирать по всѣмъ городамъ древніе харатейные списки разныхъ переводовъ и исправлять по нимъ замѣченныя погрѣшности, «дабы сочетать во единогласіе всѣ потребности и чины церковнаго священноначалія»; эти харатейные списки доставлялись прямо къ патріарху и онъ самъ внимательно просматривалъ ихъ, но, къ сожалѣнію, мало приносилъ пользы. Хотя онъ былъ очень умнымъ и любознательнымъ человѣкомъ, но не обладалъ тою ученою подготовкою, которая была необходима для такого дѣла; правда, что въ то время въ Московскомъ государствѣ совсѣмъ не было подготовленныхъ для этого людей, такъ какъ почти никто не владѣлъ греческимъ языкомъ, обязательнымъ при сравненіи перевода съ греческимъ подлинникомъ; кромѣ того, «справщикъ книгъ» долженъ былъ ознакомиться съ литературою, церковною исторіею и археологіею, а объ этихъ наукахъ русскіе книжники даже не знали ничего. Очевидно, въ исправленіяхъ было мало пользы.

Все это хорошо сознавалъ самъ Филаретъ, видѣвшій единственное средство разумаго исправленія въ научной проверкѣ текста. Съ этою цѣлью онъ учредилъ въ Москвѣ эллино-словянскую школу при Чудовомъ монастырѣ и назначилъ руководителемъ ея греческаго іеромонаха Арсенія. Вскорѣ, однако Филаретъ умеръ, но преемники его Іоасафъ (съ 6 февраля 1634 г. по 28 ноября 1640 г.) и Іосифъ продолжали печатать исправленныя книги и также приказывали собирать по городамъ харатейные списки, поручая сравнивать, исправлять и издавать ихъ цѣлой комиссіи «справщиковъ», помимо образованнаго Арсенія. Что это были за справщики и какъ выбиралъ ихъ патріархъ Іосифъ, видно изъ словъ самого Арсенія: «Иные изъ этихъ справщиковъ едва азбукѣ умѣютъ, а ужъ навѣрное не знаютъ, что такое буквы согласныя, двогласныя, и гласныя, а чтобы разумѣть восемь частей рѣчи и тому подобное, какъ-то: родъ

исло, времена, лица, наклоненія и залого, такъ этого имъ и на умъ не приходило». У такихъ справщиковъ, набранныхъ по знакомству и дружбѣ, незнаніе дѣло видно было на каждомъ шагѣ; всѣ нелѣпости, введенныя суевѣрными и невѣжественными священниками, оказались внесенными въ исправленныя книги. Такъ, напримѣръ, въ молитвахъ на рожденіе младенца упоминается серьезно какая-то Соломія; кромѣ того, въ отпускахъ говорилось о праздникахъ, какъ о лицахъ, наравнѣ со святыми, напримѣръ: «Молитвами пречистыя твоя матери, честнаго ея Благовѣщенія или честнаго ея Успенія, помилуетъ и спасетъ насъ, яко благъ и человеколюбецъ». Непосильные труды свели Арсенія въ Соловки и послѣ его изгнанія патріархъ созвалъ форменную комиссію справщиковъ; сюда вошли: царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ, протоіерей Казанскаго собора Іоаннъ Нероновъ, дьяконъ Благовѣщенскаго собора Ѳеодоръ Нероновъ и иногородніе протоіереи: юрьевъ-повольскій Аввакумъ Петровъ, муромскій Логгинъ, романовскій Лазарь, суздальскій Никита Пустосвятъ и костромской Даніиль.

Какъ на смѣхъ, всѣ эти новые справщики, правда, начитанные своихъ предшественниковъ, были отъявленными врагами ревизіоннаго духа, охватывавшаго тогдашнее московское духовенство все сильнѣе. Увидя передъ собою множество разнородныхъ списковъ и не понимая даже, какъ взяться за исправленіе, справщики стали руководиться обычаемъ, полагаясь на свою начитанность: что казалось имъ наиболѣе общепринятымъ, то и входило въ ново-отпечатанныя книги. Отпечатавъ массу вздора, они воображали, что исполняютъ свою обязанность въ совершенствѣ и въ этомъ ихъ поддерживалъ царскій теремъ, гдѣ правились ихъ сладкоглаголивныя рѣчи объ оскудѣніи вѣры и о претерпѣнныхъ за правду гоненіяхъ. Дѣло было въ томъ, что многіе изъ этихъ справщиковъ вынуждены были бросить свои мѣста и семьи въ провинціи изъ-за изуверства и корыстолюбія и ютились на даровыхъ хлѣбахъ около Вонифатьева, Неронова и коломенскаго епископа Павла.

Тѣмъ временемъ, въ Москву пріѣхалъ упомянутый уже раньше іерусалимскій патріархъ Пансій и открыто

замѣтилъ, что въ русской церкви онъ находитъ не мало нововведеній, которыхъ не было и нѣтъ въ восточныхъ церквяхъ. По настоянію Никона, смущеннаго этими разоблаченіями, но не довѣрявшаго исполнѣ греку, келарь Арсеній Сухановъ поѣхалъ за справками на Востокъ. Пока Сухановъ ѣздилъ по Греціи, Сиріи, Палестинѣ, Египту и Грузіи, Москву посѣтилъ константинопольскій патріархъ Аѳанасій и почти слово въ слово повторилъ обвиненія Памсія, особенно относительно двуперстія и произвольнаго искаженія богослужебныхъ книгъ. Патріархъ Іосифъ сильно встревожился и не зналъ, что дѣлать, такъ какъ два патріарха обвиняли его чуть не въ ереси; посольство охридскаго патріарха высказалось въ томъ же духѣ, а аѳонскіе монахи даже ссжгли богослужебныя книги московской печати, какъ не согласныя съ чиномъ православнаго богослуженія. Такой поступокъ уважаемой всѣми обители заставилъ Іосифа окончательно пасть духомъ, такъ какъ восточныя церкви могли потребовать отъ Алексѣя Михайловича низложенія патріарха, вводящаго ересь, а корыстолюбивому старцу было, конечно страшно потерять патріаршіе доходы.

Быстрая кончина избавила его отъ душевныхъ страданій и царю было не мало хлопотъ лично произвести опись имущества покойнаго, такъ какъ списковъ дорогимъ матеріямъ, серебряной посудѣ, дорогому оружію и другимъ вещамъ не было и патріархъ лично завѣдывалъ всѣмъ, не допуская келейниковъ. «Прости, — писалъ Алексѣй Михайловичъ Никону въ Соловки: — владыко святой, и половины не почемъ отыскать, потому что все безъ записки; не осталось бы ничего, все бы разокрали, да и въ томъ меня, владыка святой, прости, немного и я не покусился инымъ сосудомъ, да милостью Божіей воздержался и вашими молитвами святыми. Ей-ей, владыко святой, ни маленькому ничему неточенъ». Оказалось, что «свѣтъ патріархъ» не по христіански обращался со своими подчиненными: «Всѣ въ конецъ бѣдны и онъ, свѣтъ, жалованья у нихъ гораздо убавилъ», сообщаетъ царь въ томъ же письмѣ Никону. Легко понять, что патріархъ Іосифъ не былъ единичнымъ явленіемъ среди духовенства, которымъ онъ управ-

лялъ десять лѣтъ; почти повсемѣстно замѣчалось тоже самое: многіе священники и епископы какъ-то ухитрялись сочетать набожность, уваженіе къ буквѣ церковнаго закона, даже подвижничество съ алчностью, корыстолюбіемъ, лихонимствомъ и сластолюбіемъ. Аввакумъ Петровъ, назначенный Алексѣемъ Михайловичемъ протоіереемъ въ Юрьевъ-Повольскій, пробылъ въ городѣ всего восемь недѣль и такъ вооружилъ противъ себя народъ, что его избили до полусмерти батогами и воевода едва спасъ. прибѣжавъ съ пушкарями къ скопищу, его самого и семью. Ночью Аввакумъ бѣжалъ въ Кострому; оказалось, что и съ тамошнимъ протоіереемъ народъ вынужденъ былъ поступить одинаково и Данила также тайкомъ бѣжалъ. Оба нашли пріютъ у Вонифатѣева и попали въ справщики книгъ.

V. Начало русскаго раскола.

Переходъ отъ патріарха Іосифа къ патріарху Никону былъ очень рѣзокъ и это всѣ сознавали, начиная съ самого Никона. Онъ ясно видѣлъ положеніе русской церкви, дошедшей вслѣдствіе національнаго самошнія и исторической обособленности до состоянія, которое восточные ревнители православія прямо называли ересью. Онъ видѣлъ, что русское духовенство довело себя до такого состоянія, что, рядомъ съ традиціоннымъ уваженіемъ къ священнику и монаху, того и другого колотили безъ милосердія, обращались съ ними презрительно, не видя въ немъ ничего, заслуживающаго почтенія. Лихонимство, тунеядство и распушенность нравовъ сдѣлались обычнымъ явленіемъ среди духовенства, не говоря уже о почти повальномъ бевѣжествѣ и малограмотности, доводящихъ до искаженія обрядовъ церковныхъ. Благодаря всему этому, истинной религіозности почти не стало, ее замѣнило какое-то казенное благочестіе, состоящее въ возможно точномъ исполненіи внѣшнихъ обрядовыхъ пріемовъ, которымъ приписывалась символическая сила, дарующая Божью благодать; буква искаженнаго подчасъ обряда давно уже камнемъ лежала на русской духовной жизни, ли-

шая послѣднюю внутренняго смысла и содержанія. «Чтобы получить то то и то-то, надобно сдѣлать то-то и то-то», вотъ коммерческая формула, въ которую отлилась религіозная идея русскаго человѣка XVII вѣка. А рядомъ съ этимъ пробуждалось сознаніе, что духовенство, какъ служители и представители Бога на землѣ, должно быть безукоризненно, должно пользоваться общимъ уваженіемъ и должно быть ограждено отъ произвола свѣтскихъ властей и насилія прихожанъ надъ своею личностью. Сильный толчекъ въ этомъ направленіи данъ былъ патріархомъ Филаретомъ; не только духовенство, но и свѣтскія лица сознавали ясно, что со вступленіемъ его въ управленіе церковью, и въ управленіе самодержавное, безъ опеки бояръ и приказныхъ, дѣла пошли лучше и многія безобразія и безпорядки прекратились. Духовный «великій государь», какъ вдохновитель и руководитель, сталъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла и въ нихъ оказалось улучшение; политическій организмъ, расшатанный въ смутное время, снова окрѣпъ и сплотилъ народъ вокругъ самодержавнаго свѣтскаго «великаго государя».

Все это сознавалъ Никонъ. Онъ видѣлъ, что преемникъ Филарета унижилъ достоинство патріарха до такой степени, что Алексѣй Михайловичъ вынужденъ былъ какъ бы оправдывать покойнаго передъ его прислугою: «Есть ли изъ васъ кто нибудь, кто бы раба своего или рабыни безъ дѣла не оскорбилъ? Иной разъ за дѣло, а иной разъ, пьянъ напившись, оскорбитъ и напрасно побьетъ; а онъ, великій святитель и отецъ нашъ, если кого и напрасно побилъ, отъ него можно потерпѣть, да ужъ чтобы ни было, такъ теперь пора всякую злобу покинуть. Молите и поминайте съ радостью его, свѣта, елико сила можетъ». А, между тѣмъ, патріархъ Іосифъ многимъ былъ по душѣ, поддерживая малограмотныхъ, туземцевъ, но приносящихъ дары. Никонъ понималъ, что его предшественникъ дискредитировалъ патріаршій санъ не только въ русскомъ государствѣ, но и за предѣлами его, очевидно, что онъ не могъ даже желать идти по его слѣдамъ. Его идеаломъ былъ Филаретъ, онъ хотѣлъ изъ уваженія къ принятому сану быть «великимъ государемъ» надъ церковью, которой онъ

отдалъ лучшіе годы своей жизни и величіе которой всегда составляло его задачу. Ревностно и съ обычною ему суровою энергіею принимаясь за дѣло достиженія единообразія въ церковной обрядности, онъ логически долженъ былъ сдѣлаться борцомъ за независимость и верховность своей патріаршей власти. Будь Алексѣй Михайловичъ менѣе податливымъ на выслушиваніе придворныхъ сплетенъ и не попадись Никону на дорогѣ кучка тупоголовыхъ изуверовъ, трудно сказать, какова могла бы быть дальнѣйшая исторія Россіи. Самому же Никону не доставало: научнаго образованія, чтобы смѣлѣе и увѣреннѣе вести задуманную реформу, и житейской изворотливости, чтобы ладить и держать въ рукахъ темную клику Салтыковыхъ, Стрѣшневыхъ, Морозовыхъ, Трубецкихъ, Одоевскихъ, Долгорукихъ и другихъ. Черезчуръ прямолинейный по характеру, Никонъ не могъ и не умѣлъ лукавить и вести дипломатическую игру съ тѣми, чье дѣло, по его мнѣнію, было повиноваться, а не умничать.

25 іюля 1652 г. сынъ крестьянина Мины вступилъ въ управленіе всероссійскимъ патріархатомъ. Слѣдуя обычаю, издавна установившемуся среди высшихъ іерарховъ русской церкви, первымъ дѣломъ его было основать для себя новый монастырь и прославить его новою святынею. Для этой цѣли Никонъ выбралъ намѣченный имъ раньше островокъ на озерѣ Валдай и назвалъ новоучреждаемую обитель Иверскимъ Богородичнымъ монастыремъ, въ честь Иверской Божіей Матери, икона которой находится въ аѳонскомъ Иверскомъ монастырѣ съ 31 марта 999 г. Въ то же время онъ отправилъ знающаго челоуѣка на Аѳонъ, съ согласія иверскаго архимандрита Пахомія, гостившаго въ Москвѣ, сдѣлать точный списокъ Иверской иконы и, когда каменная церковь была построена, поставилъ въ ней эту икону, украсилъ ее золотомъ и драгоценными камнями. Выѣстъ съ тѣмъ, Никонъ перенесъ 23 ноября въ новый монастырь мощи преподобнаго Іакова, чудотворца боровичскаго (сконч. 22 мая 1544 г.). Такимъ образомъ, новооснованная обитель сдѣлалась предметомъ двойного поклоненія; вскорѣ пошли слухи о совершающихся въ ней чудесахъ и исцѣленіяхъ. Алексѣй Михайловичъ, сочувствуя доброму дѣлу «собин-

наго друга» и желая поддержать его, приписалъ къ Иверскому монастырю пригородъ Холмъ съ крестьянами, деревнями и угодьями. Затѣмъ Никонъ перенесъ сюда изъ Хутынского Спасо-Варлааміева монастыря типографію, заведенную имъ еще въ 1650 г., въ бытность новгородскимъ митрополитомъ; здѣсь были напечатаны, между прочимъ: «Учебный часословъ», «Рай мысленный» Стефана святогорца и произведенія самого Никона: «Сказаніе объ Иверской иконѣ», «Сказаніе о созиданіи онежскаго Крестнаго монастыря», «Поученіе къ духовнымъ и мірскимъ», «Канонъ молебный о соединеніи вѣры», «Книга кормчая», «Поученіе о моровомъ повѣтріи», «Пища духовная» и другія.

Но исполняя дѣло, соответствующее его искреннему религіозному чувству и выраженное въ общепринятой формѣ, Никонъ обратилъ серьезное вниманіе на задуманную реформу или, лучше сказать, коренное исправленіе текста богослужебныхъ книгъ. Келарь Сухановъ еще не возвратился изъ-за границы и Никонъ началъ самъ рыться въ рукописяхъ богатаго патріаршаго книгохранилища, поступившаго въ его распоряженіе. Тамъ онъ обратилъ вниманіе на грамоту восточныхъ патріарховъ, присланную по случаю учрежденія въ Россіи патріархата при Ѳеодорѣ I Ивановичѣ; въ этой грамотѣ было сказано между прочимъ: «Православная церковь приняла свое совершеніе не только по благоразумію и благочестію догматовъ, но и по священному уставу церковныхъ вещей; праведно есть намъ истреблять всякую новизну ради церковныхъ огражденій, ибо мы видимъ, что новины всегда были виною смятеній и разлученій въ церкви; надлежитъ послѣдовать уставамъ святыхъ отецъ и принимать то, чему мы отъ нихъ научились, безъ всякаго приложенія или умаленія. Всѣ святые озарились отъ единого Духа и устави́ли полезное; что они анаемъ предають, то и мы проклінаемъ; что они подвергли низложенію, то и мы низлагаемъ; что они отлучили, то и мы отлучаемъ; пусть православная великая Россія во всемъ будетъ согласна со вселенскими патріархами». Необходимость исправленія искаженій и произвольныхъ вставокъ была очевидна по этой грамотѣ авторитетныхъ іерарховъ и въ первомъ изданномъ при

немъ Служebníкѣ, Никонъ велѣлъ помѣстить въ предисловіи приведенный отрывокъ, какъ бы въ оправданіе своихъ дѣйствій. Тутъ же, въ библіотекѣ, Никонъ обратилъ вниманіе на саккосъ митрополита св. Фотія (ск. 2 іюля 1431 г.), родомъ грека; символъ вѣры, вышитый на этомъ саккосѣ, разнился съ тѣмъ, который читали въ половинѣ XVII вѣка: въ старомъ не было прибавленія слова «истиннаго» о св. Духѣ, а Никонъ зналъ, что противъ этой прибавки уже раздавались голоса раньше его; кромѣ того, на саккосѣ было вышито: «Его же царствію не будетъ конца», а вокругъ Никона всѣ читали: «Его же царствію нѣсть конца». Всѣ эти находки только сильнѣе убѣждали патріарха въ необходимости исправленія искаженнаго текста; но исправленія тщательнаго, при содѣйствіи дѣйствительно знающихъ людей, а не «мужиковъ-горлановъ».

Іеромонахъ Арсеній, сосланный на покаяніе въ Соловецкій монастырь патріархомъ Іосифомъ, заподозрившимъ, благодаря усердію справщиковъ, Арсенія въ латинствѣ, былъ немедленно возвращенъ Никономъ. Проверка текстовъ снова перешла къ Арсенію, а Никонъ, благодаря боярину Ртищеву, познакомился съ іеромонахомъ кіевскаго Братскаго монастыря Елифаніемъ Славинецкимъ, пріѣхавшимъ въ Москву по приглашенію боярина «ради обученія словенороссійскаго народа дѣтей еллинскому наказанію». Славинецкій былъ характера кроткаго, сосредоточеннаго, предпочиталъ уединенную жизнь кабинетнаго ученаго всякихъ искательствамъ почестей, не терпѣлъ никакихъ житейскихъ дразгъ и былъ всѣмъ сердцемъ преданъ наукѣ; онъ умѣлъ уживаться со всѣми, никого не раздражалъ заявленіемъ о своемъ умственномъ превосходствѣ и своею безукоризненною честностью пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Познакомившись съ нимъ, Никонъ полюбилъ его и измѣнилъ свое навѣянное окружающими предубѣжденіе противъ малоруссовъ. Въ это время возвратился келарь Арсеній Сухановъ изъ своей поѣздки и 26 іюля 1653 г. подалъ царю и патріарху свой отчетъ о командировкѣ на Востокъ; его записка носитъ названіе «Проскинитарій», т. е. «Поклонникъ». Сухановъ описалъ свое путешествіе по греческимъ островамъ, а также пребыва-

ніе въ Александріи, гдѣ долго бесѣдовалъ съ патріархомъ Іоанннкіемъ, Іерусалимѣ и Тифлисѣ; оставаясь приверженцемъ русской старины, онъ описалъ черными красками поведеніе восточно-православнаго духовенства и недостатокъ благоговѣнія при богослуженіи, но при этомъ правдиво указалъ, что на востокѣ повсемѣстно употребляется троеперстное крестное знаменіе и соблюдаются, опять-таки повсемѣстно, тѣ именно обряды и порядки, въ нарушеніи которыхъ греческіе іерархи укоряли русскую церковь.

Такимъ образомъ, слова патріарха Памсія, впервые открывшаго глаза Никону на безпорядки и заблужденія, приобрѣтали серьезное значеніе и требовали немедленнаго исправленія недостатковъ. По этимъ-то побужденіямъ рѣшительный и дѣятельный патріархъ обратился къ Алексѣю Михайловичу съ предложеніемъ созвать русскій помѣстный соборъ. Царь далъ свое согласіе и лично присутствовалъ съ боярами на этомъ соборѣ, на который явились: митрополиты Макарій новгородскій (преемникъ Никона), Корнилій казанскій, Іона ростовскій, Сильвестръ крутицкій и Михаиль сербскій, архіепископы Михаиль вологодскій, Софроній суздальскій и Мисаилъ рязанскій, епископъ Павелъ коломенскій, нѣсколько архимандритовъ и протоіереевъ, всего 34 человекъ. Въ качествѣ предсѣдательствующаго, Никонъ открылъ засѣданіе и, по своему прямодушію, произнесъ рѣчь, въ которой безъ стѣсненій высказалъ свой взглядъ на равенство церковной власти со свѣтскою. «Два великихъ дара, — началъ онъ: — даны человекѣмъ отъ Вышняго по Божьему человеколюбію — священство и царство. Одно служитъ божественнымъ дѣламъ, другое владѣтъ человѣческими дѣлами и печется о нихъ. Оба происходятъ отъ одного и того же начала и украшаютъ человѣческое житіе; ничто не дѣлаетъ столько успѣха царству, какъ почтеніе къ святителямъ (святительская честь); всѣ молитвы къ Богу постоянно возносятся о той и другой власти... Если будетъ согласіе между обѣими властями, то настанетъ всякое добро человѣческой жизни». Провозглашая громко передъ всѣмъ собраніемъ принципъ теократизма въ государствѣ, Никонъ не прятался и не скрывался, какъ лукавый дипломатъ, стремя-

пійся окольными путями къ цѣли; если бы смыслъ его рѣчей задѣвалъ и оскорблялъ самолюбіе самодержавнаго царя, то охлажденіе должно было бы немедленно наступить между Алексѣемъ Михайловичемъ и Никономъ. Однако, мы видимъ противное, такъ какъ во время войны съ Польшею патріархъ былъ регентомъ государства по выбору царя. Высказавъ свой взглядъ на предрержащія власти, Никонъ перешелъ къ интересующему его предмету исправленія книгъ; объяснивъ весь ходъ событій, свои бесѣды съ Паисіемъ, находки въ книгохранилищѣ и докладъ Суханова, онъ продолжалъ: «Надлежитъ намъ исправить, какъ можно лучше, всѣ нововведенія въ церковныхъ чинахъ, расходящіяся съ древними словянскими книгами. Я прошу рѣшенія, какъ поступать: послѣдовать ли новымъ московскимъ печатнымъ книгамъ, въ которыхъ отъ неискусныхъ переводчиковъ и переписчиковъ находятся разныя несходства и несогласія съ древними греческими и словянскими списками, а прямѣе сказать, ошибки,—или же руководствоваться древнимъ греческимъ и словянскимъ текстомъ, такъ какъ они оба представляютъ одинъ и тотъ же чинъ и уставъ». На этотъ вопросъ отвѣтъ послѣдовалъ такой же, какой давался не разъ при прежнихъ патріархахъ: «Достойно и праведно исправлять, сообразно старымъ харатейнымъ и греческимъ спискамъ». Только епископъ коломенскій Павелъ, протоіерей Іоаннъ Нероновъ и Аввакумъ Петровъ, да два или три архимандрита, оскорбленные публичнымъ признаніемъ ихъ невѣжественности, удалились съ собора, не подписавъ его постановленій.

Соборъ уничтожилъ колебанія патріарха, хорошо понимавшаго всю важность предстоявшаго дѣла. Не прошло нѣсколькихъ дней послѣ закрытія засѣданій, какъ коммиссія справщиковъ книгъ была формально отставлена отъ должности, по причинѣ своей полной несостоятельности и некомпетентности въ корректурныхъ работахъ. Скромный Славинецкій, проживавшій съ кіевскими сотоварищами въ новопостроенномъ Андреевскомъ Преображенскомъ монастырѣ на пждивеніи боярина Ртищева, по царскому указу былъ назначенъ «справщикомъ» (т. е. факторомъ) типографіи и получилъ квартиру при училищѣ въ Чудовомъ монастырѣ. Патріархъ поручилъ Слави-

нецкому, главнымъ образомъ, дѣло исправленія книгъ и образованный іеромонахъ приступилъ къ своей задачѣ неторопливо, съ разумною обдуманностью. По его настоянію келарь Сухановъ вторично былъ отправленъ на Востокъ за различными старинными рукописями, хотя уже при первой поѣздѣ доставилъ до 700 драгоценныхъ рукописей «овымъ убо отъ нихъ отъ того времени, егда писаны, придоша 700 лѣтъ, овымъ же 500, овымъ 400 лѣтъ». Только окруживъ себя громаднымъ количествомъ греческихъ и словянскихъ списковъ, принялся Славинецкій за самое исправленіе текстовъ; помощниками его были: два пріѣхавшіе съ нимъ земляка Арсеній Сатановскій и Данила Птицкій, побывавшій въ Соловахъ іеромонахъ-грекъ Арсеній, священникъ Никифоръ, іеродіаконъ Моисей, бывшій игуменъ Сергій, монахъ Евонмій и книгописцы печатнаго дѣла Михаилъ Родостамовъ и Фролъ Герасимовъ. Пока серьезные труженики принимались толково за свое дѣло, оскорбленные бездарности сошлись между собою и образовали коалицію противъ патріарха Никона; сильные поддержкою ничего не понимающихъ женщинъ и отъявленныхъ старинолюбцевъ изъ бояръ, Нероновъ и Петровъ начали проповѣдывать по Москвѣ, что патріархъ по скудоумію поддается наущеніямъ кіевлянъ, зараженныхъ латинскою ересью, и припустилъ къ дѣлу уличеннаго латынщика, грека Арсенія. Въ своихъ письмахъ къ друзьямъ Нероновъ скромно обходитъ молчаніемъ вопросъ неожиданной отставки и объ исправленіи книгъ, сознавая, конечно, въ душѣ, что патріархъ поступилъ по справедливости, но за то онъ усердно нападаетъ на Никона за его жесткость и рѣзкость въ обращеніи, явно рисуясь своими страданіями и своимъ геройствомъ. Патріархъ, — читаемъ мы въ одномъ изъ писемъ: — мучитель, терзаетъ свою братію членовъ церкви, творитъ надъ ними поруганіе, однихъ растригаетъ, другихъ проклинаетъ. Беззаконное дѣло будетъ быть у него въ послужаніи безъ прекословія. Онъ хочетъ, чтобъ мы просили у него прощенія; пусть онъ у насъ проситъ! Государь всю свою душу и всю Русь положилъ на патріархову душу; не хорошо такъ мудрствовать государю!» За такое явное подстрекательство къ неповиновенію высшей духовной власти энергичный началъ

никъ распорядился бы гораздо круче, чѣмъ на первыхъ порахъ поступилъ Никонъ.

Этотъ патріархъ, котораго Н. И. Костомаровъ обвиняетъ чуть не въ маніи величія, не зналъ даже, до какихъ предѣловъ можетъ дойти религіозное изуверство и фанатизмъ ограниченныхъ людей; онъ рассчитывалъ повліять на членовъ оппозиціи болѣе мягкими мѣрами, предполагая въ нихъ болѣе здраваго смысла и благоразумія. Большая часть непокорящихся была давно знакома ему, многіе изъ нихъ были земляками его по мѣсту рожденія; а это-то отчасти и разжигало страсти; всѣ эти Павлы, Іоанны и Аввакумы съ горечью относились къ тому, что ихъ, природныхъ поповичей, взялся учить и муштровать мужицкій сынъ, котораго чуть не на ихъ глазахъ простая баба-мачиха таскала за вихры. Между тѣмъ, серьезный и осторожный патріархъ, желая придать болѣе безпристрастный характеръ своимъ отношеніямъ къ оппозиціи и самую реформу поставить на нейтральную почву, отправилъ къ константинопольскому патріарху Паисію длинное письмо черезъ какого-то грека Эммануила; невольно смотря на Паисія, какъ на своего учителя, Никонъ предложилъ ему въ письмѣ 26 вопрошеній, которыя касались различныхъ сторонъ богослужебныхъ обрядовъ и въ томъ числѣ спорныхъ пунктовъ. Выѣстъ съ тѣмъ, Никонъ высказывалъ свое неудовольствіе на поведеніе коломенскаго епископа Павла, приходившагося шуриномъ патріарху по умершей уже женѣ послѣдняго, Настасьѣ Ивановнѣ, протоіереевъ Неронова, Петрова и на ихъ сообщниковъ. Опасаясь своего пристрастія, московскій патріархъ обращался за совѣтомъ къ константинопольскому: какъ поступить ему съ непослушными, чтобы соблюсти справедливость?

Отвѣтъ изъ Константинополя былъ доставленъ только въ 1655 г. Патріархъ Паисій извѣщалъ, что онъ созывалъ въ Константинополь помѣстный соборъ, на которомъ «вопрошенія» Никона были разсмотрѣны и затѣмъ на нихъ были составлены отвѣты.

«Вижу, — писалъ Паисій, которому нравилась роль верховнаго учителя: — въ грамотахъ преблагенства твоего, что ты жалѣешь о несогласіяхъ, возникшихъ по поводу нѣкоторыхъ

церковныхъ чиновъ, и думаешь, что это различіе чиновъ растлѣваетъ вѣру нашу. Хвалимъ твою мысль: кто бережется на лаго преступленія, тотъ соблюдается отъ великаго. Еретики и раздорники слѣдуетъ убѣгать, если они соглашаются въ самыхъ важныхъ предметахъ, но не вполне согласны съ православіемъ и придерживаются чего нибудь своего, чуждаго церковной и соборной мысли. Но если случится, что какая нибудь церковь различествуетъ отъ другой въ нѣкоторыхъ не особенно важныхъ и не существенныхъ вещахъ, то есть не прикасающихся свойственнымъ составамъ вѣры, наприимѣръ, во времени отправленія богослуженія и тому под., то это не должно быть поводомъ къ разлученію, лишь бы только непреложно сохранялась та же вѣра. Церковь наша не сначала приняла на себя тотъ образъ и послѣдованіе, какое держитъ нынѣ; а сразу, а по малу». При этомъ Паисій ссылается сначала на Епифанія кипрскаго въ томъ, что церковь въ разныхъ мѣстахъ принимала различныя степени поста и мясояденія, потомъ на Василія Великаго, изъ котораго видно, что неокесарійская церковь не принимала того, что принималось въ другихъ мѣстахъ. Затѣмъ патріархъ продолжаетъ: «Не слѣдуетъ и нынѣ думать будто наша православная вѣра развращается оттого, если одинъ говоритъ свое послѣдованіе немного различно отъ другого въ несущественныхъ вещахъ, лишь бы только согласовался въ важнѣйшихъ, свойственныхъ соборной церкви». Представивъ подробное объясненіе литургіи, Паисій говоритъ: «Именемъ Іисуса Христа молимъ твое преблаженство, утоли эти распри твоимъ разумомъ; не подобаетъ ссориться рабамъ господнимъ, а наипаче въ вещахъ неважныхъ и не существенныхъ увѣщевай ихъ принять сей чинъ, который мы пишемъ вамъ котораго держится вся восточная церковь. Изначала у насъ по преданію, онъ сохраняется; ни въ единой вещи не было измѣненія; за это намъ хвала, потому что прочія церкви, отделившись отъ насъ, приняли многія нововведенія, а мы ни чѣмъ не растлѣваемся». Переходя къ послушникамъ патріаршей воли, Паисій сурово порицаетъ ихъ и даетъ совѣтъ подвергнуть ихъ отлученію, если они не примутъ нелицемѣрно все такъ какъ «держитъ и догматствуетъ церковь», онъ сравниваетъ ихъ

съ аріанами, кальвинистами и лютеранами, которые, подъ видомъ исправленія, покинули «недвижное и истинное» въ церкви... «Все это знаменіе ереси и раздора, и кто такъ говоритъ и вѣруетъ, какъ они, тотъ чуждъ православной нашей вѣрѣ. Ихъ молитвы—хулы, потому что они полагаютъ въ сомнѣніе моленіе нашихъ святыхъ и затѣваютъ вводить новые чины, которымъ мы никогда не научились отъ нашихъ отцовъ, предавшихъ намъ вѣру». Относительно крестнаго знаменія патриархъ Паисій указываетъ на сложеніе трехъ первыхъ перстовъ, какъ на древнѣйшій обычай поклоненія, и различаетъ молебное перстосложеніе отъ благословящаго. «До насъ дошло,—замѣчаетъ патриархъ въ концѣ письма:—что въ вашихъ церковныхъ чинахъ есть еще кое-какія различія, не согласныя съ нашею восточною церковью; удивляемся, что ты о нихъ не спрашиваешь. Желаемъ, чтобы все это исправилось». И при этомъ Паисій порицаетъ русскихъ за то, что въ ихъ церквяхъ женщины и мужчины сходятся вмѣстѣ и во время богослуженія не стоятъ раздѣльно: «Женщинѣ слѣдуетъ безмолвствовать, а тутъ невозможно сохранять безмолвіе, когда сойдется съ женщинами много мужчинъ разнаго возраста».

Выскнувъ въ содержаніе обстоятельнаго письма Паисія, Никонъ снова предложилъ Алексѣю Михайловичу созвать соборъ, который на этотъ разъ вышелъ блестящимъ и представительнѣйшимъ: кромѣ большаго числа русскихъ епископовъ, въ Москвѣ были антїохійскій патриархъ Макарій, сербскій патриархъ Гавріиль и митрополиты Григорій никейскій и Гедeonъ молдовлахійскій. Выслушавъ отвѣтъ константинопольскаго патриарха, соборъ постановилъ выполнить его указанія и держаться рѣшенія предшествовавшаго московскаго собора, то есть продолжать по прежнему исправленіе текста богослужебныхъ книгъ. Патриархъ Макарій энергически подтверждалъ правильность троеперстія. «Мы приняли, — заявилъ онъ: — преданіе изначала вѣры отъ св. апостолъ и св. отецъ и семи соборовъ творить знаменіе честнаго креста тремя первыми перстами десной руки, и кто изъ христіанъ православныхъ не творитъ крестнаго знаменія по преданію восточной церкви, сохраняемаго отъ начала міра до сихъ поръ, тотъ еретикъ и подражатель арменовъ;

*

того ради, мы считаемъ такового отлученнымъ отъ Отца и Сына и св. Духа и проклятымъ». Никейскій митрополитъ добавилъ къ этому: «На томъ, кто не крестится тремя перстами, пребудетъ проклятіе трехсотъ восьмидесяти святыхъ отецъ, собравшихся въ Никеѣ, и прочихъ соборовъ». Такимъ образомъ, этотъ соборъ объявилъ рѣшительную войну двуперстному сложенію.

Безпристрастная исторія отмѣтила тотъ непреложный фактъ, что всякая идея на религіозной подкладкѣ, какъ бы она ни была недѣла сама по себѣ, становится живучею, если ее захотятъ истребить насильственнымъ путемъ; подтвердить это можетъ вся исторія христіанства, въ которой кровавыя страницы отмѣчаютъ борьбу съ аріанами, несторіанами, манихеями, альбигойцами, гуситами, лютеранами и русскими старообрядцами. Никонъ, не смотря на свой природный умъ, силою обстоятельствъ вращался съ самаго дѣтства въ такой умственно ограниченной средѣ, что не могъ достичь пониманія этого важнаго историческаго закона, а потому, поддержанный нравственно постановленіями московскихъ соборовъ, взялся круто за очищеніе русской церкви отъ всего, нанесеннаго съ теченіемъ времени невѣжественнымъ русскимъ духовенствомъ, и этимъ далъ возможность своимъ противникамъ задрапироваться мучениками, къ которымъ примкнули всѣ тѣ элементы, какіе нашлись въ обширной Россіи и которые были политически недовольны московскими порядками. Вотъ почему на первыхъ же порахъ расколъ ярче вспыхнулъ въ предѣлахъ бывшей новгородской республики, перекинулся къ казацкой вольницѣ на Донъ и Яикъ, а съ бѣглыми ушелъ и прочно осѣлъ въ Сибири.

Въ изданномъ скорѣ послѣ второго собора «Служебникѣ» съ исправленнымъ текстомъ появилось предисловіе, въ которомъ изложены поводы, побудившіе патріарха къ исправленію богослужебныхъ книгъ и дѣянія перваго помѣстнаго собора, одобвившаго предпріятіе Никона. Этотъ «Служебникъ» предписано было разсылать повсюду и немедленно вводить въ употребленіе; патріархъ разсчитывалъ по простотѣ душевной, что у священниковъ хватитъ здраваго смысла настолько, что они

проникнутся доводами предисловія и въ такомъ духѣ стануть поучать народъ; послѣдствія показали его ошибку. Вслѣдъ затѣмъ грекъ Арсеній окончилъ переводъ съ греческаго книги «Скрижаль», заключающей въ себѣ порядокъ и объясненіе литургіи и таинствъ: сюда было добавлено изложеніе бывшихъ при Никонѣ помѣстныхъ соборовъ, отвѣтъ константинопольскаго патріарха Памсія и статьи, относящіяся къ вопросу о крестномъ знаменіи въ защиту троеперстнаго сложенія. Въ апрѣлѣ 1656 г. былъ созванъ третій помѣстный соборъ, на который Никонъ представилъ свою «Скрижаль»; соборъ утвердилъ ее и еще разъ произнесъ проклятiе надъ двуперстниками, а вмѣстѣ съ тѣмъ, предано проклятiю слово какого-то Теодорита, на котораго ссылались двуперстники, какъ на авторитетъ. Рьяные противники реформы съ ужасомъ толковали, что Никонъ и согласные съ нимъ члены собора признали, такимъ образомъ, еретиками всѣхъ святыхъ русской церкви, которые, безъ сомнѣнія, употребляли двуперстное знаменіе.

По совѣту, данному константинопольскимъ патріархомъ Памсіемъ, Никонъ рѣшился наконецъ поступить рѣшительнѣе и круче съ ослушниками своей воли, но рѣшился опять таки, не сразу, какъ это видно изъ автобіографіи Аввакума Петрова: «Въ постѣ великій прислалъ память къ казанской къ Нерокову Іоанну. Въ памяти Никонъ пишетъ годъ, число: *по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колыну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще же и тремя персты бы крестились.* Мы же задумались, сошедшись между собою: видѣть, яко зима хоцетъ быти; сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ приказалъ мнѣ церковь, а самъ единъ скрылся въ Чудовъ, седмицу въ палаткѣ молился и тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: *время приспѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати.* Онъ же мнѣ плачучи сказалъ, таже коломенскому епископу Павлу, его же Никонъ напослѣдокъ огнемъ жжегъ въ новгородскихъ предѣлахъ, потомъ Даніилу, костромскому протопопу, таже сказалъ и всей братіи. Мы съ Даніиломъ написахомъ изъ книгъ выписки о сложеніи перстъ и о поклонѣхъ и подали государю.

Много писано было. Онъ же, не вѣмъ гдѣ, скрылъ ихъ; мнить имъ ся, Никону отдалъ». Только послѣ всего этого Павелъ коломенскій былъ лишенъ сана и сосланъ въ одинъ изъ новгородскихъ монастырей, Нероновъ же былъ лишенъ скуфы и затѣмъ сосланъ въ вологодскій Спасо-Каменный монастырь на Кубенскомъ озерѣ, откуда его перевели въ Кольскій острогъ. Царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ, лишенный должности, которую занялъ протоіерей Лукіанъ, скоро покорился и самъ сталъ ходатайствовать за Неронова, который, получивъ прощеніе Никона, постригся въ монахи подъ именемъ Григорія и вскорѣ умеръ, оплаканный, какъ первая жертва никоніанцевъ. Аввакумъ Петровъ, самый фанатичный противникъ преобразованія, былъ схваченъ стрѣльцами, продержанъ около мѣсяца въ Андроніевомъ монастырѣ и затѣмъ съ женою и дѣтьми отправленъ въ Даурію на поселеніе, хотя архіепископъ тобольскій Симеонъ долго не отпускалъ его изъ Tobolska, очевидно, сочувствуя «страстотерпцу». Протоіерей Логгинъ муромскій, Данила костромской, Данила темниковскій и архимандритъ Ѳерапонтъ чудовской были разосланы по разнымъ городамъ въ тюрежное заключеніе и тамъ, накутивъ народъ, скоро умерли. Но, ясное дѣло, этими ссылками и заточеніями нельзя было утишить волненія, которое только разрасталось при появленіи «мучениковъ». Когда патріархъ разослалъ свои новыя богослужебныя книги, приказывалъ служить по нимъ и креститься тремя перстами, ропотъ поднялся разомъ во многихъ мѣстахъ: протоіерей Никита Пустосвятъ суздальскій и Лазарь романовскій возбудили народъ къ неповиновенію, а Соловецкій монастырь, исключая немногихъ старцевъ, явно возсталъ въ 1666 г., руководимый старцами Никаноромъ, Азаріемъ и Геронтіемъ.

VI. Патріархъ и великій государь.

«Великій государь, святѣйшій Никонъ, архіепископъ московскій и всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи и многихъ епархій, земли же и моря сея земли патріархъ»—вотъ офи-

ціальный титулъ, который самъ государь употреблялъ въ документахъ. Подготовленный Алексѣемъ Михайловичемъ еще въ званіи архимандрита быть докладчикомъ по жалобамъ на приказныхъ и на воеводъ, Никонъ привыкъ вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла; въ Новгородѣ это вмѣшательство усилилось вслѣдствіе прямо выраженного желанія царя видѣть въ митрополитѣ не только ходатая за обиженныхъ, но и контролера надъ мѣстною администраціею. Очевидно, достигнувъ патріаршаго престола «собинный другъ», не могъ исключительно заниматься духовными дѣлами; Алексѣй Михайловичъ самъ привыкъ часто обращаться къ нему за совѣтами и поступать согласно его указаніямъ. Своевольнымъ и надменнымъ боярамъ не нравилось, что «чернецъ изъ мужиковъ» принимаетъ съ ними тонъ начальника, онъ больше приказываетъ, чѣмъ проситъ, ни въ какія сдѣлки не вступаетъ и прямо даетъ почувствовать, что онъ «второй великій государь». Этотъ второй государь энергичнѣе, послѣдовательнѣе и строже добродушнаго Алексѣя Михайловича, податливаго на лесть и охотно выслушивающаго сплетни придворныя. Никонъ не стѣсняясь въ выборѣ выраженій и въ своихъ дѣйствіяхъ, если замѣчалъ несогласное, по его мнѣнію, со святостью вѣры и съ справедливостью царя. Доставили многимъ «либераламъ» того времени иконы иностраннаго мастерства, Никонъ возмущался этимъ и безъ разсужденій велѣлъ отобрать иконы, какъ не соответствующія обще-принятому византійскому складу; затѣяли бояре развлекаться музыкою во время поста, патріархъ нашелъ это безнравственнымъ, арестовалъ различныхъ музыкальных инструментовъ почти пять возовъ, связъ все это за Москву-рѣку и тамъ торжественно сжегъ. Заводчикъ и пушкаръ Питеръ Марселисъ позволилъ себѣ курить въ присутствіи патріарха и за это его высѣкли кнутомъ, тѣмъ болѣе, что Никонъ ненавидѣлъ «богомерзкое зелье, чертову траву», т. е. табакъ. Недовѣрчивый къ иноземному, какъ большинство русскихъ того времени, Никонъ трудно сходилъ съ заморскими обычаями и большую часть изъ нихъ преслѣдовалъ постоянно; между прочимъ, замѣтивъ на прислугѣ боярина-дворецкаго Никиты Ивановича Романо-

ва необычный нарядъ, узналъ, что это ливрея; немедленно эта ливрея была вытребована у царева родственника и изрѣзана на куски.

Такая строгость въ преслѣдованіи иноземщины и всего противнаго духу строгаго православія усиливалась относительно духовенства. Если бояре не терпѣли патріарха Никона за постоянное вмѣшательство въ мірскія дѣла и за его рѣзкія выходки, то духовенство было просто озлоблено за безпощадную строгость архипастыря и неизбѣжныя притѣсненія его приказныхъ. Никонъ требовалъ отъ священниковъ трезвой жизни, точнаго исполненія требъ и, сверхъ того, заставлялъ ихъ читать въ церкви поученія народу, новость, которая крайне не нравилась невѣжественному духовенству; а между тѣмъ, Никонъ не требовалъ больше того, что самъ дѣлалъ, будучи десять лѣтъ священникомъ. Строгій пуристъ въ дѣлахъ вѣры, Никонъ становился безпощаднымъ съ нерадивыми, небрежными и склонными къ вину; такихъ ему ничего не стоило посадить на цѣпь, помучить въ тюрьмѣ или же сослать куда нибудь на нищенскую жизнь въ бѣдный приходъ. Страшенъ былъ этотъ рослый мордвинъ, облаченіе котораго вѣсило до двѣнадцати пудовъ, и трепещущіе священники наивно спрашивали: «Знаете ли кто онъ? звѣрь лютый, медвѣдь или волкъ»? Распушенность и тунеядство московскаго духовенства бросались въ глаза и патріархъ, чтобы подтянуть и проучить священниковъ, взялъ за правило часто переводить ихъ изъ церкви въ церковь, изъ прихода въ приходъ. Это было раззорительно не только отъ неизбѣжныхъ расходовъ при перемѣщеніи съ мѣста на мѣсто, но еще и потому, что такіе переводимые священники должны были брать въ Москвѣ «перехожія» грамоты, а пока ихъ достанутъ, проживаться въ столицѣ. Между тѣмъ, приказная братія, подчиненная патріарху, не дремала и исправно набивала свои карманы взятками, поборами и подарками, усиливая этимъ въ огромныхъ размѣрахъ общую нелюбовь къ Никону. Если бы патріархъ былъ поопытнѣе въ приказныхъ крючкотворствахъ, то можно навѣрное сказать, что большей половины притѣсненій и прижимокъ не существовало бы. Но патріаршій дьякъ Иванъ

Кокошиловъ, наслѣдіе отъ патріарха Іосифа, безцеремонно грабилъ всѣхъ, имѣвшихъ дѣло въ патріаршемъ приказѣ, не только самъ, но даже черезъ свою жену и прислугу. Никонъ, по неопытности, былъ въ рукахъ Кокошилова.

Въ то время, какъ бояре и духовенство не знали, какъ избавиться отъ досаждавшаго имъ Никона, царь Алексѣй все больше и больше привязывался къ своему «собинному другу». Онъ цѣнилъ его практическій умъ, любовь къ родной землѣ и пониманіе ея интересовъ; поэтому, съ переселеніемъ изъ Новгорода въ Москву, Никонъ, помимо обширнаго духовнаго вѣдомства, принималъ дѣятельное участіе въ свѣтскихъ дѣлахъ. До него важнѣйшій доходъ казны, продажа напитковъ, отдавался обыкновенно на откупъ, тѣмъ болѣе, что откупная система примѣнялась и въ сборѣ налоговъ и пошлинъ. Патріархъ, близко знакомый съ народною жизнью, выяснилъ царю, что откупной порядокъ черезчуръ тягостенъ для народа и, кромѣ того, вредно отзывается на его нравственности. Дѣло въ томъ, что откупщики, заплативъ въ казну деньги впередъ, старались всѣми возможными способами вернуть эти деньги съ процентами и, кромѣ того, разжиться на кабакахъ, которые дѣлались раззорительными притонами пьянства, мазурничества и всякаго беззаконія. Помимо всего этого, Никонъ справедливо указывалъ, что опредѣленный процентъ, причитающійся откупщику, остался бы въ казнѣ, если виноторговля будетъ прямо отъ казны. Вслѣдствіе такихъ доводовъ, уже въ 1652 г. кабаки были замѣнены кружечными дворами, которые уже не отдавались на откупъ, а содержались выборными людьми «изъ луччихъ» посадскихъ и волостныхъ людей, названныхъ «вѣрными головами»; при нихъ состояли выборные цѣловальники, занимавшіеся и куреніемъ вина. Винокуреніе дозволялось всѣмъ, но съ обязательствомъ доставлять на кружечный дворъ опредѣленное количество вина. Мѣра эта предпринята была какъ бы для уменьшенія пьянства, потому что во всѣ посты и по воскреснымъ днямъ виноторговля запрещалась и дозволялось только, какъ общее правило, продавать не болѣе тройной чарки на человѣка; «питухамъ» на кружечномъ дворѣ и по близости его не дозволялось

пить. Въ 1653 г., по челобитью торговцевъ, введена однообразная «рублевая» пошлина по десяти денегъ съ рубля; каждый купецъ, покупая товаръ на продажу, платилъ пять денегъ съ рубля и могъ везти съ выписью свой товаръ куда угодно, но платилъ остальные пять денегъ тамъ, гдѣ продавалъ. «Рублевая» пошлина отмѣняла собою цѣлый рядъ мелкихъ пошлинъ, что для купцовъ представляло большое удобство. Въ 1654 г., слѣдуя той же системѣ, правительство уничтожило откупную систему на многихъ казенныхъ сборахъ, а именно пошлины съ рѣчныхъ перевозовъ, съ телѣгъ, саней, съ сѣна, съ масла, кваса, рыбы и такъ далѣе; всѣ эти прелести заводились не только въ посадахъ и волостяхъ, но и самими помѣщиками на своихъ земляхъ. Царская грамота, уничтожая эти ненавистныя народу остатки татарскаго бесermenства, прямо называетъ эти откуны «злодѣйскими», какъ ихъ называлъ и патріархъ Никонъ.

Осложнившіяся въ это время политическія событія также отразили на себѣ вліяніе «собиннаго друга». Малороссія вела безуспѣшную, хотя блестящую борьбу съ Польшою и гетманъ Богданъ-Зиновій Михайловичъ Хмельницкій не одинъ разъ обращался къ московскому царю съ просьбою принять Приднѣпровье въ подданство Россіи. Бояре-совѣтчики, окружавшіе Алексѣя Михайловича, были настолько лишены историческаго чутія и политическихъ дарованій, что, не понимая задачи Москвы-собираательницы, упирались всѣми силами противъ присоединенія Малороссіи. Царь вполне раздѣлялъ ихъ взгляды и только вѣскіе и убѣдительные совѣты Никона заставили его иначе посмотреть на все дѣло и постепенно перейти на сторону казаковъ. Благодаря этому, московскій посланникъ князь Борисъ Александровичъ Рѣпинъ-Оболенскій явился 20 іюля 1653 г. въ Краковъ и, напомнивъ польскому правительству старое требованіе о наказаніи лицъ, дѣлавшихъ ошибки въ царскомъ титулѣ, объявилъ, что царь согласенъ простить виновныхъ, если поляки помирятся съ Хмельницкимъ на основаніи зборовскаго договора и уничтожатъ хитрое измышленіе іезуитовъ—унію. Паны-сенаторы отвѣтили князю, что унію уничтожить невозможно, что такое требованіе равносильно тому, если бы

яки потребовали уничтоженія православія въ московскомъ ударствѣ, что греческая вѣра никогда не была гонима въ цѣлѣ, а съ Хмельницкимъ они не стануть мириться не только по зборовскому, но даже и по бѣлоцерковскому договору, амѣрены привести казаковъ къ тому положенію, въ какомъ находились до начала возстанія. Тогда князь Рѣпинъ явилъ разрывъ дипломатическихъ сношеній и сказалъ, что рѣ будетъ стоять за православную вѣру, за святыхъ Божіихъ и за свою честь, какъ ему Богъ поможетъ! Послѣго въ Москвѣ былъ созванъ земскій соборъ, который открылъ и засѣданія 1 октября и рѣшилъ, «что слѣдуетъ пригласить гетмана Богдана Хмельницкаго, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, со всѣми городами и землями, подъ высокую государственную руку». Патріархъ и все духовенство благословили государя и всю его державу, выразившись при этомъ, что «мы станемъ молить Бога, Пресвятую Богородицу и всѣхъ святыхъ о оубо и одолѣніи».

Коммиссарами въ Переяславль были отправлены бояринъ уруинъ, окольникій Алферьевъ и думный дьякъ Лопухинъ. декабря они прибыли въ домъ полковника Павла Тетери, января 1654 г., генеральная рада присягнула на подданство Алексѣю Михайловичу. 23 апрѣля состоялось торжественное отправленіе боярина князя Алексѣя Никитича Трубецкого войскомъ въ Польшу; въ Успенскомъ соборѣ патріархъ читалъ передъ собранною войску молитву идущимъ на войну, причемъ псалмъ воеводъ по именамъ; затѣмъ царь пригласилъ бояре и воеводъ на парадный обѣдъ, за которымъ говорилъ два раза, угощалъ богородицынымъ хлѣбомъ, медомъ краснымъ и виномъ и объявилъ при этомъ, что самъ намѣренъ проливать кровь на войнѣ. «Если ты, государь, — отвѣчали ратные люди: — ешь кровью обагриться, такъ намъ и говорить послѣ того нечего! готовы положить головы наши за православную вѣру, за царей нашихъ и за все православное христіанство!» Черезъ два дня послѣ того совершилась новая церемонія: все войско шло мимо дворца, причемъ патріархъ кропилъ его святою водою, а бояре и воеводы, сошедши съ лошадей, подходили къ переходамъ, гдѣ Алексѣй Михайловичъ спрашивалъ ихъ о

здоровьѣ, и они кланялись ему въ землю. При этомъ Никонъ произнесъ рѣчь, призывая на войско благословеніе Божіе и всѣхъ святыхъ; князь Трубецкой съ воеводами поклонился патріарху въ землю и также отвѣчалъ рѣчью, наполненною цвѣтистыми выраженіями, и общалъ, отъ лица всего войска, «слушаться учительныхъ словесъ государя патріарха». Посѣтивъ различныя святыни и подкрѣпивъ себя молитвою, Алексѣй Михайловичъ отправилъ впередъ себя икону Иверской Божіей Матери и 18 мая выступилъ въ походъ, сопровождаемый дворовыми воеводами. Замѣтимъ при этомъ, что въ эту войну впервые приняла участіе часть войска подъ названіемъ «солдатъ», заведенныхъ въ 1649 г. въ заонежскихъ погостахъ, какъ ядро и зародышъ будущаго регулярнаго войска въ Россіи.

Отправляясь въ походъ, Алексѣй Михайловичъ довѣрилъ патріарху Никону, какъ своему ближайшему другу, всю царскую семью, свою столицу и поручилъ ему наблюденіе за правосудіемъ и ходомъ дѣлъ въ приказахъ; другими словами, Никонъ былъ назначенъ регентомъ государства. Соединяя въ своихъ рукахъ духовную и свѣтскую власть, дѣятельный и не знающій усталости Никонъ естественно навелъ страхъ на всѣхъ своихъ недоброжелателей и заставилъ ихъ смириться. Ничего не могло сдѣлаться въ боярской думѣ безъ вѣдома и благословенія великаго государя патріарха; въ качествѣ верховнаго правителя государства, Никонъ писалъ грамоты по разнообразнымъ предметамъ, въ которыхъ писалось: «Указалъ государь, царь, великій князь всея Руси, Алексѣй Михайловичъ, и мы, великій государь». Осенью 1654 г. появилась въ московскомъ государствѣ заразительная чума, принесенная вѣроятно черезъ Астрахань изъ Персіи, и патріарху было не мало хлопотъ съ этимъ, какъ народъ называлъ, «Божьимъ наказаніемъ». Царица Марья Ильинишна съ дѣтьми бѣжала изъ Москвы сначала въ Троице-Сергіеву лавру, потомъ въ Калязинъ, въ Макаріевъ-Троицкій монастырь, наконецъ въ городокъ Вязму, такъ какъ въ столицѣ свирѣпствовала страшная смертность. Размѣры этой смертности можно видѣть изъ того, что въ Чудовомъ монастырѣ изъ 208 монаховъ въ живыхъ осталось 26; въ Воскресенскомъ монастырѣ изъ 118 монахинь спаслось 38; въ домахъ бывшаго

временщика Бориса Ивановича Морозова жило народу 362 чел., осталось въ живыхъ 19; въ домахъ князя Алексѣя Никитича Трубецкого изъ 278 чел., уцѣлѣло только 8; въ Кузнецкой черной сотнѣ изъ 205 чел. спаслось только 32, а въ Новгородской сотнѣ изъ 510 чел. осталось 72. Патріархъ Никонъ сдѣлалъ распоряженіе поставить въ разныхъ мѣстахъ заставы, чтобы, на время заразы, пресѣчь сообщеніе съ войскомъ, при которомъ находился царь, затѣмъ приказалъ заложить въ Москвѣ царскія кладовыя кирпичемъ и не выпускать никого съ тѣхъ дворовъ, гдѣ появится зараза. Когда послѣдняя усилилась, патріархъ самъ выѣхалъ въ Калязинъ, поручивъ Москву боярину князю Михаилу Петровичу Рыбину-Пронскому.

Правительство приказывало устраивать на дорогахъ заставы съ тѣмъ, чтобы не пропускать ѣдущихъ изъ зараженныхъ мѣстностей, но это мало помогало, такъ какъ всякаго пропускали на совѣсть, хотя за обманъ положена была въ этомъ случаѣ смертная казнь, какъ равно и за сообщеніе съ зачумленными. По смерти зачумленныхъ, сжигали ихъ платья и постели, зараженные дворы и прочія постройки предоставлялись недѣли на двѣ морозу, послѣ чего приказывали топить можжевельникомъ и полынью, думая, что этимъ разгоняется зараза. Однако, бѣдствія этимъ не кончились и зараза появлялась въ 1655 и 1656 гг., захватывая обширные районы. Въ Калугѣ изъ 2.613 жителей уцѣлѣло всего 777 чел., а въ Переяславлѣ-Рязанскомъ—изъ 3.017 чел. только 434; въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ изъ 4.566 чел. осталось 939, а въ Тулѣ изъ 2.568 чел.—только 760; въ Кашинскомъ уѣздѣ изъ 2.747 посадскихъ остались въ живыхъ 908 чел., въ Торжкѣ, Звенигородѣ, Угличѣ, Суздалѣ и Твери число умершихъ было менѣе числа оставшихся, въ Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и окрестныхъ городахъ зараза была еще легче, хотя косила народъ исправно. Люди отъ страха разбѣгались куда попало, а другіе, пользуясь общимъ переполохомъ, пустились на воровство и грабежи. Въ самой Москвѣ двуперстники начали возмущать народъ и толковать ему, что бѣдствіе постигаетъ православныхъ за еретическаго патріарха, бѣжавшаго изъ города въ минуту опасности; взволновавшаяся толпа собралась на сходку къ

Успенскому собору, куда явился посадскій Софронъ Лапотниковъ и принесъ икону Спасителя, на которой уже стерлось изображеніе. Лапотниковъ сталъ увѣрять, что образъ былъ выскобленъ по приказанію патріарха и ему, Софрону, былъ отъ этого образа видѣніе: велѣно показать его мірскимъ людямъ, чтобы всѣ возстали за поруганіе иконъ. Вскорѣ какая-то женщина изъ Калуги стала кричать всенародно, будто ей тоже было видѣніе, запрещавшее печатать исправленныя по указамъ кіевскихъ еретиковъ книги. Такъ какъ строгій патріархъ не давалъ спуска тунеяднымъ священникамъ, то многіе изъ нихъ находились въ Москвѣ подъ запрещеніемъ, а теперь, пользуясь случаемъ, являлись повсемѣстными возмутителями толпы. Оставленный въ столицѣ князь Рыбинъ-Пронскій съ большимъ трудомъ успокаивалъ народъ, но вопросъ о состоявшихся подъ запрещеніемъ священникахъ былъ настолько важенъ, что старосты и сотскіе московскихъ сотенъ и слободъ, не приставши къ мятежникамъ, были челомъ патріарху ради всеобщаго успокоенія, чтобы онъ разрѣшилъ опальныхъ священниковъ, такъ какъ множество церквей остается безъ богослуженія, некому напутствовать умирающихъ и погребать мертвыхъ.

Въ ноябрѣ 1655 г. Алексѣй Михайловичъ возвратился торжественно изъ похода въ Москву и былъ встрѣченъ тремя патріархами: всероссійскимъ, александрійскимъ и антиохійскимъ. Достигнувъ лобнаго мѣста, при колокольномъ звонѣ и пушечныхъ выстрѣлахъ, царь приказалъ спросить весь міръ о здоровьѣ; вся несмѣтная толпа народа гаркнула «многія лѣта государю и поверглась на землю. Освобожденный отъ заботъ регентства, Никонъ получилъ отъ благодарнаго царя офіціальный титулъ «великаго государя» и матеріальную поддержку для осуществленія своего давнишняго желанія: создать монастырь на томъ безлюдномъ островкѣ Кіѣ, на который былъ выброшенъ двѣнадцать лѣтъ слишкомъ тому назадъ монахъ Никонъ, бѣжавшій изъ Соловокъ. Дѣйствительно въ 1656 г., на мѣстѣ деревяннаго креста, когда-то водруженнаго двумя бѣглецами, было положено основаніе Крестнаго монастырю «Ставрокъ» патріархомъ лично. Въ томъ же году была окончена въ Москвѣ постройка каменнаго патріарша

ома (нынѣ синодальная контора), а при ней церковь Двѣнадцати апостоловъ, выстроенная по образцу константинопольской того же названія, и Крестовая палата, гдѣ происходили ерковные соборы, а теперь совершается мировареніе; послѣдній соборъ былъ въ 1720 г.

Занимаясь хозяйственными дѣлами, Никонъ не оставлялъ изъ вниманія и государственныхъ дѣлъ. Пріѣхавшій въ Москву имперскій посолъ Алегретти, родомъ изъ Рагузы и свободно говорившій по русски, съумѣлъ повліять на патріарха, не побившаго протестантовъ, и на тогдашнихъ дипломатовъ: околичаго Хитрова и думнаго дьяка Алмаза Иванова; они втроихъ употребили всѣ старанія, чтобы окончить военныя дѣйствія противъ Польши и начать противъ Швеціи, король которой, Карлъ-Густавъ, покорилъ почти всѣ коронныя польскія земли. Уже 17 мая 1656 г. царь, убѣжденный «собиннымъ ругомъ», приказалъ объявить разрывъ шведскому посланнику уставу Бельке, а въ Вильно послалъ договариваться о мирѣ князя Никиту Ивановича Одоевскаго. Тѣмъ временемъ Никонъ принужденъ былъ написать всенародную грамоту, въ которой бѣждалъ не вѣрить размножившимся до невозможнаго различаго рода прорицателямъ и сновидцамъ, доказывая изъ священнаго писанія, что убѣгать отъ моровой язвы и вообще отъ бѣдствія вовсе не составляетъ грѣха. Но голосъ далеко и высоко стоящаго патріарха заглушался священниками-двуперстниками, хранителями и ревнителями древняго благочестія, и народъ больше вѣрилъ врагамъ Никона, жившимъ среди народа, чѣмъ ему.

Богослужбная реформа, серьезно задуманная Никономъ, сполнялась добросовѣстно ученымъ Епифаніемъ Славинецкимъ, а знанія и честность котораго приходилось полагаться условно, такъ какъ контролировать его было некому. Между тѣмъ, исправленные Славинецкимъ богослужбныя книги употребляются до сихъ поръ безъ измѣненій не только въ Россіи, но и въ словянскихъ православныхъ земляхъ. Были изданы: «Служебникъ», съ предисловіемъ Славинецкаго, «Часословъ», обѣ «Тріоди», постная и цвѣтная, «Слѣдованная псалтырь», «Общая минея», «Ирмологъ» и «Но-

вая Скрижаль» съ объясненіемъ литургіи. Вмѣстѣ съ исправленными богослужебными книгами, необходимо было издать также церковныя законоположенія въ исправленномъ видѣ; съ этою цѣлью Славинецкій перевелъ «Правила св. апостоловъ», «Правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ», «Номоканонъ» Фотія съ толкованіями византійскихъ юристовъ Вальсамона и Властаря, наконецъ «Собраніе церковныхъ правилъ и византійскихъ гражданскихъ законовъ» Константина Арменопула. Покончивъ съ юридическимъ отдѣломъ, неутомимый труженникъ обратился къ писаніямъ св. отцовъ и перевелъ много сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторые были уже давно извѣстны и любимы въ словянскихъ переводахъ и тѣмъ нужнѣе было издать ихъ въ болѣе правильномъ видѣ; сюда относятся четыре слова Аѳанасія александрійскаго, пятьдесятъ словъ Григорія Богослова, бесѣда Іоанна Златоустаго на пятидесятницу, бесѣда Іоанна Дамаскина о православной вѣрѣ и слово о поклоненіи иконамъ. Кромѣ того, въ виду безобразнаго искаженія житія святыхъ, Славинецкій перевелъ и напечаталъ житіе Алексѣя Божьяго человѣка, Ѳеодора Стратилата, великомученицы Екатерины и другихъ. Не ограничиваясь въ своихъ переводахъ одними религіозными сочиненіями, Славинецкій оставилъ не мало переводовъ свѣтскихъ сочиненій по исторіи, географіи, педагогикѣ и даже анатоміи.

При этомъ необходимо замѣтить, что литературное достоинство переводовъ ученаго іеромонаха не могло привлекать къ нимъ особенно читателей; уже въ переводѣ богослужебныхъ книгъ встрѣчаются тяжелые и неудобопонятные обороты, а тѣмъ болѣе въ его самостоятельныхъ произведеніяхъ. Вотъ образецъ его слога въ одномъ изъ поученій: «Изсѣки душевредное стволіе неправды богоизощреннымъ сѣчивомъ покаянія, искорените изъ сердець пагубный волчець лукавства сожгите умо-вредное терніе ненависти божественнымъ пламенемъ любви, одождите мысленную землю душъ небеснымъ дождемъ евангельскаго ученія, наводните ее слезными водами возрастите на ней благопотребное быліе кротости, воздержанія, цѣломудрія, милосердія, братолюбія, украсьте благовоннымъ цвѣтами всякихъ добродѣтелей и воздайте благой плодъ правды»

Въ переводахъ его слогъ еще болѣе неясный: «Всяка икона изъяснительна есть и показательна, яко что глаголю, понежѣ чловѣкъ ниже виднаго, нагое имать знаніе тѣломъ покровеннѣй души; ниже по немъ будущихъ, ниже мѣстомъ разстоящихъ и отсутствующихъ, яко мѣстомъ и лѣтомъ описанный къ наставленію знанія и явленіе и народствованіе сокровенныхъ, примыслися икона всяко же къ пользѣ и благодѣянію и спасенію, яко да століствуемъ и являемымъ вещемъ раззнаемъ сокровенная». Какъ переводчикъ, Славинецкій былъ большой буквалистъ и хотѣлъ переводить какъ можно ближе къ подлиннику, но, вмѣсто того, чтобы передавать смыслъ подлинника оборотами, свойственными русско-слова́нскому языку, онъ создавалъ произвольно слова́нскія слова на греческій ладъ и вводилъ въ слова́нскую рѣчь греческую констру́кцію. Замѣтимъ здѣсь встати, что Елифаній Славинецкій умеръ въ Москвѣ 19 ноября 1675 г.

VII. Разрывъ и отреченіе.

Царь Алексѣй Михайловичъ пробылъ на войнѣ съ 18 мая 1654 г. по ноябрь 1655 г. и эти полтора года лагерной жизни, проведенные внѣ Москвы, покинутой первый разъ въ жизни, въ совершенно новой обстановкѣ, оставили глубокіе слѣды въ характерѣ царя. Онъ сбросилъ съ себя прежнюю сдержанность и изъ богатаго помѣщика, какимъ онъ въ сущности былъ первые годы послѣ отца, постепенно превратился въ царя; не измѣняясь въ своемъ обычномъ добродушіи, Алексѣй Михайловичъ сдѣлался недоувѣрчивѣе, рѣже сталъ появляться народу и послѣ московскихъ мятежей принялъ цѣлый рядъ предосторожностей: такъ, между прочимъ, царское жилище постоянно охранялось вооруженными воинами, никто не смѣлъ подойти къ дворцовой рѣшеткѣ, никому не дозволялось подавать прошеніе царю лично, при выѣздѣ царя окружали стрѣльцы. Въ заключеніе всѣхъ мѣръ былъ созданъ приказъ тайныхъ дѣлъ, положившій начало тайной полиціи. Между тѣмъ, ла-

герная жизнь, гдѣ господствовала большая дисциплина, чѣмъ въ боярской думѣ, приучила царя быть самостоятельнымъ, онъ проникся убѣжденіемъ, что онъ верховный властелинъ земли русской, тѣмъ болѣе, что успѣхи оружія покрывали его славою, а регентъ, оставленный въ Москвѣ, по всѣмъ важнымъ вопросамъ посылалъ гонцовъ въ лагерь къ царю. Идея самодержавія развивалась при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, а особенно послѣ провозглашенія царя въ Вильно великимъ княземъ Литвы. По возвращеніи въ Москву Алексѣй Михайловичъ былъ искренно убѣжденъ, что въ немъ одномъ Россія имѣетъ залогъ своего благоденствія и дальнѣйшаго развитія, что онъ одинъ, самодержавный царь, можетъ справиться съ тяжелою задачею управленія страной; это было тѣмъ болѣе справедливо, что его окружали бездарности и посредственности, умѣвшія только спорить о мѣстахъ и алчно кидаться на царскія подачки. Очень естественно, что первое же столкновение съ «собиннымъ» другомъ оставило въ царѣ непріятное впечатлѣніе и если онъ не распорядился круто, во вкусъ Ивана IV, то виною была его нерѣшительность, отъ которой онъ не могъ избавиться во всю свою жизнь и чѣмъ умѣло пользовались окружающіе. Столкновения же, между прочимъ, были по слѣдующимъ поводамъ: какой-то дворянинъ совершилъ убійство, за что былъ осужденъ на казнь, и прибѣгнулъ къ защитѣ царскаго духовника Лукіана; тотъ сталъ просить у Алексѣя Михайловича помилованія для преступника, но получилъ рѣзкій отказъ и за это не допустилъ его къ причастію; царь пожаловался Никону, но патріархъ оправдалъ поступокъ духовника. Вскорѣ затѣмъ Алексѣй Михайловичъ задумалъ развестись съ Марьею Ильинишною; хотя царица никогда не благоволила особенно патріарху, но послѣдній энергично сталъ противиться разводу и царь вынужденъ былъ, во избѣжанія соблазна, уступить. За то Богоявленскій монастырь въ Полоцкѣ, зависѣвшій непосредственно отъ патріарха, былъ отданъ царемъ въ управленіе епископа полоцкаго Кластиста, не смотря на всѣ протесты оскорбленнаго самоуправствомъ Никона.

Съ другой стороны необходимо припомнить постоянное со-

перничество теократизма съ монархизмомъ, проходящее черезъ всю исторію рода человѣческаго; эти два начала, духовное и свѣтское, вели вѣковѣчную борьбу изъ-за преобладанія въ странѣ, и верхъ брала, конечно, та сторона, во главѣ которой была болѣе энергичная и болѣе талантливая личность. Пробѣгая мысленно рядъ столѣтій, мы видимъ, что въ Индіи теократизмъ былъ такъ силенъ, что его не могли поборотъ ни возстанія могущественныхъ кшатріевъ, ни вторженія мусульманъ подъ начальствомъ Баберидовъ, ни власть англійскихъ штыковъ, такъ что брамины сохранили до нынѣ то же могущество, которыми обладали нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ. Въ Египтѣ монархизмъ былъ сильнѣе, но и тамъ верховнымъ жрецамъ Ни-Аммуна (стовратныхъ Оивъ) и Са (Саиса) удавалось брать на себя управленіе страной, низвергая царствующія династіи. Въ Мидіи, Вавилонѣ и Персіи теократизмъ былъ еще слабѣе, но и тамъ бывали не разъ попытки подчинить себя царей. Неизмѣнная идея теократизма повторялась и въ христіанствѣ въ лицѣ римскихъ папъ, добивавшихся полного подчиненія своей власти всего христіанскаго міра и не отказавшихся отъ исполненія этой мысли до настоящаго времени. Изъ этого мы видимъ, что духовенство всѣхъ временъ и народовъ всегда стояло въ оппозиціи со свѣтскою властью и борьба между ними, подъ самыми разнообразными формами, тянется отъ созданія перваго государства на землѣ до сегодняшняго дня. Суровый и прямодушный Никонъ, возвысясь до званія патріарха всероссійскаго, вполне естественно, былъ преданъ душою и тѣломъ идеѣ теократизма и стремился поставить власть патріарха выше власти царя. За такое въ свѣтскомъ смыслѣ революціонное направленіе обвинять Никона невозможно, такъ какъ логическаго вывода идеи теократизма держится, строго говоря, все духовенство христіанское и не-христіанское, если во главѣ его стоятъ «патріархи», «папы», «первосвященники», «мастера-строители», «верховные маги», «старцы горъ», «брахматы», «шейхъ-уль-исламы» и другіе.

Въ подтвержденіе того, что разрывъ дружескихъ отношеній Алексѣя Михайловича съ Никономъ произошелъ именно вълѣдствіе того, что они явились представителями двухъ сопер-

*

начающихъ началъ, теократическаго и монархическаго, приводимъ отрывокъ изъ письма Никона къ Діонисію, патріарху константинопольскому: «У его царскаго величества составлена книга («Уложеніе»), противная евангелію и правиламъ св. апостолъ и св. отецъ; по ней судять, ее почитаютъ выше евангелія Христова. Въ той книгѣ указано судить духовныхъ архіереевъ и ихъ стряпчихъ, дѣтей боярскихъ, крестьянъ, архимандритовъ, и игуменовъ, и монаховъ, монастырскихъ слугъ, и крестьянъ, и поповъ, и церковныхъ причетниковъ въ монастырскихъ приказахъ мірскимъ людямъ, гдѣ духовнаго чина нѣтъ больше. Много и другихъ пребеззаконій въ этой книгѣ! Мы объ этой проклятой книгѣ много разъ говорили его царскому величеству, но за это я терпѣлъ униженіе и много разъ меня хотѣли убить. Царь былъ прежде благоговѣнъ и милостивъ, во всемъ искалъ Божіихъ заповѣдей, и тогда милостью Божіею и нашимъ благословеніемъ побѣдилъ Литву. Съ тѣхъ поръ онъ началъ гордиться и возвышаться, а мы ему говорили: перестань! Онъ же въ архіерейскія дѣла началъ вступаться, судами нашими овладѣлъ: самъ ли собою онъ такъ захотѣлъ поступать, или же злые люди его измѣнили? онъ уподобился Ровоаму, царю израильскому, который отложилъ совѣтъ старыхъ мужей и слушалъ совѣта тѣхъ, которые съ нимъ воспитывались».

Кромѣ чисто принципной вражды, сюда присоединились интриги и сплетни тѣхъ, которые окружали царя и въ данномъ случаѣ, очень естественно, льнули и тяготѣли къ монархизму, такъ какъ онъ давалъ имъ больше индивидуальной свободы, чѣмъ теократизмъ, представителемъ котораго являлся безпощадный и прямолинейный монахъ-мордвинъ. Обладая глубокимъ и лстивымъ языкомъ, боярство и родовая знать не могли простить патріарху его происхожденія, они ненавидѣли его за то, что онъ оттеръ ихъ отъ царя до такой степени, что этотъ самый царь заставилъ ихъ въ ноги кланяться мужику-монаху и умолять его принять патріаршій санъ; эта-то ненависть и сдѣлала ихъ еще болѣе рѣчистыми. Оскорбленная самолюбія мелкихъ въ нравственномъ смыслѣ людей не нашли другого оружія, какъ сплетни, и поэтому языки мужскіе и женскіе дѣятельно заработали въ Москвѣ. На патріарха сплетни

сынались градомъ: онъ хотѣлъ уничтожить православіе, онъ хотѣлъ провозгласить себя папою, онъ ни во что ставилъ царскую волю, онъ былъ корыстолюбивъ онъ былъ убійца, онъ состоялъ въ любовной связи съ царевною Татьяною Михайловною и масса всякаго вздора, разжигавшаго страсти и усиливавшего вражду. Взглядъ Никона на окружающихъ царя былъ приведенъ выше: «Ихъ дѣло повиноваться властямъ, а не умствовать», поэтому понятно, какъ негодовалъ онъ, видя, что царь охотно выслушиваетъ умствующихъ и видимо уклоняется отъ тѣхъ сердечныхъ отношеній, которыя были между ними раньше. Бояре и придворные долго сдерживались и таили въ себѣ вражду противъ патріарха, сознавая, что съ царемъ, добродушнымъ въ обращеніи и нерѣшительнымъ въ поступкахъ, ничего все-таки не подѣлаешь, но разъ они почувствовали перемену въ обращеніи «тишайшаго» съ патріархомъ, то, вполнѣ естественно, принялись усердно поддерживать и раздувать враждебное настроеніе, не сознавая, быть можетъ, причины, вызвавшей охлажденіе между Алексѣемъ Михайловичемъ и Никономъ.

Еще лѣтомъ 1657 г. отношенія между царемъ и патріархомъ были по наружности настолько хороши, что только изощрившіеся придворные умѣли подмѣчать набѣгавшія тучки. Въ это время Никонъ занимался созданіемъ новаго монастыря, подъ который онъ пріобрѣлъ землю верстахъ въ сорока отъ Москвы, по берегу рѣки Истры, отъ дворянина Романа Боборыкина. Условія, на которыхъ состоялся переходъ земли отъ одного владѣльца къ другому, не вполнѣ извѣстны и больше основывались «на совѣсти», но Боборыкинъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые низко кланяются и раболопно уступаютъ людямъ сильнымъ, но затѣмъ, при первой возможности, начинаютъ сутяжничать, обивая пороги во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ. Пріобрѣтая землю и не заботясь о личности Боборыкина, который остался сосѣдомъ, Никонъ сравнялъ холмистую мѣстность, съ трехъ сторонъ окопалъ ровомъ, вдоль котораго выстроилъ деревянную ограду съ восьмью башнями, а по серединѣ деревянную церковь. Когда послѣдняя была готова, патріархъ пригласилъ Алексѣя Михай-

ловича со всѣмъ семействомъ на освященіе. Царю понравилась живописная мѣстность и онъ сравнилъ ее съ Іерусалимомъ; такое сравненіе пріятно поразило Никона и онъ задумалъ создать подобіе настоящаго Іерусалима; съ этою цѣлью келарь Сухановъ былъ снова посланъ на Востокъ, чтобы развѣдать и привезти точный снимокъ съ іерусалимскаго храма Воскресенія. Пока келарь ѣздилъ въ Палестину, патріархъ далъ различныя названія окрестностямъ возникающей обители, напоминающія святыя мѣста: явились Назаретъ и Рама, село Скудельничье, горы Елеонская, Оаворъ и Гермонъ, а Истру переименовали въ Іорданъ. Алексѣй Михайловичъ, какъ небожанный человѣкъ, сдѣлалъ пожертвованіе Новому-Іерусалиму, царица Марья Ильинишна тоже, и постройка подвигалась впередъ, но также постепенно усиливалось охлажденіе между царемъ и патріархомъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ уступать другому въ основномъ вопросѣ. Агитація противъ патріарха среди придворныхъ и противниковъ троеперстія усиливалась одновременно и въ іюлѣ 1658 г. состоялся явный разрывъ, имѣвшій поводомъ вздорную случайность.

Въ Москву пріѣхалъ грузинскій царь Теймуразъ Давидовичъ и по этому во дворцѣ былъ большой обѣдъ, на который патріарха не пригласили. Кромѣ этого знака неуваженія къ особѣ «второго государя» патріаршій стряпчий князь Дмитрій Мещерскій былъ побитъ окольными Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово въ толпѣ. Князь пожаловался патріарху на обиду и Никонъ написалъ царю письмо, въ которомъ просилъ суда за оскорбленіе своего стряпчаго; царь отвѣчалъ собственноручно: «Сыщу и по времени самъ съ тобою видѣться буду». Однако, прошло нѣсколько дней, а Алексѣй Михайловичъ не подумалъ повидаться съ Никономъ и не произвелъ слѣдствія объ оскорбленіи князя Мещерскаго; очевидно, начало явно враждебныхъ дѣйствій противъ «собиннаго» друга боярство и придворные позволили себѣ съ вѣдома и одобренія царя, который наконецъ рѣшился покончить съ упорнымъ сторонникомъ теократизма, 8 іюля, въ день Казанской Божіей Матери, царь не явился ни къ вечернѣ, ни къ обѣднѣ, не желая встрѣчаться съ патріархомъ, хотя тотъ приглашалъ его. 10 іюля, въ праздникъ

ризы Господней, повторилось тоже самое, но въ отвѣтъ на приглашеніе въ Успенскій соборъ, царь прислалъ стольника, князя Юрія Ромодановскаго, для объясненій. Эти объясненія, повторяемыя и поздиѣ, юридически нелѣпы и безсмысленны, но получаютъ серьезное значеніе съ точки зрѣнія, приведенной выше.

— Царское величество на тебя гнѣвенъ, оттого онъ не пришелъ къ заутрени и повелѣлъ не ждать его къ святой литургіи,—объявилъ князь Ромодановскій.

— За что же царь на меня гнѣвается? — спросилъ спокойно патріархъ.

— Ты пренебрегъ его царскимъ величествомъ,—послѣдовалъ отвѣтъ:—и пишешься великимъ государемъ, а у насъ одинъ великій государь—царь!

— Я называюсь великимъ государемъ не собою,—возразилъ Никонъ:—такъ восхотѣлъ и повелѣлъ мнѣ его величество. На это у меня и грамоты есть, писанныя рукою его царскаго величества.

— Царское величество почтилъ тебя, яко отца и пастыря, и ты этого не уразумѣлъ. А нынѣ царское величество велѣлъ тебѣ сказать: отнынѣ не пишишь и не называешься великимъ государемъ; почитать тебя впредь не будетъ.

На этомъ бесѣда кончилась. Война была объявлена и объявлена въ самой грубой формѣ. Никону объявили прямо, что почитать его царь не будетъ, слѣдовательно, вмѣсто «великаго государя, свѣтъ-патріарха», ему приходилось оставаться простымъ чиновникомъ, которому дьяки и подъячіе дѣлали бы тысячи непріятностей. Не для этого принималъ Никонъ патріаршій санъ, не для этого царь и бояре клялись ему въ Успенскомъ соборѣ 22 іюня 1652 г., не для этого онъ переносилъ вражду всего двора. Обладая здравымъ смысломъ простолюдина и не отличаясь никогда сентиментальностью, опальный патріархъ понималъ, что ему не подъ силу бороться за принципъ теократизма, тѣмъ болѣе, что «одинъ въ полѣ не воинъ». Выводъ изъ этого былъ прямой: дожидаться ему, пока его съ безчестьемъ выгонятъ изъ патріаршихъ палатъ, было унижительно для гордаго монаха, поэтому слѣдовало уйти самому, сдѣ-

латъ отступленіе съ честью. Рѣшеніе это Никонъ сообщилъ въ тотъ же день своему любимцу, патріаршему дьяку Каликину, заступившему мѣсто Кокوشيлова. Человѣкъ недалекаго ума, Каликинъ пришелъ въ ужасъ отъ внѣшней стороны дѣла, какъ это церковь останется безъ главы и руководителя; сознавая себя безсильнымъ отговорить владыку, онъ побѣждалъ къ боярину Зюзину за совѣтомъ. Честный и прямодушный старикъ, Никита Зюзинъ былъ вполне дитя своего времени и взглянулъ на все дѣло съ практической стороны: отреченіе отъ патріаршаго престола означало отреченіе отъ власти почета, доходовъ и даже отъ средствъ къ жизни. Пользуясь тѣмъ, что онъ назывался другомъ Никона, Зюзинъ велѣлъ Каликину передать патріарху, чтобы онъ не гнѣвилъ государя, а то захочется послѣ вернуться назадъ, да будетъ поздно. Подъ впечатлѣніемъ такого совѣта, Никонъ задумался: въ немъ мелькнула соблазнительная мысль помириться съ царемъ на зло этимъ прихлѣбателямъ-придворнымъ; однако, Никонъ зналъ Алексѣя Михайловича лучше всѣхъ тѣхъ, которые писали о «тишайшемъ государѣ» за послѣднія 200 лѣтъ, онъ зналъ, что примиреніе возможно лишь подъ условіемъ уступки по существу дѣла, а на это патріархъ не могъ согласиться, это значило бы отречься отъ самого себя. Благодаря этимъ размышленіямъ, начатое письмо было разорвано, онъ громко проговорилъ «иду!» и велѣлъ служкѣ Шусерѣ купить для него простую поповскую палку.

11 іюля патріархъ отслужилъ въ Успенскомъ соборѣ литургію, а во время причастія далъ приказаніе не выпускать никого изъ церкви, такъ какъ онъ намѣренъ сказать поученіе. Прочитавъ одно изъ поученій Іоанна Златоустаго, Никонъ продолжалъ говорить отъ себя: «Лѣнивъ я сталъ, не гождусь быть патріархомъ, окоростѣвѣлъ отъ лѣни и вы окоростѣвѣли отъ моего неученія. Называли меня еретикомъ, иконоборцемъ, что я новыя книги завелъ, камнями хотѣли меня побить. Съ этихъ поръ я вамъ не патріархъ.....». Отъ такой неожиданной рѣчи въ соборѣ поднялся шумъ, заглушившій окончаніе словъ Никона; не обращая на это вниманія, патріархъ окончилъ свою рѣчь, разоблачился, ушелъ въ ризницу, гдѣ написалъ Алексѣю

Михайловичу письмо, надѣлъ мантию и черный клобукъ, вышелъ опять къ народу и сѣлъ на послѣдней ступени амвона, на которомъ облачаются архіереи. Встревоженный народъ сталъ кричать, что не выпустить его безъ государева указа, а между тѣмъ два митрополита бросились во дворецъ съ доносеніемъ. «Я будто сплю съ открытыми глазами!» замѣтилъ пораженный неожиданностью царь и послалъ въ соборъ князя Алексѣя Никитича Трубецкого и Родіона Матвѣевича Стрѣшнева, у котораго была собака «Никонъ». Эти два завѣдомые врага патріарха едва пробрались въ соборъ къ амвону.

— Для чего ты патріаршество оставляешь? — обратился къ Никону бывший главнокомандующій: — кто тебя гонитъ?

— Я оставляю патріаршество самъ собою, — отвѣтилъ Никонъ и вручилъ ему письмо для передачи въ руки Алексѣю Михайловичу.

Спустя нѣсколько времени посланные возвратились обратно изъ дворца и заявили отъ имени царя, чтобы патріархъ не покидалъ своего мѣста и должности.

— Даю мѣсто гнѣву царскаго величества, — возразилъ гордо Никонъ: — бояре и всякіе люди церковному чину обиды творять, а царское величество управы не даетъ и на насъ гнѣваетъ, когда мы жалуемся. А нѣтъ ничего хуже, какъ царскій гнѣвъ носить.

— Ты самъ называешь себя великимъ государемъ и вступаешься въ государевы дѣла, — повторилъ старое обвиненіе князь, который 26 іюня 1654 г. обѣщалъ слушать словеса «государя-патріарха», а теперь не признавалъ за нимъ этого титула.

— Мы, — возразилъ Никонъ лукавому царедворцу: — великимъ государемъ не сами назвались и въ царскія дѣла не вступаемся, а развѣ о правдѣ какой говорили или отъ бѣды кого нибудь избавляли, такъ мы, архіереи, на то заповѣдь приняли отъ Господа, который сказалъ: слушаай заповѣдь Мене слушаетъ.

Въ заключеніе этого своеобразнаго разговора Никонъ просилъ передать Алексѣю Михайловичу его желаніе имѣть свою келью, какъ постоянное жительство; неподготовленные послан-

цы торопливо заявили, что на патріаршемъ дворѣ келій много и онъ можетъ поселиться въ любой. Тогда Никонъ снялъ съ себя мантию, вышелъ изъ собора и, опираясь на поповскую палку, отправился на подворье своего Воскресенскаго монастыря. Здѣсь онъ пробылъ двое сутокъ, ожидая, конечно оформленнаго рѣшенія царя или вызова для личныхъ объясненій: но придворные употребили всѣ усилія, чтобы «упрямый старикъ» не могъ видѣться и повліять на царя, сконфуженнаго рѣшительнымъ шагомъ своего противника. Не дождавшись ничего, Никонъ уѣхалъ въ любимый Воскресенскій монастырь въ двухъ плетеныхъ «кіевскихъ» повозкахъ, отправивъ предварительно письмо бывшему собинному другу: «По отшествіи боярина вашего Алексѣя Никитича съ товарищами ждалъ я отъ васъ, великаго государя, милостиваго указа и моему прошенію; не дождался и многихъ ради болѣзней велѣлъ отвезти себя въ Воскресенскій монастырь». Вслѣдъ за Никонъ въ монастырь явился тотъ же князь Трубецкой, который выразилъ слѣдующее требованіе: «Поддай великому государю государынѣ царицѣ и ихъ дѣтямъ свое благословеніе, благослови того, кому Богъ изволить быть на твоёмъ мѣстѣ патріархомъ, а пока патріарха нѣтъ, благослови вѣдать церковному митрополиту». Прямодушный старикъ, рѣшившись отказаться отъ патріаршаго престола послѣ зрѣлаго размышленія и бывший выше корыстной придворной челяди спокойно далъ на все свое согласіе и при этомъ билъ челомъ о скорѣйшемъ избраніи ему преемника, чтобы церковь не вдовствовала, не была безпастырною, а въ заключеніе подтвердилъ, что онъ самъ не желаетъ быть патріархомъ: «Ради спасенія душевнаго ищущи безмолвія, отрекаюсь отъ патріаршества и прошу себѣ только въ управленіе монастыри Воскресенскій, Иверскій и Крестный; благословляю митрополиту крутицкому Питириму управлять церковными дѣлами». В этихъ заботахъ о церкви выказывается серьезное отношеніе къ дѣлу: отстраняясь отъ руководства церковью по разному гласію въ принципахъ, Никонъ не желалъ, однако, чтобы эта церковь оставалась безъ главы въ ту минуту, когда два перстники угрожали ей серьезными враждебными волненіями

Ревностно охраняя свои самодержавныя права, Алексѣй Михайловичъ былъ, конечно, доволенъ тѣмъ, что такъ легко развязался съ умнымъ и энергичнымъ противникомъ; опасаясь вступать лично въ пререканія съ нимъ въ рѣшительную минуту, царь прикрылся гордостью и послалъ вѣрныхъ слугъ переговариваться со строптивымъ слугою, бывшимъ недавно изъ лучшимъ другомъ и замѣстителемъ по управленію государствомъ. Но не въ характерѣ царя было обращаться грубо къ кѣмъ бы то нибыло. Разъ врагъ уступилъ, Алексѣй Михайловичъ не считалъ себя вправѣ притѣснять его и выказывать вражду; поэтому, не обращая вниманія на сплетни и интриги окружающихъ его по возвращеніи князя Трубецкого, царь послалъ Афанасія Матюшкина, своего стольника, передать Никону свое прощеніе. Спустя нѣкоторое время въ Воскресенскій монастырь прибылъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ съ докладомъ отъ царя, причемъ рассказалъ Никону, что всѣ бояре злобствуютъ на него, а расположены къ нему только самъ царь да онъ, князь Юрій. Все это Никонъ зналъ и раньше, но эти засылы обнаруживали все ничтожество придворныхъ интригановъ, воображавшихъ, что это они свалили грознаго врага. Что касается самого Никона, неутомимый старикъ, утративъ обширное поприще дѣятельности, не могъ сидѣть сложа руки, а потому отдался весь физическому труду, принявшись достраивать монастырь. Онъ дѣятельно возводилъ каменные постройки въ своемъ Новомъ-Іерусалимѣ, копалъ колодезь монастыря пруды, разводилъ рыбу, строилъ мельницы, устраивалъ сады, расчищалъ лѣса и вездѣ показывалъ примеръ братіи и наемнымъ рабочимъ, трудясь наравнѣ съ ними. Въ это же время Никонъ составлялъ извѣстную «Русскую Никонову лѣтопись». Алексѣй Михайловичъ не разъ жаловалъ ему щедрую милостыню на украшеніе обители и на прокормленіе нищихъ; кромѣ того, въ знакъ особаго вниманія, въ большіе праздники и въ свои семейныя торжества, посылалъ Никону лакомства, а самъ принималъ монастырскій хлѣбъ и овощи. Наступила весна 1659 г., а царь все еще не давалъ своего согласія на избраніе новаго патріарха, разсчитывая добродушно, что такая цѣлая натура, какъ Никонъ, можетъ пойти на уступки и согла-

сится вернуться на патріаршій престолъ, отказавшись отъ правъ «великаго государя».

Блюститель патріаршаго престола, крутицкій митрополитъ Питиримъ, считая себя облеченнымъ всѣми привилегіями патріарха, торжественно совершилъ обрядъ шествія на ослѣ въ день вербнаго воскресенья и пересталъ поминать имя Никона на эктеніяхъ. Пуристъ въ дѣлахъ вѣры и православія, Никонъ возсталъ противъ своеволія митрополита и послалъ изъ Новаго-Іерусалима письмо Алексѣю Михайловичу; въ этомъ письмѣ онъ осудилъ поступокъ Питирима: «Нѣкто дерзнулъ олюбо-дѣйствовать сѣдалище великаго архіерея. Пишу это, не желая возвращенія къ любоначалию и ко власти. Если хотите избирать патріарха благозаконно и правильно, то начните избраніе соборне и кого божественная благодать изберетъ, того и мы благословимъ. Если это совершилось по твоей волѣ, государь, Богъ тебя прости, только впередъ воздержись брать на себя то, что не въ твоей власти». Смущенный упрекомъ въ нарушеніи обряда, царь послалъ дворянина Елизарова и дьяка Иванова объяснить, что обрядъ шествія издавна совершался въ Россіи митрополитами; Никонъ возразилъ, что это дѣлалось раньше по невѣдѣнію. Свѣтскіе враги патріарха, чувствуя свое безсиліе въ богословскомъ спорѣ, грубо оборвали пререканія и безъ стѣсненій замѣтили, что не Никоново дѣло виѣшиваться въ то, что не подлежитъ уже его вѣдѣнію. Патріархъ замѣтилъ на это резонно, что паству свою онъ дѣйствительно оставилъ, но никогда не оставлялъ попеченія о истинѣ: «и простые пустынники,—добавилъ онъ:—говорили царямъ греческимъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ». «Но ты вѣдь отъ патріаршества отрекся, — не впадѣть вздумали уколоть его:—и далъ благословеніе на избраніе себѣ преемника»?— «Да, отрекся,—отвѣчалъ Никонъ:—не думаю о возвращеніи на святительскій престолъ, и теперь даю благословеніе на избраніе преемника, но я не отрицаюсь называться патріархомъ»... На этомъ пока споры прекратились, но Никонъ сталъ больше интересоваться тѣмъ, что дѣлалось внѣ стѣнъ Новаго-Іерусалима, и, замѣчая не мало неправильностей въ церковныхъ дѣлахъ, началъ возвышать голосъ противъ злоупотребленій,

а также противъ возвращенія къ порядкамъ патріарха Іосифа. Митрополитъ Питиримъ, нѣсколько епископовъ и всѣ враждебно настроенные бояре ударили въ набатъ, говоря, что строптивый чернецъ посягаетъ на самодержавныя права государя. На этотъ разъ Алексѣй Михайловичъ поддался навѣтамъ бояръ и согласился поступить круто: запершено было сноситеся съ Никономъ, всѣ бумаги патріарха въ Москвѣ были арестованы и самъ царь прекратилъ оказывать ему вниманіе. Благодаря этой перемѣнѣ и безцеремонному обращенію съ перепискою патріарха, въ іюлѣ того же 1659 г. Никонъ прислалъ царю слѣдующее письмо:

«Ты, великій государь, чрезъ стольника своего, Аѳанасія Матюшкина, прислалъ свое милостивое прощеніе; теперь же слышу, поступаешь со мною не какъ съ прощеннымъ, а какъ съ послѣднимъ злодѣемъ. Ты повелѣлъ взять мои вещи, оставшіяся въ кельѣ, и письма, въ которыхъ много тайнаго, чего не слѣдуетъ знать мірянамъ. Божиимъ попушеніемъ, нашимъ государскимъ совѣтомъ и всѣмъ священнымъ соборомъ я былъ избранъ первымъ святителемъ и много вашихъ государевыхъ тайнъ было у меня; кромѣ того, многія, требуя прошенія своихъ грѣховъ, написывали ихъ собственноручно и, запечатавши, подавали мнѣ, потому что я, какъ святитель, имѣлъ власть, по благодати Божіей, разрѣшать имъ грѣхи, которые разрѣшать и вѣдать никому не подобало, да и тебѣ великому государю. Удивляюсь, какъ ты дошелъ до такого дерзновенія: ты прежде страшился судить простыхъ церковныхъ причетниковъ, потому что этого святые законы не повелѣваютъ, а теперь захотѣлъ вѣдать грѣхи и тайны бывшаго пастыря и не только самъ, да еще попустилъ и мірскимъ людямъ; пусть Богъ не поставитъ мнѣ въ грѣхъ этой дерзости, если покается! Если тебѣ, великій государь, чего нужно было отъ насъ, то мы бы для тебя одѣлали все, что тебѣ подобаетъ. Все это дѣлается, какъ мы слышали, лишь для того, чтобы у насъ не осталось писанія руки твоей, гдѣ ты называлъ насъ великимъ государемъ. Отъ тебя, великій государь, положено было этому начало. Такъ писалъ ты во всѣхъ твоихъ государевыхъ грамотахъ, такъ писано было и въ отпискахъ всѣхъ полковъ къ тебѣ и во всякихъ дѣлахъ, этого невозможно уничтожить. Пусть истребится оное злое, горделивое, проклятое наименование, происшедшее не по моей волѣ. Надѣюсь на Господа: нигдѣ не найдется моего хотѣнія или велѣнія на это, развѣ кромѣ лживыхъ сплетенъ лжебратій, отъ которыхъ я много пострадалъ и пострадаю. Все, что нами сказано смиренно — перетолковано, будто сказано было гордо. Что было благохвально, то пересказано тебѣ хульно и отъ такихъ-то лживыхъ словесъ поднялся противъ меня гнѣвъ твой! Думаю, и тебѣ памятно, великій государь, какъ по нашему приказанію, велѣли кликать насъ по трисвятому великимъ господиномъ, а не великимъ государемъ.

Если это тебѣ не памятно, изволь допросить церковниковъ и соборныхъ дьяковъ, и они тебѣ тоже скажутъ, если не солгутъ. Прежде я бы у твоей милости единотрапезенъ съ тобою: ты меня кормилъ тучныи брашнами, а теперь, іюня въ 15 день, когда торжествовалось рожденіе благовѣрной царевны Анны Михайловны, всѣ веселились отъ твоей трапезы; одинъ я, какъ песъ, лишенъ богатой трапезы вашей! Если бы ты не считалъ меня врагомъ, то не лишилъ бы меня малаго кусочка хлѣба отъ богатой вашей трапезы. Это пишу я не потому, что хлѣба лишаюсь, а потому что желаю милости и любви отъ тебя, великаго государя. Престань, молю тебя, Господа ради, на меня гнѣваться. Не попускай истязать мои худыя вещи. Угодно ли бы тебѣ, чтобы люди дерзали вѣдать твои тайны, помимо твоей воли? Не одинъ я, но многіе ради меня страдаютъ. Еще недавно ты, государь, приказывалъ мнѣ сказать съ княземъ Юріемъ, что только ты да князь Юрій ко мнѣ добры; а теперь вижу, что ты не только самъ сталъ немилостивъ ко мнѣ, убогому своему боярину, а еще другимъ возбуждаешь миловать меня: всѣмъ положи крѣпкій заказъ не приходиться ко мнѣ. Ради Господа молю, перестань такъ поступать? Хотя ты и царь великій, но отъ Господа поставленъ правъ ради! Въ чемъ моя неправда передъ тобою? Въ томъ ли, что, ради церкви, просилъ суда на обидящаго? Что же? Не только не получилъ праведнаго суда, но и отвѣты были исполнены немилосердія. Теперь слышу, что, противно церковнымъ законамъ, ты самъ изволишь судить священные чины, которыхъ не повѣрено судить тебѣ. Помнишь Мануила царя греческаго, какъ хотѣлъ онъ судить священниковъ, а ему Христосъ явился: въ соборной апостольской церкви есть образъ, гдѣ святая десница Христова указываетъ указательнымъ перстомъ, повелѣвая ангела показывать царя за то, чтобы не отваживался судить рабовъ Божіихъ прежде общаго суда! Умилился, Господа ради, и изъ-за меня грѣшныя не озлобляй тѣхъ, которые жалуютъ о мнѣ. Всѣ люди—твои и въ твоихъ рукахъ, того ради паче милуй ихъ и заступай, какъ и божественный апостолъ учить: ты слуга Божій, въ отмщеніе злодѣямъ и въ похвалу добрымъ; суди праведно, а на лицо не смотри; тѣхъ же, которые озлоблены и заточены по малымъ винамъ или по оболганію, такъ, ради Бога, освободи и заточи. Тогда и Богъ святой оставитъ многія твои согрѣшенія. Въ заключеніе письма Никонъ пишетъ: «Говорятъ, будто я много раницы и казны взялъ съ собою,—я взялъ одинъ только саккосъ и то дорожкой, а омофоръ прислалъ мнѣ халкидонскій митрополитъ. Казны съ собою не взялъ, а удержалъ немного, сколько нужно было на цѣлѣбное строеніе, чтобы расплатиться съ работниками. Гдѣ другая казна, то всѣмъ явно, куда она пошла: дворъ московскій стоитъ тысячь десяти на постройку посадовъ истрачено тысячь десять, а этимъ тебѣ, государю, я челомъ ударилъ на подъемъ ратный, да лошадей куплено прошлымъ лѣтомъ тысячи на три, да тысячь десять есть въ казнѣ; шапка архирейская тысячь въ пять-шесть стала».

Письмо прямолинейнаго по характеру и убѣжденнаго

ей правотѣ Никона произвело тяжелое впечатлѣніе на стойкаго Алексѣя Михайловича; царь сталъ прозрѣвать счетъ Никона и понимать, что этого великана не переработать по своему: непоколебимый въ своей теократической, Никонъ и безъ патріаршества оставался опаснымъ врагомъ того политическаго строя, который начиналъ устанавливаться въ Россіи; уступивъ ему по этому письму, переполненному прямыми и рѣзкими обвиненіями, пришлось бы прямо знать его старшимъ «великимъ государемъ» и идти по его зкѣ, т. е. другими словами, превратить Россію въ теократическое государство съ патріархомъ во главѣ, а самому занять перваго министра. Подзадориваемый боярскимъ роємъ, который напѣивалъ царю, что Никонъ бралъ взятки съ враговъ цѣства и собирается бѣжать въ Кіевъ, чтобы вѣнчаться въ папоу, впечатлительный Алексѣй Михайловичъ, рѣшился удалить непреклоннаго старика подальше отъ Москвы. Съ другой стороны царь сознавалъ, что большинство обвиненій Никона справедливы, что онъ виноватъ передъ нами, какъ передъ человекомъ, поэтому онъ не давалъ пока и мелочнымъ боярамъ. Опасаясь набѣговъ татаръ, Никонъ въхалъ неожиданно въ Москву, о чемъ извѣстили царя; немедленно былъ присланъ тотъ же Алмазь Ивановъ, который доложилъ, во избѣжаніе опасности, переселиться въ крѣпкій нами Макаріевъ-Троицкій монастырь въ Калязинѣ. Понимая ную мысль враговъ, патріархъ сталъ шутить и заявилъ, что его есть свои крѣпкостѣнные монастыри, Иверскій и Крестикъ. «Въ Калязинѣ я не пойду, а лучше уже мнѣ идти въ атейскій монастырь». Это новое названіе привело въ недоумѣніе посланнаго и Никонъ объяснилъ ему, что этотъ монастырь находится въ Китай-городѣ, на Варварскомъ крестѣ, въ гороу. «Да вѣдь тамъ тюрьма!» замѣтилъ Ивановъ «Это есть Зачатейскій монастырь», спокойно улыбнулся Никонъ. Съ ни дерзки были своевольные бояре, но они не рѣшились млатъ невиннаго въ тюрьму. Пробывъ нѣсколько дней въ Квѣ, патріархъ возвратился въ Новый-Іерусалимъ, гдѣ прожаль заботиться о новыхъ постройкахъ причемъ писалъ ю, желая получить известіе и свои вещи. Наконецъ, поздною

осенью, Никонъ, съ согласія царя, уѣхалъ на жительство въ Крестный монастырь на островкѣ Кіѣ, сопровождаемый сотнею стрѣльцовъ, назначенныхъ царемъ въ видѣ почетнаго конвоя для охраны отъ летучихъ шаекъ татаръ, и увоза жлованную «ругу» на свои монастыри въ 2.000 рублей.

VIII. Судъ нечестивыхъ.

Московскіе бояре, никогда не отличавшіеся способностями государственныхъ людей и остававшіеся всегда мелкотравчатыми интриганами, были задѣты въ своемъ самолюбіи суровымъ и умнымъ Никономъ; воспользовавшись прекращеніемъ дружбы царя съ патріархомъ, бояре принялись всевозможными средствами травить нектати своего врага, не понимая, что этимъ они играютъ на руку тѣмъ элементамъ, которые были враждебны московскому единодержавію и нашли поддержку въ двуперстникахъ. Пока религіозно-соціальное возстаніе исподволь охватывало окраины государства и угрожало центральному правительству сильными неурядицами, спѣсивые надменные бояре собирались засудить мордовскаго мужика, которому они были когда-то «выданы головою». Совѣстно духовными іерархами, не любившими Никона, постановлено было созвать соборъ, но такъ какъ всѣ сознавали свое не вѣжество и неспособность авторитетно рѣшить важный церковный вопросъ, то обратились за содѣйствіемъ къ грекамъ, частенько наѣзжавшимъ въ богатую и хлѣбосольную Москву за подаваніемъ. Византійскіе греки издавна славились, какъ ловкіе діалектики и опытные казуисты, готовые служить нашимъ и вашимъ; во главѣ этихъ пришельцевъ былъ умный пройдоха Павсій Лигаридесъ, носившій громкій титулъ галскаго митрополита и бывшій, какъ кажется, «привлеченнымъ ордена іезуитовъ. Иеромонахъ Арсевій познакомился съ нимъ где-то за границею и указалъ на него Никону, какъ на образованнаго человѣка, который можетъ быть полезнымъ при исправленіи книгъ; приглашенный патріархомъ, Лигаридесъ пріѣхалъ только въ 1662 г., уже послѣ собора, но быстро оріентир

ался въ новомъ положеніи и сталъ во главѣ враждебнаго Икону духовенства, рассчитывая извлечь изъ этого материальную выгоду.

Но еще до пріѣзда Лигаридеса открылся 16 февраля 1660 г. помѣстный соборъ въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ Питирима, блюстителя патриаршаго престола. Съ тайнымъ содѣйствіемъ греческихъ архіереевъ, среди которыхъ выдѣлялся Кирилъ кипрскій, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ненависти, соборъ положилъ не только избрать новаго патриарха, но лишить даже Никона чести архіерейства и священства. Такое усердіе не по разуму смутило Алексѣя Михайловича, сознававшего, что Никонъ виновенъ передъ нимъ, свѣтлымъ монархомъ, но не передъ духовнымъ судомъ, и поэтому онъ обратился отдѣльно къ греческимъ «канонистамъ». Тѣ, воображая, откуда вѣтеръ дуетъ, не только одобрили постановленія собора, но еще подтвердили ихъ ссылками крайне сомнительнаго качества на Номоканонъ. Царь готовъ былъ уступить, какъ появился неожиданно защитникъ Никона; это былъ іеромонахъ Славинецкій, приглашенный на соборъ и разкрывшій измышленія грековъ. Въ обширной докладной запискѣ царю Славинецкій толково и ясно доказалъ всю несостоятельность примѣненія указанныхъ греками ссылокъ; опираясь на церковное право, онъ утверждалъ, что соборъ имѣетъ право избрать другого патриарха, но не можетъ лишить Никона архіерейства и священства, такъ какъ добровольно отрекающіеся архіереи не могутъ быть лишены сана безъ вины и суда. Кабинетный ученый и никому не опасный человекъ по своей мягкости характера, Славинецкій однимъ почеркомъ пера уничтожалъ всѣ постановленія собора, какъ безусловно незаконныя. Убѣжденный имъ, Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ не утверждать соборныхъ постановленій и обратился къ Никону, черезъ посланнаго въ Крестный монастырь стольника Евлея Пушкина, чтобы онъ далъ свое благословеніе на избраніе новаго патриарха. Съ далекаго устья Онеги пришелъ отвѣтъ, въ которомъ, подтверждая свое согласіе на выборъ епископа, Никонъ заявлялъ, что если его пригласятъ въ Москву, то онъ дастъ свое благословеніе новоизбранному па-

тріарху, а самъ удалится въ монастырь. Члены собора испугались возможности появленія въ своей средѣ Никона и такъ повліяли на царя, что тотъ позволилъ строптивому старцу вернуться только въ Новый-Іерусалимъ. Пріѣхавъ туда, Никонъ немедленно подалъ жалобу, что въ Крестномъ монастырѣ его хотѣлъ отравить черный дьяконъ Ѳеодосій, подосланный крутицкимъ митрополитомъ и очевидно фанатикъ-двуперстникъ. По приказанію царя Ѳеодосій былъ схваченъ со своими соумышленниками и подвергнутъ въ Москвѣ пыткамъ, но бояре сумѣли замѣять и потушить это дѣло.

Между тѣмъ, въ Новомъ-Іерусалимѣ Никона ждала другая непріятность: окольничій Боборыкинъ, у котораго была приобрѣтена земля подъ монастырь, зналъ объ опалѣ патріарха и пользуясь его отсутствіемъ, самовольно завладѣлъ монастырскими угодьями; завѣдующій Новымъ-Іерусалимомъ подалъ жалобу на самоуправство въ монастырскій приказъ, но послѣдній призналъ Боборыкина законнымъ владѣльцемъ захваченной земли. Вслѣдствіе этого, между монастырскими и боборыкинскими крестьянами начались обычные споры, препирательства и драки; подстрекаемый изъ Москвы, сутяга Боборыкинъ въ свою очередь подалъ жалобу въ приказъ, а этотъ привлекъ къ отвѣтственности монастырскихъ крестьянъ. Крайне раздраженный на крюкотворство приказа, поступавшаго умышленно въ пользу Боборыкина и другого сосѣда Сытина Никонъ написалъ царю рѣзкое письмо, въ которомъ называлъ церковь гонимую, и сравнивалъ ее съ апокалипсическою женою, преслѣдуемою змѣею.

«Откуда взялъ ты такую дерзость,—спрашиваетъ онъ Алексѣя Михайловича;—чтобы дѣлать сыски о насъ и судить насъ? Какіе законъ Божій повелѣли тебѣ обладать нами, божіими рабами? Не довольно ли тебѣ судить правильно людей царствія міра сего? Но ты и объ этомъ не стараешься... Мало ли тебѣ нашего бѣгства? Мало ли тебѣ, что мы оставили все на волю твоего благородія, отрясая прахъ ногъ своихъ и свидѣтельству въ день судный! Рука твоя обладаетъ всѣмъ архіерейскимъ судомъ и достоинствомъ. По твоему указу — страшно молвить — владыки посвящаютъ, архимандритовъ, игуменовъ и поповъ поставляютъ, а не ставильныхъ грамотахъ даютъ тебѣ равную честь со святымъ Духомъ пишутъ: по благодати святаго Духа и по указу великаго государя. Какъ будто святой Духъ не воленъ посвятить и безъ твоего указа? Какъ

много Богъ тебѣ терпѣть, когда написано: аще кто на святаго Духа хулитъ, не имать оставленія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. Если тебя и это не устрашило, то что можешь устрашить? Уже ты сталъ недостойнымъ прощенія за свою дерзость. Повсюду твоимъ насиліемъ отнимаются у митрополій, епископій и монастырей движимыя и недвижимыя вещи. Ты обратилъ ни во что установленія и законы святыхъ отецъ, благочестивыхъ царей греческихъ, великихъ царей русскихъ и даже граматы и уставы твоего отца и твои собственные. Прежде, по крайней мѣрѣ, хотя и написано было по страсти, ради народнаго смущенія, но все таки сказано: въ монастырскомъ приказѣ сидѣть архимандритамъ, игуменамъ, священникамъ и честнымъ старцамъ, а ты все это упразднилъ: судяты церковный чинъ мірскіе судьи. Ты обезчестилъ святаго Духа, признавши его силу и благодать недостаточною безъ твоего указа; обезчестилъ святыхъ апостоловъ, дерзая поступать противно ихъ правиламъ; лики святыхъ, вселенскіе соборы, святыхъ отецъ, благочестивыхъ царей, великихъ князей, укрѣпившихъ православные законы. Ордынскіе цари возстанутъ противъ тебя въ день судный съ ихъ ярлыками; и они, невѣрные, не судили сами церковныхъ судовъ, не вступались ни во что церковное, не оскорбляли архіереевъ, не отнимали Божія возложенія, а сами давали граматы, которыя всюду по митрополіямъ, монастырямъ и соборнымъ церквамъ соблюдались до твоего царствованія. Того ради, Божія благодать исполняла царскіе обиходы и міръ былъ весь строенъ, а въ твоє царствіе, всѣ граматы упразднены и отняты у церкви Божіей многія недвижимыя вещи. За это Богъ оставилъ тебя и впредь оставитъ, если не покаешься.... Далѣе озлобленный старикъ передаетъ, что ему было видѣніе во время дремоты въ церкви во время заутрени: являлся митрополитъ Петръ и велѣлъ передать царю, что за обиды, нанесенныя церкви, былъ два раза моръ въ странѣ, а царское войско потерпѣло поражение; затѣмъ представился въ видѣніи царскій дворецъ и какой-то старецъ сказалъ: «Поны будутъ въ этомъ дворѣ щенять своихъ родитъ и радость настанетъ бѣсамъ отъ гибели многихъ людей».

Вполнѣ естественно, что такое прямое нападеніе упорнаго теократа на монарха, взявшагося серьезно измѣнить ненормальное положеніе духовенства въ государствѣ при помощи болѣе стройной системы законовъ, не могло расположить Алексѣя Михайловича къ уступкамъ бывшему другу. Между тѣмъ, монастырскій приказъ, видя невмѣстательство царя и руководимый отъявленными врагами Никона, рѣшилъ спорное дѣло о крестьянахъ въ пользу Боборыкина. Выведенный изъ терпѣнія такимъ крючкотворствомъ и явною несправедливостью, Никонъ отслужилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ молебенъ, во время котораго велѣлъ прочитатъ жалованную грамоту царя на землю Новаго-Іерусалима въ доказательство того, что мо-

*

настырскій приказъ рѣшилъ дѣло неправильно, а потомъ произнесъ на Боборыкина проклятіе по 108-му псалму: «Молитва его да будетъ грѣхомъ, да будутъ дни его кратки, достоинство его да получить другой; дѣти его да будутъ сиротами, жена его вдовою; пусть заимодавецъ захватитъ все, что у него есть, и чужіе люди разграбятъ труды его; пусть дѣти его скитаются и ищутъ хлѣба внѣ своихъ опустошенныхъ жилищъ... Пусть облечется проклятіемъ, какъ одеждою, и оно проникнетъ, какъ вода, во внутренности его и, яко елей, въ кости его» и т. д. Смѣлый Боборыкинъ не испугался проклятія, но, по вдохновенію, рѣшилъ отомстить за публичное безчестіе: онъ бросился въ Москву и донесъ кому слѣдуетъ, что Никонъ произнесъ проклятіе на царя. Это произошло уже въ 1662 г., послѣ пріѣзда изъ за-границы Лигаридеса. Набожный Алексѣй Михайловичъ пришелъ въ ужасъ, узнавъ о проклятіи, собралъ русскихъ и греческихъ архіереевъ и началъ имъ жаловаться со слезами на глазахъ: «Пусть я грѣшенъ, но чѣмъ виновата жена моя и любезные дѣти мои и весь дворъ мой, чтобы подвергаться такой клятвѣ»? Архіереи принялись утѣшать и успокаивать его, доказывая, что проклятіе Никона недѣйствительно; въ этомъ отношеніи успѣшнѣе дѣйствовалъ вкрадчивый и находчивый Лигаридесъ, быстро пріобрѣтшій вліяніе на податливую натуру царя. Первое время хитрый грекъ, не зная всѣхъ обстоятельствъ дѣла, пытался было помирить царя съ патріархомъ, но, сойдясь съ боярами и архіереями, переимѣнилъ намѣреніе и открыто сталъ противъ Никона. Успокоивая Алексѣя Михайловича, не любившаго дѣйствовать прямо и рѣшительно, Лигаридесъ подаль мысль обратиться ко вселенскимъ патріархамъ, какъ къ верховнымъ судьямъ православной церкви. Царь съ удовольствіемъ ухватился за эту мысль и съ его одобренія было составлено двадцать пять вопросныхъ пунктовъ, относящихся къ дѣлу опальнаго патріарха, но не упоминая его имени; на обсужденіе патріарховъ были представлены случаи, которые происходили въ Россіи, но представлены въ такой формѣ, какъ будто было неизвѣстно, когда и съ кѣмъ они происходили; казалось даже, что эти случаи не происходили вовсе,

и приводились просто для того, чтобы знать, какъ слѣдуетъ поступать, если бы они произошли. Доставить вопросные пункты патріархамъ было поручено клеврету Лигаридеса Мелетію, котораго онъ рекомендовалъ вниманію царя.

Въ ожиданіи отвѣтовъ отъ вселенскихъ патріарховъ, русская церковь оставалась безъ главы и обѣ враждующія стороны оставались по прежнему, если можно такъ выразиться, на военномъ положеніи. Только въ іюлѣ 1663 г. въ Новый-Іерусалимъ явилось цѣлое посольство для переговоровъ съ Никономъ; астраханскій архіепископъ Іосифъ, князь Никита Ивановичъ Одоевскій, окольнічій Родіонъ Семеновичъ Стрѣшневъ, думный дьякъ Алмазъ Ивановъ и главный коноводъ Лигаридесъ въ митрополичьей мантии. Озлобленіе Никона противъ этого проходимца вполне понятно, такъ какъ изощрившійся въ казуистикѣ грекъ такъ горячо ратовалъ противъ человека, котораго онъ и въ глаза не видалъ, что только больше разжигалъ страсти. Лигаридесъ, между прочимъ, доказывалъ, что Никонъ неправильно носилъ званіе патріарха, такъ какъ два раза получилъ архіерейское рукоположеніе: въ качествѣ митрополита и въ качествѣ патріарха. Съ какою собственно цѣлью являлось посольство это, трудно понять, скорѣе всего изъ празднаго любопытства и изъ желанія потѣшиться надъ беззащитнымъ старикомъ; всѣ разговоры, которыми думали придать форму судебного допроса, были похожи на травлю дикаго звѣря; надъ нимъ трунили, его дразнили, язвили, укоряли, кидали въ лицо оскорбительныя сплетни. Утомленный, безсиленный почти пятилѣтними пошлыми, мелочными нападениями и придирками, зная хорошо умственное убожество нападающихъ, Никонъ плохо владѣлъ расшатавшимися нервами и въ отвѣтъ на пошлыя нападки зачастую ругался, не имѣя другого оружія подъ руками. Уже при входѣ Лигаридеса, Никонъ обругалъ его самоставникомъ, воромъ и собакою, а затѣмъ добавилъ по адресу всѣхъ пріѣхавшихъ грековъ: «Привыкли вы тыкаться по государствамъ да мутить, и у насъ того же хотите!» Подъ конецъ этой безобразной и тяжелой сцены, выведенный изъ терпѣнія Никонъ закричалъ: «Вы на меня пришли какъ жида на Христа!» Кончилось тѣмъ, что

вокругъ монастыря была поставлена стража, чтобы никто не убѣжалъ, и начались допросы лицъ, подчиненныхъ патріарху, относительно проклятiя. Всѣ бывшіе въ церкви во время обряда, совершеннаго Никономъ надъ царскою грамотою, не показали ничего обличающаго, чтобы Никонъ относилъ проклятіе къ особѣ царя; кромѣ того, всѣ показывали, что въ этотъ день читалось на ектеніяхъ царское имя. Все это посѣщеніе Новаго-Іерусалима было передано Алексѣю Михайловичу Лигаридесомъ и Стрѣшневымъ съ подчеркиваніемъ и прибавленіями «Лучше было бы мнѣ не видать такого чудища,—сказалъ вкрадчивый грекъ:—лучше оглохнуть, чѣмъ слушать его циклопскіе крики! Если бы кто его увидѣлъ, то почелъ за бѣшенаго волка».

Снова наступило затишье, пока въ началѣ 1664 г. не пріѣхалъ Мелетій, окруженный цѣлою толпою грековъ, прельстившихся возможностью составить карьеру въ единовѣрной Москвѣ; главными между этими искателями приключеній были Атанасъ, называвшій себя иконійскимъ митрополитомъ, и Стефанъ, привезшій отъ константинопольскаго патріарха грамоту о назначеніи Лигаридеса экзархомъ. Отвѣты четырехъ патріарховъ, доставленные Мелетіемъ, были какъ нельзя болѣе противъ Никона, хотя въ нихъ не упоминалось его имя, сообразно вопросамъ пунктовъ. Главная суть состояла въ томъ, что, по мнѣнію вселенскихъ патріарховъ, московскій патріархъ и все духовенство обязаны повиноваться царю и не должны выѣшиваться въ мірскія дѣла; архіерей, хотя и носящій патріаршій титулъ, если оставитъ свой престолъ, то можетъ быть судимъ епископами, но имѣетъ право апеллировать константинопольскому патріарху, какъ самой верховной духовной власти, а лишившись архіерейства, хотя бы добровольно, лишается тѣмъ самымъ вообще священства. Словомъ, восточные патріархи подтвердили тѣ постановленія московскаго собора 1660 г., которыя подверглись серьезной критикѣ Славинецкаго. Пока московское духовенство разбирало эти отвѣты, пріѣхавшіе греки устроили цѣлое торжище, поднявъ шумные дебаты за и противъ Никона; не удержавшись на почвѣ церковнаго права, они перешли къ личностямъ, стали ссориться, поно-

ситъ другъ друга и писать царю доносы. Атанасъ, рекомендуя себя родственникомъ константинопольскаго патріарха, стоялъ горю за Никона и ругалъ Лигаридеса будто бы отбившаго у него титулъ экзарха. Стефанъ былъ вполнѣ на сторонѣ Лигаридеса и нападалъ на Никона. Въ пылу перебранокъ Атанасъ громко объявилъ, что подписи патріарховъ въ отвѣтахъ сфабрикованы Мелетіемъ. Скандалъ вышелъ громаднѣйшій и въ Москвѣ долго не знали, кому вѣрить и что дѣлать. Наконецъ, съ согласія Алексѣя Михайловича, въ Константинополь былъ отправленъ русскій монахъ Савва, владѣвшій греческимъ языкомъ, за справками о наѣхавшихъ въ Москву грекахъ и съ просьбою къ патріарху Діонисію пріѣхать въ Москву и рѣшить дѣло Никона своею властью.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Савва возвратился изъ Константинополя. Оказалось, что патріархъ Діонисій, отказываясь пріѣхать въ Москву, совѣтовалъ царю или простить Никона или избрать на его мѣсто другого патріарха; относительно же греческихъ авантюристовъ патріархъ далъ самый невыгодный отзывъ. Атанасъ вовсе не былъ родственникомъ патріарха и никогда не носилъ титула экзарха; Стефану никакихъ полномочій никогда не давалось; Лигаридесъ, по многимъ слухамъ, напистъ и лукавый человѣкъ; Мелетій никому неизвѣстенъ и внушаетъ опасеніе. Такимъ образомъ,iota отвѣты, доставленные отъ патріарховъ Мелетіемъ, оказались подлинными, однако константинопольскій патріархъ, котораго судъ цѣнился выше всего въ этихъ отвѣтахъ, высказывалъ мнѣніе, что Никона можно простить, слѣдовательно, не считалъ его настолько виновнымъ. чтобы низверженіе его было неизбежно. Одновременно съ отвѣтомъ Діонисія, пришла грамота іерусалимскаго патріарха Нектарія; хотя онъ и подписанъ подъ отвѣтами, но въ грамотѣ убѣдительно и положительно совѣтовалъ царю, во избѣжаніе соблазна, помириться съ Никономъ и оказать ему должное повиновеніе, какъ къ строителю благодати, на основаніи божественныхъ законовъ. Кромѣ того, Нектарій выражалъ полное недовѣріе къ обвиненіямъ, высказаннымъ Мелетіемъ относительно Никона.

Такіе отзывы константинопольскаго и іерусалимскаго па-

патріарховъ испортили все дѣло враговъ московскаго патріарха Собирать соборъ и осудить Никона послѣ такихъ авторитетныхъ мнѣній становилось черезчуръ зазорнымъ, тѣмъ болѣе когда отвѣты патріарховъ не относились къ лицу Никона; сообразно тѣмъ же отвѣтамъ, осужденный могъ апеллировать въ Константинополь и даже ко всѣмъ четыремъ патріархамъ. Дѣло затянулось бы еще дольше, а русская церковь на долгое время была бы предана раздору и смутамъ, такъ какъ судя по отзывамъ Діонисія и Нектарія, между этими вселенскими судьями могло быть разнорѣчіе; наконецъ, можно было опасаться, что дѣло повернулось бы въ пользу Никона. Такъ думали русскіе іерархи, но иначе рѣшили хитроумные греки. Своимъ краснорѣчіемъ Лигаридесъ изгладилъ дурное впечатлѣніе, произведенное на царя отзывомъ константинопольскаго патріарха, и затѣмъ, переговоривъ съ Мелетіемъ, подалъ мысли пригласить въ Москву трехъ патріарховъ на соборъ для окончательнаго рѣшенія дѣла о московскомъ патріархѣ; если окажется невозможнымъ пріѣхать тремъ, то настаивать, чтобы пріѣхали хотя двое. Последнее обстоятельство, очевидно, и составляло основу тайной мысли Лигаридеса; такъ какъ Нектарій высказался въ пользу Никона, то Мелетій, дѣйствуя въ контроля, долженъ былъ обойти его приглашеніемъ, а настаивать на пріѣздѣ Макарія антиохійскаго и Памфілія александрійскаго, образъ мыслей которыхъ и податливость смышленымъ міра сего были хорошо извѣстны Лигаридесу и Мелетію, но не русскимъ іерархамъ и боярамъ. Алексѣй Михайловичъ согласился съ доводами коварнаго грека и Мелетій, облеченный официальнымъ полномочіемъ, отправился на востокъ.

Запертый въ Новомъ-Іерусалимѣ и вынужденный бороться съ многочисленными врагами, Никонъ не имѣлъ союзниковъ, но имѣлъ тайныхъ доброжелателей, которые секретно извѣщали его о томъ, что творится въ Москвѣ. Узнавъ о цѣли посольства, Никонъ понялъ, вѣроятно, тайную цѣль загадочно услужливаго Лигаридеса и сообразилъ серьезность надвигающейся грозы въ образѣ суда вселенскихъ патріарховъ. Желая избѣжать на старости лѣтъ позора осужденія за направление, которому въ сущности долженъ сочувствовать каждый автокефальный

глава церкви, Никонъ рѣшился написать письмо царю: «Мы не отнимаемся собора и хвалимъ твое желаніе передать все разсужденію патріарховъ по божественнымъ заповѣдямъ евангельскимъ, апостольскимъ и правиламъ святыхъ отецъ. Но вспомни, твое благородіе, когда ты былъ съ нами въ добромъ совѣтѣ и любви, мы, однажды, ради людской ненависти, писали къ тебѣ, что нельзя намъ предстательствовать во святой великой церкви; а какой былъ твой отвѣтъ и написаніе? Это письмо спрятано въ тайномъ мѣстѣ въ одной церкви, и этого никто, кромѣ насъ, не знаетъ. Смотри, благочестивый царь, не было бы тебѣ суда передъ Богомъ и созываемымъ тобою вселенскимъ соборомъ! Епископы обвиняютъ насъ однимъ правиломъ перваго и втораго собора, которое не о насъ написано, а какъ о нихъ предложится множество правилъ, отъ которыхъ никому нельзя будетъ избыть, тогда, думаю, ни одинъ архіерей, ни одинъ пресвитеръ не останется достойнымъ своего сана, пастыри усмотрятъ свои дѣянія, смущающія твое пребываніе... крутицкій митрополитъ съ Иваномъ Нероновымъ и прочими совѣтниками!.. Ты посылалъ къ патріархамъ Мелетія, а онъ, злой человѣкъ, на всѣ руки подписывается и печати поддѣлываетъ... Есть у тебя, великаго государя, и своихъ много, кромѣ такого ворышки».

Это письмо, написанное въ необычномъ для Никона мягкомъ тонѣ, заставило Алексѣя Михайловича серьезно призадуматься надъ пошлою травлею, которая велась съ его вѣюма и одобренія шестой годъ; письмо напомнило ему тѣ годы, когда умный мордвинъ изъ Вельдеманова былъ его лучшимъ другомъ. Въ царѣ шевельнулось желаніе покончить всѣ эти препирательства мирнымъ путемъ и онъ высказалъ въ кругу приближенныхъ намѣреніе помириться съ честнымъ и прямодушнымъ старикомъ. Отъ желанія до исполненія у Алексѣя Михайловича бывалъ всегда большой промежутокъ, но нашлись люди, которые вздумали сократить этотъ промежутокъ. Это были думные дворяне Аѳанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ; прямо изъ царскихъ покоевъ они отправились къ Никитѣ Зюзину и своими разговорами подбили его на смѣлую попытку. Долго не думая.

Зюзинъ написалъ Никону, будто царь желаетъ, чтобы патріархъ неожиданно явился въ Москву, не показывая, однако вида, что царь его звалъ; а чтобы по пути ему не было задержки, то у городскихъ воротъ онъ долженъ назваться архимандритомъ Саввино-Сторожевскаго монастыря въ Звенигородѣ, гдѣ царь былъ недавно и ласково принималъ посланнаго Никонѣмъ архимандрита. Утомленный старикъ дался въ обманъ преданному боярину, тѣмъ болѣе, что такіе фокусы были въ вкусѣ царя, а Зюзинъ еще горячо увѣрялъ, что приемъ будетъ какъ нельзя болѣе милостивый. Въ то же время Никонъ видѣлъ сонъ: въ Успенскомъ соборѣ встали изъ гробовъ святители и митрополитъ Іона собиралъ ихъ подписи для призванія Никона на патріаршій престолъ. Все это соединилось вмѣстѣ, чтобы Никонъ согласился на предложеніе Зюзина; согласно подробнымъ наставленіямъ послѣдняго, 19 декабря 1664 года, сопровождаемый монахами своего монастыря, Никонъ пріѣхалъ рано утромъ въ Кремль и неожиданно вошелъ въ Успенскій соборъ, гдѣ въ то время служили заутреню и читали каѳизмы. Въ соборѣ находился и блюститель патріаршаго престола, (св. 6 августа 1664 г.), ростовскій митрополитъ Іона. Никонъ приказалъ остановить чтеніе каѳизмъ, велѣлъ діакону прочесть ектенію, взялъ посохъ митрополита Петра, приложился къ мощамъ и сталъ на своемъ патріаршемъ мѣстѣ.

Духовенство и народъ отъ неожиданности оторопѣли и растерялись, глядя на могучую фигуру патріарха, явившагося внезапно среди нихъ, а Никонъ подозвалъ митрополита Іону и далъ ему благословеніе, остальные священники и діаконы подошли уже сами, думая, что все это совершается съ согласія царя. За духовенствомъ сталъ подходить народъ и принимать благословеніе архипастыря; наконецъ Никонъ приказалъ Іонѣ идти къ царю и доложить ему о прибытіи патріарха. Алексѣй Михайловичъ былъ у заутрени въ своей домово́й церкви и, выслушавъ докладъ смущеннаго митрополита, немедленно послалъ звать іерарховъ и бояръ. Самовольный пріѣздъ Никона вызвалъ въ его памяти образъ непреклоннаго и энергичнаго патріарха, начавшаго съ нимъ борьбу изъ-за первенства въ государствѣ, и понятно, какъ охотно

слушалъ онъ горячія рѣчи собравшихся къ нему на совѣщаніе; всѣ называли поступокъ Никона преступленіемъ, опасаясь въ душѣ, что царь опять выдастъ ихъ головою ненавистному чернецу изъ мужиковъ. Зюзина не было среди бояръ; сидя дома, онъ ожидалъ развязки смѣлой козни, устроенной имъ въ надеждѣ на кроткій нравъ царя и на пробужденіе въ царскомъ сердцѣ прежняго расположенія къ Никону. Совѣщаніе продолжалось недолго и князь Одоевскій, князь Долгокій, крутицкій митрополитъ Павелъ (заступившій мѣсто Питирима), Стрѣшневъ и Ивановъ отправились въ соборъ.

— Ты самовольно покинулъ престолъ патріаршій, — заговорилъ князь Никита Ивановичъ: — и общался впередъ не быть патріархомъ; уже объ этомъ написано ко вселенскимъ патріархамъ. Зачѣмъ же ты опять пріѣхалъ въ Москву и вошелъ въ соборную церковь безъ воли государя. безъ совѣта освященнаго собора? Стулай въ свой монастырь.

— Я сошелъ съ патріаршества никѣмъ не гонимый, — отвѣчалъ Никонъ: — и пришелъ никѣмъ не званный, чтобы государь кровь утолил и миръ учинилъ. Я отъ суда вселенскихъ патріарховъ не бѣгаю. Сюда пришелъ я по явленію, — и патріархъ передалъ Одоевскому заранѣе приготовленное письмо къ Алексѣю Михайловичу.

Посланные вернулись во дворецъ съ письмомъ, въ которомъ было описано сновидѣніе, и Лигаридесъ первый громко возсталъ противъ смысла и содержанія прочитаннаго: «Ангель сатаны преобразился въ святого ангела! — закричалъ онъ: — пусть скорѣе удалится этотъ лжевидѣцъ, чтобы не произошло смуты въ народѣ или даже кровопролитія!» Довѣряя краснорѣчивому Лигаридесу, царь послалъ его съ двумя епископами прогнать Никона, но безъ насилія. Духовныя лица торжественно вошли въ Успенскій соборъ.

— Уѣзжай изъ соборной церкви туда, откуда пріѣхалъ! — заявилъ категорично Лигаридесъ.

На этотъ разъ энергія покинула Никона. Онъ понялъ, что его подвели, обманули и одурачили. Покорно склонивъ сѣдую голову, старикъ приложился къ образамъ и вышелъ изъ собора безъ возраженій, опираясь на посохъ митрополита

Петра; стрѣльцы окружали уже его сани и провожали его до Новаго-Іерусалима. Вслѣдъ за Никономъ послали нарочнаго требовать захваченный посохъ. Опозоренный и убитый нравственно, онъ уже не упрямился, отослалъ съ воскресенскимъ архимандритомъ изъ села Чернева безотговорочно посохъ и письмо, по которому онъ рѣшился ѣхать въ Москву. Тогда бояринъ Зюзинъ былъ арестованъ, подвергнутъ допросу и пыткамъ и его стали судить; онъ указалъ на Ордынь-Нащокина и Матвѣева, но тѣ оба удачно отперлись и были оставлены въ покоѣ. Давно негодовавшіе на Зюзина, бояре приговорили его къ смертной казни, но царь смягчилъ приговоръ и простодушнаго хитреца сослалъ на жительство въ Казань. Досталось и митрополиту Іонѣ за то, что принялъ благословеніе отъ Никона, его отрѣшили отъ должности блюстителя патриаршаго престола, назначивъ на его мѣсто Павла крутицаго.

IX. Судъ вселенскихъ патриарховъ.

Тяжелый нравственный ударъ, поразившій патриарха, отнялъ у него мужество и стойкость, съ которыми онъ боролся противъ враговъ. Зная хорошо греческое продажное духовенство, онъ справедливо опасался предстоящаго суда и въ немъ явилось естественное желаніе избавить себя отъ новаго позора и новыхъ униженій. Съ этою цѣлью Никонъ еще разъ обратился съ письмомъ къ царю, въ которомъ благословлялъ избрать новаго патриарха, отрекался отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла и просилъ только оставить за нимъ патриаршій титулъ, построенные имъ три монастыря со всѣми ихъ вотчинами, съ тѣмъ, чтобы новый патриархъ не касался ихъ и чтобы эти монастыри не подлежали мірскимъ судамъ; въ заключеніе Никонъ прощалъ и разрѣшалъ всѣхъ, кого прежде проклиналъ. Лигаридесъ, которому Алексѣй Михайловичъ передалъ это письмо, не счелъ возможнымъ допустить старика до почетнаго отступленія и вскорѣ просьба Никона была за-

быта. Доведенный до крайности безсердечіемъ царя и под-
люстью прїѣзжихъ авантюристовъ, находившихъ удобнымъ под-
держивать смуты въ русской церкви, Никонъ сообразилъ, что
вселенскіе патріархи знаютъ о немъ только со словъ Мелетія,
ѣрнаго фактотума Лигаридеса, а потому слѣдуетъ ознакомить
ихъ съ положеніемъ дѣла помимо грековъ. Съ этою цѣлью
Никонъ написалъ длинное письмо константинопольскому па-
тріарху Діонисію, отрывокъ изъ котораго былъ приведенъ
раньше, въ VII главѣ. Въ этомъ письмѣ Никонъ изложилъ
всю свою распрю съ царемъ и съ боярами, порицалъ «Уло-
женіе», осуждалъ поведеніе царя, указывая какъ онъ отяго-
тилъ весь народъ двойными и тройными налогами, и больше
всего жаловался на самоставленника Лигаридеса; онъ пере-
давалъ, что именующій себя газскимъ митрополитомъ вѣруетъ
по римски, принялъ рукоположеніе отъ папы, въ Польшѣ
служилъ обѣдню по католическому обряду, а между тѣмъ въ
Москвѣ корчитъ изъ себя ревнителя православія, вошелъ въ
довѣріе къ царю, который слушается его и поручилъ ему
предсѣдательство на соборѣ; на этомъ соборѣ перевели кру-
тицкаго митрополита въ Новгородъ, противно закону, воспре-
щающему переводить архіереевъ съ одного мѣста на другое.
Словомъ, событія и лица были представлены въ этомъ письмѣ
иначе, чѣмъ ихъ передавалъ Мелетій. Но написать письмо
было одно, а послать другое.

За Новымъ-Іерусалимомъ былъ учрежденъ строгій надзоръ,
такъ какъ бояре опасались новой выходки Никона, кото-
рый могъ убѣжать, какъ думали многіе, въ Малороссію и
тамъ объявить себя патріархомъ Великія, Малыя и Бѣлыя
Россій. Посланный отъ него съ письмомъ могъ быть схва-
ченъ и подвергнутъ пыткамъ; долго колебался Никонъ, на-
конецъ выборъ его остановился на молодомъ монахѣ, приходив-
шемся ему родственникомъ по отцѣ или по матери; тотъ взялъ
доставить письмо въ Константинополь и счастливо про-
скользнулъ мимо сторожевыхъ кордоновъ въ Малороссію. Тамъ
онъ попался въ руки гетмана Ивана Михайловича Бруховец-
каго и послѣдній, переговоривъ съ мстиславскимъ епископомъ
Меодіемъ, вернулъ его подъ конвоемъ въ Москву. Письмо пе-

редано было царю, который понялъ изъ него, что съ Никономъ помириться невозможно, такъ какъ его анти-монархическое направленіе неизмѣнно; оскорбленный самодержецъ сдѣлался окончательно врагомъ упрямаго мордвина. А между тѣмъ, удаленіе патріарха и долгое отсутствіе верховной церковной власти дали волю противникамъ преобразованій, начатыхъ Никономъ. У двуперстниковъ неожиданно нашлось общее съ высшимъ правительствомъ, съ самимъ царемъ, со всѣмъ, кто былъ не въ ладахъ съ патріархомъ, главнымъ виновникомъ ненавистныхъ измѣненій буквы и обряда. Расколуучители смѣлѣе подняли головы и ихъ рѣчи волновали все государство. Чувствовалась и сознавалась потребность прекратить разроставшіяся смуты; съ этою цѣлью, въ началѣ 1666 г. состоялся новый помѣстный соборъ, который специально занялся уничтоженіемъ расколоученія, такъ какъ Пятриму новгородскому и Лигаридесу хотѣлось заявить ожидаемымъ патріархамъ о своей ревностной дѣятельности. Этотъ соборъ, подтвердившій всѣ реформы Никона, считался подготовительнымъ, такъ какъ всѣ его постановленія предполагалось предать на обсужденіе вселенскихъ іерарховъ.

Тѣмъ временемъ посольство Мелетін увѣнчалось успѣхомъ въ смыслѣ; желаемомъ Лигаридесомъ: Діонисій константинопольскій и Нектарій іерусалимскій отказались ѣхать въ Москву, а Макарій антиохійскій и Пансій александрійскій согласились, заручившись полномочіями отъ первыхъ двухъ. Путь ихъ лежалъ почему то, вмѣсто Константинополя, черезъ Малую Азію, Персію и Грузію на Астрахань. Отъ Астрахани до Москвы патріархи ѣхали съ большою торжественностью. Алексѣй Михайловичъ приказалъ доставлять имъ всевозможныя удобства и даже устраивать для проѣзда мосты. Проѣхавъ по почти безлюднымъ и степнымъ берегамъ Волги, гдѣ уже начинались таинственные разговоры про «батюшку» Стеньку Разина. почетные гости стали приближаться къ столицѣ, изъ которой имъ, по обычаю, высылали нѣсколько почетныхъ встрѣчъ, одну за другою. 2 ноября 1666 г. часть московскаго духовенства встрѣтила патріарховъ у городскихъ воротъ, откуда всѣ шли до Успенскаго собора крестнымъ ходомъ, при звонѣ

колоколовъ, среди огромнаго стеченія народа. Послѣ первыхъ перемоній и угощеній, патріархи занялись предварительнымъ изслѣдованіемъ дѣла, которое имъ предстояло рѣшить; для этого занятія царь назначилъ имъ въ помощь крутицкаго митрополита Павла, рязанскаго архіепископа Иларіона и Лигаридеса. Бакъ землякъ вселенскихъ патріарховъ, Лигаридесъ и сдѣлался докладчикомъ по дѣлу Никона, почему онъ составилъ родъ обвинительнаго акта противъ московскаго патріарха. Основываясь на этомъ актѣ, составленномъ бойко и обдуманно, патріархи заранѣе были предубѣждены противъ Никона; любопытно то, что, не находя достаточно вѣскихъ обвиненій, Лигаридесъ приписалъ Никону посягательство на власть и права вселенскихъ патріарховъ.

29 ноября псковской архіепископъ Арсеній, спасскій архимандритъ Сергій изъ Ярославля и спасо-евфиміевскій игумень Павелъ изъ Суздаля, пріѣхали въ Новый-Іерусалимъ звать Никона въ Москву на открывшійся помѣстный соборъ.

— Откуда святѣйшіе патріархи и соборъ, — замѣтилъ Никонъ: — взяли такое безчиніе, что присылаютъ за мною архимандритовъ и игуменовъ, когда по правиламъ слѣдуетъ послать двухъ или трехъ архіереевъ.

— Мы къ тебѣ не по правиламъ пришли, — возразилъ Сергій: — а по государеву указу. Отвѣчай намъ: идешь или не идешь?

— Я съ вами говорить не хочу, — обрѣзалъ его гордый старикъ: — а буду говорить съ архіереями. Александрійскій и антиохійскій патріархи сами не имѣютъ древнихъ престоловъ и скитаются, я же поставленіе святительское имѣю отъ константинопольскаго. Если эти патріархи прибыли по согласію съ константинопольскимъ и іерусалимскимъ, то я поѣду, — съ этою рѣчью онъ обращался къ одному только Арсенію.

На слѣдующій день Никонъ отслужилъ заутреню съ елосвященіемъ въ полномъ облаченіи, затѣмъ литургію, во время которой произнесъ поученіе о терпѣнн, и къ вечеру выѣхалъ изъ монастыря въ саняхъ. Однако Сергій, душа посольства, успѣлъ дать знать въ Москву, что Никонъ принялъ ихъ нечестно, не идетъ и не сказалъ, когда поѣдетъ. Соборъ неме-

дленно послалъ второй вызовъ, съ выговоромъ за неповиновеніе и съ приказаніемъ пріѣхать въ Москву ночью на 2 декабря и остановиться на Архангельскомъ подворьѣ въ Кремлѣ. Второе посольство встрѣтило патріарха недалеко отъ села Чернева, въ которомъ онъ и остановился, чтобы выждать назначеннаго срока. Однако, Лигаридесъ и Питиримъ не уговорились и прислали въ Чернево третій вызовъ; этимъ хотѣли внушить патріархамъ и царю, что дерзкій Никонъ не слушается даже соборнаго приглашенія.

— Некому на васъ жаловаться,—горько улынулся старикъ:—развѣ только одному Богу. Какъ же я не ѣду? И для чего велите выѣзжать ночью съ немногими людьми? Хотите вѣрно удавить, какъ митрополита Филиппа удавили!

Въ назначенный срокъ поѣздъ изъ Чернова въѣхалъ черезъ Никольскія ворота въ Кремль и ворота были немедленно заперты ожидавшими стрѣльцами, причемъ полковникъ громко произнесъ: «Великаго государя дѣло». Во вторыхъ саняхъ ѣхалъ клирикъ Шушера съ патріаршимъ крестомъ; когда провожатые хотѣли взять этотъ крестъ, Шушера успѣлъ передать его Никону, за что былъ арестованъ и подвергнутъ тайному допросу лично самимъ царемъ, который приказалъ отдать его подъ стражу. Опасаясь бѣгства Никона въ рѣшительную минуту, мостъ у Никольскихъ воротъ былъ разобранъ, а домъ, гдѣ ночевали пріѣхавшіе, оцѣпленъ стражею. Въ 9 часовъ утра мстиславскій епископъ Мееодій, блюститель кievской митрополіи при живомъ митрополитѣ и бывший протоіерей Максимъ Филимоновъ, прославившійся своими вознями въ Малороссіи, пришелъ звать Никона въ засѣданіе, но предупредилъ, чтобы онъ шелъ смиренно, безъ предношенія креста; однако, патріархъ рѣзко отказался слѣдовать этому совѣту и соборъ долженъ былъ уступить ему. Въ столовой избѣ, гдѣ происходило засѣданіе, произошла встрѣча трехъ патріарховъ; тутъ присутствовали: кромѣ двухъ патріарховъ, митрополиты Питиримъ новгородскій, Лаврентій казанскій, Іона ростовскій, Павелъ крутицкій, Григорій никейскій, амассійскій, иконійскій, трапезундскій, Ѳеодосій венчакскій, варненскій, хіосскій, Михайлъ сербскій и одинъ изъ Грузинъ; архіепископы Симонъ вологодскій,

Филаретъ смоленскій, Стефанъ суздальскій, Арсеній псковской, Иларіонъ рязанскій, Іосифъ тверской, Арсеній псаевскій, синайскій и волонскій; епископы Мисаилъ коломенскій, Александръ вятскій, Филимонъ никорциндскій, Іоакимъ славяно-сербскій, Лазарь черниговскій и Меоодій мстиславскій; болѣе 50 архимандритовъ, игуменовъ и протоіереевъ, не считая священниковъ и прочихъ духовныхъ лицъ. Величавый Никонъ, въ полномъ облаченіи, вошелъ торжественно вслѣдъ за клирикомъ, несшимъ крестъ, и всѣ присутствующіе должны были встать; вошедшій прочиталъ молитву, поклонился царю, патріархамъ и всѣмъ присутствующимъ. Алексѣй Михайловичъ самъ указалъ бывшему другу мѣсто для сидѣнья среди собравшихся русскихъ іерарховъ, а не рядомъ съ патріархомъ.

— Благочестивый царь, — съ ироніею произнесъ гордый архипастырь: — я не принесъ съ собою мѣста. Буду говорить стоя! — и онъ стоялъ, опершись на свой посохъ, а передъ нимъ держали крестъ.

— Зачѣмъ я призванъ на это собраніе? — спросилъ Никонъ, когда водворилась тишина.

Тогда Алексѣй Михайловичъ, которому приходилось говорить, самъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ Никону. Дѣло приняло такой видъ, какъ будто соборъ долженъ произнести приговоръ между двумя тяжущимися; глава государства изложилъ все дѣло: онъ жаловался, что глава церкви русской оставилъ эту церковь на девятилѣтнее вдовство, благодаря чему возстали раскольники и мятежники и начали терзать церковь; царь предложилъ сдѣлать по этому поводу допросъ патріарху. Начался судебный допросъ, настолько пространнѣй, что рамки книги не позволяютъ привести его полностью; кромѣ того, сущность его состояла въ повтореніи всѣхъ приведенныхъ обвиненій, пересыпанныхъ взаимными колкостями и оскорбленіями, да въ разборѣ письма къ Діонисію константинопольскому. Слыша градъ нелѣпыхъ обвиненій изъ устъ князей и епископовъ, Никонъ обратился на второмъ засѣданіи прямо къ Алексѣю Михайловичу:

— Государь! девять лѣтъ готовляли то, въ чемъ хотѣли сегодня обвинить меня, и никто не можетъ промолвить

никонъ.

7

ни слова, никто не отверзаетъ устъ. Тщетны всѣ замыслы повели имъ побить меня камнями, они тотчасъ исполнятъ приказъ. Если же и еще девять лѣтъ будутъ выдумывать клеветы, то и тогда ничего не найдутъ противъ меня.

Три засѣданія тянулась эта нравственная пытка Никона котораго назойливо допрашивали по поводу каждой сплетни выдуманной на него досужими болтунами. 5 декабря окончилось разбирательство и Паисій александрійскій, въ качествѣ судіи вселенной, сдѣлалъ вопросъ грекамъ и русскимъ отдѣльно: «Чего достоинъ Никонъ»? Обѣ партіи отвѣтили единогласно «Да будетъ отлученъ и лишенъ священнодѣйствія». Формально отказались признать Никона виновнымъ трое: Лазарь черниговскій, Симонъ вологодскій и Мисаилъ коломенскій, не присутствовавшіе даже на послѣднемъ засѣданіи. Тогда оба патріарха встали и Паисій произнесъ приговоръ, въ которомъ было сказано, что по изволенію святого Духа и по власти, данной патріархамъ, вязать и рѣшить, они, съ согласія другихъ патріарховъ, постановляютъ, что отселѣ Никонъ, за свои преступленія, болѣе не патріархъ и не имѣетъ права священнодѣйствовать, но именуется простымъ инокомъ, старцемъ Никономъ. Осужденный старикъ возвращался на Архангельское подворье, уже не смѣя благословлять народъ. Въ это время, благодаря чьей-то нескромности, найденъ былъ грекъ Деметріосъ, жившій въ Новомъ Іерусалимѣ и переведшій на греческій языкъ письмо Никона къ Діонисію; его немедленно арестовали и перепуганный монахъ, не ожидая, конечно, ничего добраго отъ такихъ судей, вонзилъ себѣ ножъ въ сердце и тутъ же умеръ.

12 декабря въ небольшой церкви Благовѣщенія въ Чудовомъ монастырѣ собрались судьи-патріархи и члены собора въ полномъ облаченіи; изъ свѣтскихъ лицъ было только нѣсколько бояръ-князей. Вскорѣ привели Никона; на немъ была мантия и черный клобукъ съ жемчужнымъ вѣстомъ. Сначала ему прочиталъ Лигаридесъ по гречески окончательно отредактированный приговоръ, потомъ разанскій митрополитъ Иларіонъ прочиталъ тоже самое по русски. Въ приговорѣ обвиняли низложеннаго патріарха, главнымъ образомъ, за то, что произносилъ

хулы: на государя, называя его латиномудренникомъ, мучителемъ и обидчикомъ; на всѣхъ бояръ; на всю русскую церковь, говоря, будто она впала въ латинскіе догматы; а въ особенности, на газскаго митрополита Паисія Лигаридеса, къ которому питалъ злобу за то, что онъ говорилъ всесвѣтлѣйшему синклиту о нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣлахъ Никона, и называлъ даже на соборѣ еретикомъ и мятежникомъ. Ему ставили въ вину низверженіе коломенскаго епископа Павла, обвиняли въ самовольномъ наименованіи своихъ монастырей Іерусалимомъ, Виаеомомъ и Голгофою, обвиняли въ жестокости надъ подчиненными, которыхъ онъ наказывалъ кнутомъ, палками, а иногда пыталъ и огнемъ. «Призванный на соборъ,—говорилось въ приговорѣ:—Никонъ не явился смиреннымъ образомъ, какъ мы ему братски предписали, но осуждалъ насъ, говорилъ, будто у насъ нѣтъ древнихъ престоловъ и наши патріаршія разсужденія называлъ блядословіями и баснями». Словомъ, Никонъ былъ виноватъ кругомъ и около.

— Если я достоинъ осужденія,—сказалъ Никонъ по прочтеніи приговора:—то зачѣмъ вы, какъ воры, привели меня тайно въ эту церковку; зачѣмъ здѣсь нѣтъ его царскаго величества и всѣхъ его бояръ? зачѣмъ нѣтъ всенароднаго множества людей російской земли? развѣ я въ этой церкви принялъ пастырскій жезлъ? Нѣтъ, я принялъ патріаршество въ соборной церкви передъ всенароднымъ множествомъ, не по моему желанію и старанію, но по прилежнымъ и слезнымъ моленіямъ царя. Туда меня ведите и тамъ дѣлайте со мною, что хотите!

— Тамъ ли, здѣсь ли, все равно!—отвѣчали ему:—дѣло совершается совѣтомъ царя и всѣхъ благочестивыхъ архіереевъ. А что здѣсь нѣтъ его царскаго величества, на то его воля!— съ Никона сняли клобукъ и панагію.

— Возьмите это себѣ,—съострилъ осужденный:—раздѣлите жемчугъ между собою, достанется каждому золотниковъ по пяти, по шести, сгодится вамъ на пропитаніе на нѣкоторое время. Вы бродяги, турецкіе невольники, шатаетесь всюду за милостынею, чтобы было чѣмъ дань заплатить султану.

Съ присутствующаго въ церкви какого-то греческаго мо-

*

наха сняли клобукъ и надѣли на Никона; затѣмъ его вывели. Садясь въ сани, Никонъ громко сказалъ:

— Никонъ, Никонъ! все это тебѣ случилось за то: не говори правды, не теряй дружбы? Если бы ты устраивалъ дорогія трапезы, да вечерялъ съ ними, то этого бы тебѣ не случилось!

Въ сопровожденіи стрѣльцовъ его повезли на земскій дворъ, причемъ за санями шли приставленные къ нему архимандриты Павелъ и Сергій; послѣдній всю дорогу глумился надъ старикомъ и когда кто-то изъ толпы остановилъ насмѣшника, то былъ немедленно арестованъ стрѣльцами. На другой день утромъ Алексѣй Михайловичъ прислалъ къ Никону Родіона Матвеевича Стрѣшнева съ запасомъ денегъ и разныхъ мѣховъ и одежду, въ виду предстоящей поѣздки на сѣверъ.

— Его царское величество прислалъ тебѣ это, — объявилъ Стрѣшневъ: — потому что ты шествуешь въ путь дальній.

— Возврати все это пославшему тебя и скажи, что Никонъ ничего не требуетъ! — отвѣтилъ гордый и неуступчивый «преступникъ».

Стрѣшневъ сказалъ, что царь проситъ прощенія и благословенія.

— Будемъ ждать суда Божія! — закончилъ бесѣду Никонъ.

Въ тотъ же день толпы народа стали собираться, чтобы поглазѣть, какъ повезутъ низверженнаго патріарха. Но во избѣжаніе соблазна народу сказали, что Никона повезутъ черезъ Спасскія ворота по Срѣтенкѣ, и народъ устремился въ Китай-городъ, а сани съ ссыльнымъ, окруженный отрядомъ стрѣльцовъ въ 200 человекъ, выѣхали въ противоположныя. По дорогѣ одна вдова поднесла Никону теплую одежду и 20 рублей денегъ; старикъ принялъ это, какъ милостыню, отказавшись только что принять подачку отъ царя. Поѣздъ направился въ Терапонтовъ монастырь, превращенный съ 27 апрѣля 1798 г. въ приходскую церковь и находившійся недалеко отъ Кирилово-Бѣлозерскаго монастыря.

Тѣмъ временемъ, соборъ продолжалъ свои засѣданія. Троице-Сергіевскій архимандритъ Іоасафъ былъ избранъ по жребію изъ трехъ кандидатовъ патріархомъ 18 февраля 1667 г. и совмѣстно со вселенскими патріархами пересмотрѣлъ постановленія

предшествующаго собора относительно раскола, волновавшаго русскую церковь. Патріархи одобрили всѣ постановленія и подкрѣпили ихъ анаеюмою въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ на раскольниковъ. Последнее засѣданіе собора состоялось 13 мая 1667 г. Приговоръ патріарховъ имѣлъ чрезвычайную важность въ послѣдующей исторіи раскола; онъ утвердилъ непримиримую ненависть между господствующею церковью и несогласными съ нею противниками Никоновскихъ исправленій. Озлобленные фанатики-двуперстники, распавшіеся послѣ соловецкаго мятежа на поповщину и безпоповщину, произносили имя Никона, какъ главнаго виновника ихъ страданій, съ проклятіями и ругательствами; господствующая церковь, какъ послѣдовательница правилъ сосланнаго патріарха, называлась раскольниками съ презрѣніемъ никоніановскою. Но въ расколъничьяго міра на Никона всегда смотрѣли, какъ на невинно-пострадавшаго за правую вѣру, всегда называли его патріархомъ, вполнѣ сознавая, что соборъ поступалъ не по правиламъ и не могъ лишить его патріаршаго сана за прописанные въ приговорѣ проступки; все это было сдѣлано проходившими греками изъ угожденія боярамъ. Интересно, что въ числѣ обвиненій противъ Московскаго государства въ универсалѣ возставшаго гетмана Вруховецкаго, въ 1667 г., самымъ гнуснымъ дѣломъ москалей названо то, что «они свергли святѣйшаго отца-патріарха, который училъ ихъ имѣть милость и любовь къ ближнему». Знаменитый Степанъ Разинъ говорилъ, что онъ везетъ съ собою патріарха Никона, съ цѣлью возстановить его на московскомъ патріаршемъ престолѣ, и этимъ усиливалъ свое обаяніе.

Х. Старецъ Никонъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ выказалъ вполнѣ свою двойственную натуру: одною рукою онъ посылалъ Никону подарки черезъ его отъявленнаго врага Стрѣшнева, хотя Никонъ постоянно отказывался принимать ихъ; а другою рукою подпи-

сывалъ всевозможныя стѣсненія нравственно разбитому старику, вовсе ему не опасному, поддаваясь только наущеніямъ разнуздавшихся бояръ, которые не могли простить прямодушному мордвину, что онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на царскихъ слугъ, а не на вершителей судебъ государства. Съ Никономъ такая ссора была не опасна, но народъ не выдержалъ произвола бояръ, умѣвшихъ маскировать истинное положеніе дѣлъ передъ самодержавнымъ царемъ, и кровавое возстаніе Разина слишкомъ три года серьезно тревожило царя и его бездарныхъ приближенныхъ; слишкомъ полтораста тысячъ народу погибло за это время и Поволжье не скоро оправилось послѣ погрома голытьбы и правительственныхъ войскъ, не уступавшихъ другъ другу въ жестокостяхъ. Все время возстанія «батьюшки» Степана Тимошеевича, Никонъ сидѣлъ въ уединенномъ Оеранонтовомъ монастырѣ подъ надзоромъ мѣстнаго игумена и новоспасскаго архимандрита Іосифа, на помощь которымъ былъ еще назначенъ царскій приставъ Наумовъ; ему было запрещено писать и получать письма. Только изрѣдка доходили до изгнанника смутные и сбивчивые слухи о томъ, что дѣлается на Москвѣ и какъ разрѣшается народное возстаніе на югѣ; свѣдѣнія эти передавались самими надзирателями, которые, вопреки строгой инструкціи, продолжали обходиться почтительно съ жертвою царскаго гнѣва и, вопреки постановленію собора, называли его святѣйшимъ патріархомъ. Таково было обаяніе высоконравственного и глубоко честнаго Никона, бывшаго когда-то крестьянина Никиты Минина.

Лѣтомъ царь, сознавая, что виноватъ передъ Никономъ, что онъ наказалъ его не такъ, какъ подобало монарху наказывать подданнаго, снова завелъ черезъ Наумова переговоры съ бывшимъ «собиннымъ» другомъ о примиреніи и просилъ его благословенія, признавая этимъ, что, не смотря на пристрастный приговоръ греческихъ казуистовъ, Никонъ и въ ссылкѣ остается тѣмъ же московскимъ патріархомъ. Понимая настроеніе Алексѣя Михайловича, старикъ смѣло отвѣчалъ: «Ты боишься грѣха, просишь у меня благословенія, примиренія, но я тебя прошу только тогда, когда возвратишь меня изъ заточенія». Царь промолчалъ на это, не желая явно пренебрегать приговоромъ

нимъ самимъ приглашенныхъ патріарховъ, но въ сентябрѣ повторилъ свою просьбу, настойчиво добиваясь, чтобы опозоренный и униженный старикъ первый пошелъ на уступки. Никонъ отвѣчалъ, что благословляетъ царя и все его семейство, но когда царь возвратитъ его изъ заточенія, то онъ тогда проститъ и разрѣшитъ его совершенно. Вѣроятно, Алексѣй Михайловичъ высказалъ вскорѣ послѣ этого намѣреніе освободить невинно осужденнаго патріарха, потому что придворные интриганы ударили тревогу и въ началѣ 1668 г. архимандритъ Іосифъ прислалъ въ Москву доносъ. Дѣло въ томъ, что зимою распространился въ Терапонтскомъ монастырѣ слухъ, что передъ замерзаніемъ рѣкъ, съ Волги по Шекснѣ пріѣзжали подъ видомъ богомольцевъ агенты Разина и подходили подъ благословеніе къ опальному патріарху. Этимъ слухомъ воспользовались и въ доносѣ Іосифа оказалось, что къ Никону приходили воровскіе донскіе казаки и намѣревались освободить его изъ заточенія. Въ Москвѣ всполошились и произвели дознание, вслѣдствіе чего изъ несчастныхъ, по одному подозрѣнію въ сношеніяхъ съ опальнымъ патріархомъ, было схвачено и подвергнуто пыткамъ. Доносъ не подтвердился, но передъ кельею больного Никона стали постоянно дежурить двадцать стрѣльцовъ съ дубинами; старика стѣснили, въ чемъ только была возможность, и онъ сталъ хирѣть и чахнуть.

Занятый политическими дѣлами, Алексѣй Михайловичъ забылъ про Никона, пока домашнее горе не напомнило ему про горемыку. 2 марта 1669 г. скончалась царица Марья Ильинишна, 3 марта дочь Авдотья, 18 іюня сынъ Семень, а 17 января 1670 г. сынъ Алексѣй. Царь вспомнилъ про Терапонтскаго ссыльнаго и послалъ ему «ругу» со Стрѣшневымъ: какъ ни печальна была матеріальная обстановка Никона, но онъ съ гордостью отказался принять подачку. 6 іюня 1670 г. въ Москвѣ былъ казненъ Степанъ Разинъ и взволнованное имъ Поволжье постепенно успокоивалось, а обвиненіе надъ Никонѣмъ въ сношеніяхъ съ грознымъ атаманомъ продолжало тяготѣть. Долгія физическія страданія сломили энергичную натуру старика и онъ сталъ не требовать, а просить пощады. Поэтому въ концѣ 1671 г. онъ послалъ Алексѣю Михайлови-

чу письмо, въ которомъ просилъ прощенія за все, въ чемъ его считали виноватымъ. «Я боленъ, нагъ и босъ,—писалъ Никонъ:—спжу въ кельѣ затворенъ четвертый годъ. Отъ нужды цынга напала, руки больны, ноги пухнутъ, изъ зубовъ кровь идетъ, глаза болятъ етъ чада и дыму. Приставы не даютъ ничего ни продать, ни купить; никто ко мнѣ не ходитъ и милостыни не у кого просить. Ослабъ меня хотя немного». При дворѣ въ это время наибольшимъ значеніемъ пользовался Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, бывшій невольною причиною заговора Зюзина въ пользу Никона; его дальняя родственница и воспитанница, Наталья Кириловна Нарышкина, сдѣлалась 22 января 1671 г. второю супругою Алексѣя Михайловича. Подъ двойнымъ вліяніемъ кроткой жены и умнаго любимца-временщика, царь не остался глухимъ къ просьбѣ первой жертвы зарождающагося самодержавія. Не давая вѣры нечѣпому обвиненію въ сношеніяхъ съ Разинымъ, царь приказалъ содержать Никона въ Отрапонтномъ монастырѣ безъ всякаго стѣсненія: стражу отозвали, старику дали отдѣльную келью, чистую, просторную, а пища его сдѣлалась не только обильною, но и роскошною; Кирилово-Бѣлозерскому монастырю предписано было доставлять Никону все, что понадобится. Благодаря этому, Никонъ могъ завести собственное хозяйство, составилъ себѣ бібліотеку, лечилъ больныхъ и въ досужное время полюбилъ ѣздить верхомъ; мирясь съ судьбою, опальный патріархъ рѣшился принимать отъ царя подарки и денежную пенсію. Однако, переходъ отъ голода и нищеты къ относительному благосостоянію былъ настолько рѣзокъ, что Никонъ сталъ замѣтно слабѣть умомъ и тѣломъ; годы и болѣзни еще болѣе подрѣзали его. Его начали занимать мелкія дразги монастырской жизни, нерѣдко онъ ссорился съ монахами, постоянно былъ чѣмъ-то недоволенъ, ругался безъ толку и писалъ Алексѣю Михайловичу забавные доносы; напримѣръ, онъ пожаловался разъ на кириловскаго архимандрита, что тотъ напускаетъ къ нему въ келью чертей, которые его беспокоятъ.

Нѣсколько лѣтъ положеніе Никона оставалось неизмѣннымъ. 17 февраля 1672 г. умеръ патріархъ Іоасафъ, относившійся къ своему предшественнику довольно равнодушно. Новый па-

тріархъ Пятимиръ, съ іюня 1672 г. бывшій митрополитъ новгородскій, питаль по старому враждебныя чувства къ бывшему своему начальнику, но не могъ вредить ему, такъ какъ царь открыто принялъ сторону Никона и не даваль его въ обиду. 19 апрѣля 1673 г. Пятимиръ умеръ и его преемникомъ съ 26 іюля 1674 г. былъ архимандритъ Чудова монастыря, позднѣе новгородскій митрополитъ Іоакимъ. Въ юности Іоакимъ былъ ратнымъ человѣкомъ и участвовалъ въ войнѣ съ Польшою; чувствуя влеченіе къ созерцательной жизни, онъ отказался отъ свѣта и въ Кіевѣ постригся въ монахи; черезъ нѣсколько лѣтъ Никонъ выписаль его въ Москву и назначилъ келаремъ Чудова монастыря. Послѣ отреченія Никона отъ патріаршества, Іоакимъ, не долюбивавшій его, принялъ сторону враговъ его, сдѣланъ былъ архимандритомъ и открыто осуждалъ поведеніе Никона. Вполнѣ естественно, что упрямый и гордый Іоакимъ, достигнувъ патріаршаго престола, вѣсье не желаль возвращенія Никона изъ далекой ссылки и всѣми силами старался дѣйствовать въ этомъ смыслѣ на царя, который не одинъ разъ высказываль желаніе освободить бывшаго друга отъ заточенія. Оберегая Никона отъ новаго патріарха и щедро посылая изгнаннику подарки и даже лакомства, Алексѣй Михайловичъ скончался 29 января 1676 г. и на престолъ вступилъ старшій сынъ его отъ Марьи Ильинишны, Ѳеодоръ III Алексѣевичъ.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ родился 8 іюня 1656 г., слѣдовательно вступилъ на престолъ на двадцатомъ году; это былъ болѣзненный молодой человѣкъ, съ четырнадцатилѣтняго возраста пораженный неизлечимою болѣзнію и едва ходившій. Самъ собою разумѣется, что власть была у него въ рукахъ только по имени, тѣмъ болѣе, что въ многочисленной царской семьѣ былъ полный разладъ, а своевольные бояре примыкали къ той партіи, у которой надѣялись имѣть больше выгодъ. Главныхъ партій было двѣ: во главѣ первой стояла умная и энергичная царевна Софья Алексѣевна, сестра царя, а во главѣ второй его мачиха, царица Наталья Кириловна. На сторонѣ царевны были бояре Иванъ Михайловичъ Милославскій и Богданъ Матвеевичъ Хитрово, открывшій враждебныя дѣйствія

противъ патріарха Никона въ 1658 г.; на сторонѣ царицы бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, озлобившій всѣхъ своимъ быстрымъ повышеніемъ. Начались интриги вокругъ молодого царя и уже 4 іюня 1676 г. Матвеевъ былъ отправленъ на жительство въ Лаишевъ, а 11 іюня 1677 г. лишенъ боярства и сосланъ въ Пустозерскъ. Одновременно принялись и за безсильнаго уже Никона.

Вступивъ на престолъ, набожный и честный Ѳеодоръ Алексѣевичъ первымъ дѣломъ послалъ Ѳеодора Абрамовича Лопухина, будущаго тестя Петра Великаго, къ Никону съ дарами и вѣстью о кончинѣ отца; вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно волѣ отца, выраженной въ духовномъ завѣщаніи, онъ приказалъ просить прощенія и разрѣшенія покойному царю на бумагѣ, выказывая этимъ явно, что, вопреки приговору вселенскихъ патріарховъ, онъ считаетъ Никона патріархомъ на покоѣ, а не старцемъ Никономъ. Но изгнанникъ никогда не былъ лстивымъ царедворцемъ и не умѣлъ поступаться своими убѣжденіями, поэтому онъ отвѣчалъ: «Богъ его проститъ, но въ страшное пришествіе Христова мы будемъ съ нимъ судиться. Я не дамъ ему прощенія на бумагѣ». Такой отвѣтъ, очень естественно, огорчилъ не искушеннаго жизнью царя, онъ не могъ оцѣнить всю горечь, накопившуюся въ Никонѣ за 18 лѣтъ травли, которой на его глазахъ подвергся уже Матвѣевъ. Іоакимъ и Хитрово воспользовались такимъ настроеніемъ Ѳеодора Алексѣевича, чтобы отравить послѣдніе годы жизни Никону. При ихъ тайномъ подстрекательствѣ, на бывшаго патріарха посыпались доносы; находившійся въ монастырѣ писарь Шайсуповъ и монахъ Іона, когда-то служившій келейникомъ у Никона, между прочимъ, доносили, что «онъ называетъ себя по прежнему патріархомъ и занимается стрѣльбою; застрѣлилъ птицу бакланъ за то, что птица поѣла у него рыбу; даетъ монахамъ цѣловать руку, называетъ вселенскихъ патріарховъ ворами, лечитъ людей, которые отъ его лекарства умираютъ; напивается пьянъ; разсердившись, дерется самъ и другимъ приказываетъ бить монаховъ». Эти вздорные доносы были написаны, конечно, въ увѣренности, что, при измѣнившихся обстоятельствахъ, ихъ примутъ на вѣру. Патріархъ

Іоакимъ по своему представилъ все дѣло царю и тотъ согласился, чтобы Никона перевели въ Кирилово-Бѣлозерскій монастырь подъ надзоръ двухъ старцевъ монаховъ, которые должны были постоянно жить съ нимъ въ кельѣ и никого къ нему не допускать. Никонъ еще настолько владѣлъ умственными способностями, что понялъ страсшуюся надъ нимъ бѣду и пытался доказать лживость доноса, но Іоакимъ, конечно, не обратилъ вниманія на его оправданія.

Однако, при дворѣ молодого царя нашлась заступница угасающаго старика; это была тетка Ѳеодора Алексѣевича, царевна Татьяна Михайловна, съ дѣтства благоговѣвшая передъ величавою личностью Никона. Кромѣ нея за опальнаго сталъ хлопотать бывшій учитель царя, монахъ Симеонъ Петровскій-Ситіановичъ, обыкновенно называемый по мѣсту рожденія Полоцкимъ; онъ пріѣхалъ въ Москву въ 1664 году и могъ, въ качествѣ посторонняго зрителя, по справедливости оцѣнить всѣ пошлыя нападки на отрекшагося отъ власти патріарха. Хлопоты этихъ двухъ свѣтлыхъ и честныхъ личностей не пропали безплодно и Ѳеодоръ Алексѣевичъ своею властью облегчилъ положеніе Никона и не велѣлъ его стѣснять; затѣмъ предложилъ патріарху Іоакиму перевести изгнанника въ любимый его Новый-Іерусалимъ. Узнавъ объ этомъ, монахи созданнаго Никономъ монастыря подали царю съ своей стороны челобитную, умоляя возвратить имъ Никона, «какъ пастыря къ стаду, какъ кормчаго къ кораблю, какъ главу къ тѣлу». Но Іоакимъ заупрямился.

— Дѣло учинилось не нами, — возражалъ злопамятный патріархъ: — а великимъ соборомъ и волею святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ; не снесясь съ ними, мы не можемъ этого сдѣлать.

Не въ мѣру ревностный архипастырь забывалъ, что мѣсто административной ссылки назначали не патріархи, а свѣтская власть въ государствѣ. Желая оставаться на почвѣ легальности, настойчивый, не смотря на свою болѣзненность, Ѳеодоръ Алексѣевичъ нѣсколько разъ повторялъ свою просьбу, а затѣмъ созвалъ соборъ; однако, соборъ, руководимый упрямымъ предсѣдателемъ-патріархомъ, не исполнилъ желанія

царя. Разсерженный явную несправедливостью, царь написалъ Никону самое дружеское письмо, но вскорѣ пришло извѣщеніе отъ кирилово-бѣлозерскаго архимандрита Никиты, что Никонъ боленъ, принявъ схиму и близокъ къ смерти; поэтому онъ спрашивалъ разрѣшенія: какъ и гдѣ похоронить бывшаго патріарха? Ѳеодоръ Алексѣевичъ снова обратился къ собору съ просьбою сжалиться надъ заточникомъ и хотя предъ смертью порадовать его свободою. На этотъ разъ патріархъ Іоакимъ смягчился и соборъ благословилъ молодого царя возвратить умирающаго Никона изъ заточенія, въ которомъ тотъ пробылъ почти четырнадцать лѣтъ.

Царь немедленно командировалъ дьяка Чепелева перевезти Никона въ Новый-Іерусалимъ. Это состоялось въ началѣ августа 1681 г., послѣ смерти первой супруги Ѳеодора Алексѣевича, Агаѣи Семеновны, скончавшейся послѣ родовъ 14 іюля. Въ это время Никонъ съ трудомъ владѣлъ ногами, вслѣдствіе болѣзни и истомленія, трудно переносимаго въ его годы. Изъ монастыря Чепелевъ бережно перевезъ больного старика на берегъ Шексны, здѣсь пересѣли въ ожидающій ихъ стругъ и отправились, согласно желанію освобождаемаго, на Ярославль. Вездѣ по пути стекался народъ, инстинктивно сознававшій, что безвинно пострадавшему старику наконецъ-то оказана справедливость; вопреки казуистическимъ доводамъ греческихъ юристовъ, которыхъ народъ не понималъ всѣ 14 лѣтъ, всѣ встрѣчали патріарха Никона, а не простого монаха, всѣ почтительно просили архипастырскаго благословенія и радушно приносили все нужное путешественнику. 16 августа утромъ стругъ остановился у пристани Толгскаго Богородичнаго монастыря, въ восьми верстахъ отъ Ярославля. Игуменъ съ братією встрѣтили съ почетомъ бывшаго патріарха, который пріобщился св. таинъ и приготовился переплыть съ лѣваго берега Волги на правый, въ устьѣ Которости, гдѣ стоитъ Ярославль. Тутъ явился спасо-ярославскій архимандритъ Сергій, который глумился и измущался надъ Никономъ во время суда патріарховъ. На этотъ разъ архимандритъ униженно сталъ просить прощенія за старое, кланялся Никону въ ноги и увѣрялъ, что наносилъ ему оскорбленія не по своему хотѣнію, а

подчиняясь волѣ собора; другими словами, къ одной подлости онъ прибавилъ другую, клевета на отсутствующихъ. Находясь въ положеніи счастливаго человѣка, выпущеннаго на волю изъ темницы, Никонъ не могъ сердиться теперь ни на кого, а потому добродушно простилъ архимандрита Сергія.

Наступило веселое утро 17 августа и стругъ отплылъ отъ монастыря, причемъ около постели Никона сидѣли оба архимандрита, Никита и Сергій. Толпы народа изъ города и окрестныхъ селъ встрѣтили путешественниковъ на берегу Которости, куда стругъ вошелъ съ Волги. Оказалось затрудненіе причалить къ пристани, по причинѣ мелководія рѣчки, и усердный народъ бросился въ воду и дружно вынесъ стругъ на берегъ. Въ это время Никонъ былъ въ совершенномъ изнеможеніи и ничего уже не могъ говорить, пока народъ привѣтствовалъ его, цѣлуя ему руки и ноги. День уже склонялся къ вечеру и въ Ярославлѣ начали благовѣстить къ вечернѣ; въ это время Никонъ немного ободрился, оглянулся на веселый берегъ, залитый народомъ, и началъ оправлять себѣ волосы, бороду и одежду, какъ бы готовясь войти въ городъ. Архимандритъ Никита понялъ, что наступаетъ торжественная минута для маститаго старца и началъ читать отходную. Никонъ потянулся на постели, сложилъ руки на груди и тихо угасть, проживъ съ небольшимъ 76 лѣтъ.

Оставивъ тѣло усопшаго на попеченіи архимандритовъ, Чепелевъ поспѣшилъ въ Москву съ извѣстіемъ о кончинѣ бывшаго патріарха и по дорогѣ встрѣтилъ царскую карету, предназначенную везти Никона. Ѳедоръ Алексѣевичъ приказалъ перевести тѣло Никона въ Новый-Іерусалимъ и послалъ патріарху Іоакиму приглашеніе ѣхать на погребеніе со всѣми именами собора.

— Воля государева, — отвѣчалъ Іоакимъ: — я на погребеніе поѣду, а именовать Никона патріархомъ не буду и назову его просто монахомъ. Такъ соборъ повелѣлъ. Если царь захочетъ, чтобы я его именовалъ патріархомъ, я не поѣду.

— Я все беру на себя, — настаивалъ раздраженный царь: — я самъ буду просить вселенскихъ патріарховъ, чтобы дали разрѣшеніе и прощеніе покойному патріарху.

Но Іоакимъ упорно стоялъ на своемъ. Наконецъ, опасаясь дурного исхода своего бессмысленнаго упрямства, но не желая ронять своего достоинства, патріархъ отпустилъ новгородскаго митрополита Корнилія, позволивъ ему поминать покойнаго такъ, какъ пожелаетъ царь. Въ присутствіи Ѳеодора Алексѣевича, Татьяны Михайловны, Натальи Кириловны съ маленькимъ Петромъ и семи сестеръ царя, Корнилій съ нѣсколькими архимандритами: Никитою кпиріово-бѣлозерскимъ, Вивентіемъ троице-сергіевскимъ, Сергіемъ спасо-ярославскимъ и Германомъ ново-іерусалимскимъ, совершилъ 26 августа погребеніе тѣла Никона, поминая его патріархомъ московскимъ и всея Руси; царь поцѣловалъ руку покойнаго, а во время литургіи самъ читалъ апостола. Отпѣваніе состоялось въ Успенской церкви, а погребеніе произошло въ церкви Іоанна Предтечи на томъ мѣстѣ, гдѣ Никонъ давно уже завѣщалъ похоронить себя и собственными руками выкопалъ могилу еще до суда. Сверхъ склепа была поставлена тумба, украшенная мѣдными веригами въ 15 фунтовъ, которыя Никонъ носилъ со времени постриженія въ Лизерскомъ скитѣ; вериги были покрыты бархатнымъ покровомъ съ серебрянымъ шитьемъ, подарокъ Татьяны Михайловны. Архимандритъ Германъ, бывший ученикъ покойнаго, сочинилъ надгробное стихотвореніе, вырѣзанное на камнѣ у подножія гроба.

По возвращеніи изъ Новаго - Іерусалима въ Москву, царь послалъ Іоакиму митру Никона и просилъ поминать покойнаго, но патріархъ и тутъ остался вѣренъ самому себѣ: онъ не принялъ подарка и ни за что не хотѣлъ поминать Никона патріархомъ. Тогда царь, окончательно введенный изъ терпѣнія такимъ ребячествомъ, велѣлъ написать отъ своего имени четыремъ вселенскимъ патріархамъ. Посланный побывалъ въ Константинополѣ, Дамаскѣ, Іерусалимѣ и Александріи и съ отвѣтами вернулся въ Москву въ концѣ 1682 г., не заставъ въ живыхъ болѣзненнаго, но общавшаго много хорошаго молодого царя, такъ какъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ скончался 27 апрѣля 1682 г. на рукахъ второй жены, Марѣи Матвеевны. Правительница государства, царица Софья Алексѣевна, получила грамоты, адресованныя

ея покойному брату; въ нихъ вселенскіе патріархи разрѣшали, какъ и слѣдовало ожидать, причислить Никона къ лику прочихъ московскихъ патріарховъ и вѣчно поминать его подъ этимъ званіемъ. Волею-неволею упрямый Іоакимъ долженъ былъ поминать Никона патріархомъ, а за нимъ и вся русская церковь, поминающая его до сихъ поръ въ этомъ неотъемлемо принадлежащемъ ему санѣ.

Преемникъ Іоакима, скончавшагося 17 марта 1690 г., казанскій митрополитъ Адріанъ, былъ послѣднимъ московскимъ патріархомъ, съ 24 іюля 1690 г. по 16 октября 1700 г. Трезвый умъ Петра Великаго понялъ, что въ одномъ государствѣ не можетъ быть два верховныхъ правителя. Примѣръ Никона, сознательно стремившагося поставить власть государя-патріарха выше государя-царя, былъ памятенъ ему, какъ имѣвшему полную возможность знать закулисную сторону борьбы отца съ непреклоннымъ, но честнымъ мордвиномъ. Еще свѣжѣе былъ въ памяти Іоакимъ, постоянно противодѣйствовавшій самодержавному царю; но если болѣзненный Ѳеодоръ Алексѣевичъ могъ перенести выходки патріарха, то Петръ Великій былъ не таковъ. Понимая, что можетъ явиться новый Никонъ съ теократическими тенденціями и быть счастливѣе въ борьбѣ, чѣмъ его предшественникъ, Петръ воспользовался смертью Адріана и безъ стѣсненій уничтожилъ навсегда санъ патріарха, учредивъ вмѣсто него 14 февраля 1721 г. святѣйшій правительствующій синодъ.

БИБЛИОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ,

издаваемая Ф. Павленковымъ.

Въ составъ ея вошли пока (сентябрь 1890 г.), слѣдующія книги:

Ручной трудъ. Составилъ Графиня. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.—**Электрическіе звонки.** Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.—**Руководство къ рисованію акварелью.** А. Кассаня. Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—**На всякій случай.** А. Альмедингена. Научно-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціею пищевыхъ и другихъ веществъ. Ц. 60 коп.

Популярно-научныя книги.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Далле. Перев. съ франц. Съ 41 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
ФИЗИОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена. профессора Лозан. университета. Предисл. Герцена-отца. Съ франц. Ц. 1 р.
МІРЪ ГРЕЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣн. галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Съ франц. Ц. 1 р.
РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиня. Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.
ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Пер. съ 5-го итальян. изд. Ц. 1 р. 50 к.
ПРОГРЕСЪ ПРАВДЫ. Л. Гуріо. Перевелъ съ франц. Э. Зауэръ. Ц. 1 р. 50 к.
УМСТВЕННЫЙ ЭПИДЕМИИ. Д-ра Реньяра. Перевелъ съ франц. Э. Зауэръ. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.
КОТОРЫЙ ЧАСЪ? Н. Вавилова. Протѣрка часовъ безъ помощи часовщика и устройство солнечныхъ часовъ. Съ 18 рис. Одобрено Академіей Наукъ. Цѣна 30 к.
СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярныя очерки міровѣдѣнія. 5-е изданіе, въ первый разъ иллюстрированное 60 рис. Ц. 30 к.
ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. Фламариона. Съ франц. 100 рис. Ц. 1 р. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Реньяра. Перевелъ и дополнилъ Д. Головъ. Съ 114 рис. Цѣна 1 р. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. В. Чиколова. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
ЧУДСА ТЕХНИКИ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. В. Чиколова. Ц. 30 к.
О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧ. ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколова. Ц. 25 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНИТИЗМЪ. А. Гано и Ж. Маневрье. Перев. Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова. Съ 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.
СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ЭЛЕКТРОТЕХНИКѢ. В. Чиколова. Ц. 75 к.

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіеническія бестѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНИТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 230 рис. 2-е изданіе. Ц. 2 р.
ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Пер. С. Степанова, со 145 рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Пер. съ франц. С. Степанова. Со 157 рис. Ц. 2 р.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Перев. съ англійскаго и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р.
СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ. Д-ра Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рубо. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 к.
ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИК. ЛЮДЕЙ. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМЪЩАТЕЛЬНОСТЬ. Ц. Ломброзо. Съ рис. Ц. 2 р.
ЧТО СДѢЛАЛЪ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Съ портретомъ Дарвина. Переводъ Г. Лопаткина. Ц. 75 к.
КЛѢВНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.
ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Сост. Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.
ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго. Съ 72-ми рис. Ц. 60 к.
ЭНЦИКЛЕПА ВАШНЯ. Сост. Г. Гисандье. Съ рис. Переводъ съ француз. Ц. 50 к.
СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.
ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Профес. Да-Коста. Съ нѣм 704 стр., 43 рис. Ц. 3 р. 50 к.
ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опыты популярно-научной философіи. А. Сегенъ. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ДАРВИНИЗМЪ. Общедост. изложеніе ученія Дарвина. Э. Фрѣра. Ц. 60 к.

